

Святослав

Валентин Гнатюк
Святослав. Хазария

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гнатюк В. С.

Святослав. Хазария / В. С. Гнатюк — «Издательство АСТ»,
2019 — (Святослав)

ISBN 978-5-17-108250-5

Роман представляет собой подробное жизнеописание известного киевского князя Святослава Игоревича, широкую панораму событий в Киевской Руси X века накануне крещения её Владимиром, а также взаимоотношения с Византией, Хазарией, Болгарией, другими странами и народами раннего Средневековья. В основу положены многие исторические данные, переосмысленные и воспроизведённые авторами с такой бережностью и глубиной, что даёт все основания назвать данное произведение романом-реконструкцией. Книга читается на одном дыхании: правление княгини Ольги, подробности ведического обучения, любви и ратного возмужания Святослава, романтические эпизоды и захватывающие батальные сцены доставят читателям истинное удовольствие. Совершите неповторимое волшебное путешествие в глубины генетической памяти русского народа! Вашему вниманию предлагаются три книги, охватывающие события 953–971 гг.: юность и возмужание Святослава; разгром Хазарского каганата; война в Болгарии. Итак, вторая книга: СВЯТОСЛАВ. ХАЗАРИЯ.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108250-5

© Гнатюк В. С., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Предисловие	7
Часть первая. Волшебный полет	8
Глава первая. Полнолетие Святослава	8
Глава вторая. Берестянские огнищане	20
Глава третья. Падение Саркела	27
Глава четвертая. Руриково поле	42
Глава пятая. Уйзен	62
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Валентин Гнатюк, Юлия Гнатюк

Святослав. Хазария

© Гнатюк В. С., Гнатюк Ю. В.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Предисловие

После того как я прочитал этот роман, первая мысль, которая пришла на ум: надо бы в центре России, в Москве или в Питере, поставить достойный памятник этому верному служителю нашего Рода.

Память о Святославе сознательно уничтожалась на протяжении столетий. Дошло до того, что на известнейшем памятнике «Тысячелетию России» нет ни Святослава, ни Олега Вещего. Хорошо, хоть Рюрик есть. А ведь это родной дед Святослава из рода Гостомысла.

Зачем уничтожалась ранняя история Руси, мы все прекрасно понимаем. Рюрик, Олег, Игорь, Святослав – все они очень неудобные и не вписывающиеся в западную историю, в которой Руси и позже России отводилось место зависимой, неспособной на самостоятельное развитие, варварской страны.

Конечно, эта книга может вызвать скандал в научной, а точнее говоря, в псевдонаучной среде. Ведь почти все древние летописи, дошедшие до наших дней, – это списки, сделанные нашими хроникёрами, в которых реальная история перевернута в угоду византийскому христианству. Валентин и Юлия Гнатюк создали в своей книге очень честный и правильный образ Святослава, как настоящего патриота и мудрого правителя, объединившего славян.

Я очень советую всем прочитать эту замечательную трилогию и, наконец, понять, какой бедой для Руси в своё время оказался Хазарский каганат, которым фактически уже тогда правили иудеи. Бесстрашная, независимая, сильная Русь вызывала зависть и бессильную злобу у правителей наших соседей, уже прогнутых под торгашей. Многие славянские народы обязаны Святославу жизнью и свободой. Именно Олег, Игорь и Святослав заставили Византию уважать Русь. А ведь Византия того времени – это, говоря современным языком, сверхдержава, оплот цивилизации и демократии.

История развивается по спирали. На очередном витке события повторяются. Меняются декорации, но суть остаётся та же. Нужно ли говорить о том, как важно нам сегодня иметь правильную, неотформатированную память о своих великих предках?

Юлия и Валентин Гнатюк написали несколько интереснейших книг об истории Руси. Роман-трилогия «Святослав» – прекрасное продолжение этой большой работы. Благодаря тщательному подходу к историческим фактам, образному мышлению и уважению к нашему глубокому прошлому, писателям удалось буквально проникнуть в эпоху Древней Руси и пройти по следам легендарного князя. Я считаю, что это лучший исторический роман о князе Святославе.

Описание природы, живые картины быта, ратного обучения и праздников дают ощущение полного присутствия в тот исторический период и сопричастности происходящему, и эта магия не отпускает до самого конца книги.

Трилогия «Святослав. Возмужание», «Святослав. Хазария», «Святослав. Болгария» – прекрасный подарок читателю, любящему нашу историю, в которой сокрыты многие ключи и нынешнего и грядущего!

Уверен, после прочтения вам захочется вернуться к более раннему периоду нашей истории и узнать о том, как начиналась Великая Русь при князе Рюрике. Свою версию о Рюрике и его братьях мы изложили совместно с авторами в книге «Рюрик. Полёт Сокола». Будут и другие книги о том времени. Сейчас работаем над книгой об Олеге Вещем. Необходимо восстановить память. У кого нет прошлого – нет и будущего.

Михаил Задорнов

Часть первая. Волшебный полет

Глава первая. Полнолетие Святослава

Лета 6471 (963)

Шесть греческих стратигосов, получив напутствие от императора Романа, отправились к начальнику Тайной стражи архистратигосу Викентию Агриппулусу. Именно он руководил отправкой в Хазарию, и ему должны будут посылать свои отчёты и сообщения означенные стратигосы.

Собранный и немногословный Агриппулус говорил кратко, тихим голосом, что невольно заставляло слушателей напрягать внимание:

– Ваш путь лежит с купеческим караваном по Борисфену в Киевф, а потом, пробыв в столице россов одну-две седмицы, отправитесь дальше в Итиль, как торовцы с товарами. В Киевфе тщательно изучите военные силы россов – сколько полков и сколько тем у них может быть готово к выступлению, и как быстро они могут их собрать. Там вам поможет в сборе сведений отец Алексис. – Архистратигос замолчал, острым взором окинув лица. Убедившись, что все слушают внимательно, продолжил: – По прибытию в Итиль принимайтесь за обучение хазарского воинства, чему и как учить хазар, знаете. Я хочу напомнить, что главная ваша задача состоит в том, чтобы восточный противник не давал покоя Руси. Пока будет силён каганат, россы не будут помышлять ни о чём другом. Это ваша самая главная задача в служении империи! – с нажимом на слово «главная» закончил краткую речь Викентий. Потом, снова помолчав и внимательно глядя на стратигосов, добавил: – И последнее. В столице Каганата поступите в распоряжение старшего стратигоса Каридиса, который давно уже находится в Хазарии и поможет вам быстрее освоиться на новом месте. Все его указания выполнять, не обсуждая. Всё, счастливого пути! Да хранит вас Господь великий и всемогущий, я скажу патриарху Полиэвкту, чтобы он велел монахам молиться за вас!

На киевском Торжище спозаранку непрерывно бурлила толпа, звенели крики гостей, подручных и скупщиков, далеко окрест разносилось мычание коров, блеяние овец и конское ржание.

Притыка, Издеба и Горицвет подъехали к Торжищу, когда ещё не развеялась утренняя прохлада. У коновязи темники заспорили, ехать по рядам верхом или лучше оставить коней. Всё-таки рассудительный Издеба убедил друзей, и они оставили скакунов под присмотром стременных. Только Горицвет кликнул своего отрока, чтоб следовал за ними.

Сразу у ворот начиналась клочущая и бурная людская река. Темники вступили в неё, и шумное, зазывающее, жарко спорящее и источающее бесчисленные запахи Торжище понесло витязей по своим руслам, рукавам и протокам. Сначала низом, мимо съестных припасов, мёдов, рыбы и всякого брашна, а потом вынесло туда, куда хотели темники – к рядам бронников и оружейников. Щиты, шеломы, наручи, поножи, нагрудники, кольчуги и прочие изделия киевских, новгородских, фряжских, византийских, варяжских, а то и арабских мастеров – из стран далёких и близких, полуденных и полуночных. Совсем простые доспехи для небогатых ратников и дорогие, блистающие камнями, серебром-золотом, изукрашенные чернью и финифтью.

Опытные глаза старых воинов равнодушно скользили по одним изделиям и задерживались на тех, что были сработаны особенно ладно и чем-либо выделялись из прочих. Вот седовласый Издеба, остановившись, повертел в своих мощных руках стальной наруч, вроде

обычный, без особых прикрас, но он чем-то привлёк внимание темника. Издеба внимательно осмотрел его своим единственным оком. Притыка и себе, будто пробуя на прочность, постучал по наручу костяшками пальцев.

– Что тюкаешь? – засмеялся хозяин товара, невзрачный мужик с выгоревшими волосами, схваченными медным обручем, одетый в кожаный передник. – Чеканом бить можешь, и тогда товару моему урону не будет!

– А как будет, что тогда? Небось плату за порчу потребуешь? – подзадорил мастера острый на язык Горицвет. – Вот сейчас Притыка врежет со всего маху своим кулачищем, и чекана не надобно!

Они ещё немного пошутили с рукомысленником и пошли дальше.

– Смех смехом, братья-темники, а товар у сего мастера и впрямь добрый, – подтвердил Издеба. – Я его знаю, он новгородский. Изделия особой красой не блещут, но зато прочны необычайно. Таким наручем и удар меча можно отвести умеючи...

– И я про его товар слыхивал, – поддержал могучий как дуб Притыка. – Сей мастер так хитро пластины меж собой скрепляет, что они при ударе играют и опять выпрямляются. Такие только наш Молотило во всём Киеве делать мог...

Перейдя на оружейные ряды, друзья пошли ещё медленнее.

– А что, может, меч князю поднести? – предложил Издеба.

– Князь любит доброе оружие, – согласился Притыка.

– Нет, друзья, – возразил Горицвет, – мечей, я мыслю, князю нынче целый воз надарят, надобно что-то особенное сыскать!

Темники прошли мимо рабов, обсудив выставленных на продажу отроков и женщин, а потом направились в дальнюю часть Торжища. Вскоре бляение, ржание и фыркание животных стало заглушать голоса торговцев, а в воздухе крепко запахло навозом и конским потом. Ещё один поворот, и друзья оказались в той отгороженной части Торжища, где продавались кони, коровы, могучие невозмутимые волы, пышношерстные овны, козы и другие животные. Отдельно стояли отменные скакуны, выросшие на степном приволье, которых продавали в основном кочевники – хазары, печенеги и койсоги.

– Гляди! – вдруг воскликнул Горицвет, шедший чуть впереди. – О, Свароже, правый!

Но друзья уже и без того застыли в немом восхищении.

В середине одного из загонов стоял конь, белый как снег, без единого тёмного пятнышка. Его влажные розоватые ноздри шевелились, большими диковатыми очами он нервно косил по сторонам, прядал чуткими ушами на восхищённые возгласы, перебирал тонкими крепкими ногами, по которым до самых лопаток иногда пробегала нервная дрожь.

Молодой хазарин, выведший коня, отпустил повод и что-то крикнул, подзадоривая. Жеребец вначале дёрнулся, как бы проверяя прочность повода, а потом пошёл по колу, разминаясь после стояния у коновязи.

– Вот такого князю в подарок! – хриплым от волнения голосом вымолвил Горицвет. – Грива – шёлк, шея лебединая, стать гордая, Перунов конь, не иначе!

– Не по зубам орешек, – охладил пыл друзей Издеба, – такой конь целого терема стоит с конюшнями в придачу...

В это время возле очарованных темников будто из-под земли вырос старый кривоногий хазарин в дорогой одежде и мягких сапогах самой доброй кожи.

– Нарависса конь? – спросил он, хитро улыбаясь и обнажив жёлтые, наполовину выщербленные передние зубы.

– Ладный жеребец, – сдержанно ответил за всех Издеба. – А что просишь за него?

Хазарин ещё раз, не торопясь, смерил узким прищуром русских военачальников с головы до ног.

– Три золотых быка! – наконец сказал он.

– Ого! – крикнул Притыка и почесал голову.

Горицвет присвистнул.

– Он у тебя весь из золота, что ли, купец?

– Ай, боярин! Моя хорошо знает, твой самый главный небесный бог-воин на такой конь скачет! – улыбаясь во весь щербатый рот, продолжал хазарин, сверкая плутоватыми глазами из-под лисьего малахая. Повернувшись к молодому, он что-то властно скомандовал по-хазарски. Молодой, подобрав повод, взял коня под уздцы и подвёл к темникам.

– Почему говоришь – дорого? – Жёлтая заскорузлая рука прошлась по гладкой вые скакуна, похлопала по мускулистой груди. – Гляди, боярина, хорошо гляди! Разве три золотых быка – цена для божеский конь? – Хазарин многозначительно зацокал языком. – Твоя покупай, моя кумыс наливай!

Ещё один окрик, и со стороны навеса примчался хазарский мальчик с бурдюком и пиалой из цветной глины.

Темники отошли чуть в сторону посовещаться.

– наших денег, само собой, не хватит, – рассуждал Издеба, – но ежели клич среди темников кинуть да пустить шелом по кругу, наберём!

– Точно! – пробасил Притыка.

– Соберём этой клюке хазарской три золотых быка, – взволнованно рёк Горицвет, потрясая наполовину седым оселедцем, – зато какой подарок князю! Истинно, будто сам Перун будет лететь во главе войска!

Горицвет уже кликнул стременного, чтобы отослать его с поручением, когда к старому хазарину подошёл какой-то муж в добротном одеянии и, не торгуясь, отдал кочевнику требуемую сумму. Два молодых гридня тут же подхватили белоснежного красавца за повод и, крепко держа, вывели его из загона.

– Э, постойте, куда? Это наш конь! – растерянно кликнул Притыка. Но гридни и важный муж не обратили на друзей никакого внимания и скоро скрылись из виду.

– Твоя долго думай, такой конь упустил! – укоризненно, как бы сожалея о таком скором торге, сказал старый хазарин ошарашенным темникам. – Не печалься, однако, на вот, выпей кумыс! – Он налил из кожаного бурдюка хмельного кобыльего молока и протянул пиалу Горицвету.

– Дякуем, нам пора! – Горицвет досадливо хватил кулаком по деревянной ограде и, круто повернувшись, зашагал прочь со скотного двора. Унылые и не меньше расстроенные друзья последовали за ним. Хазарин проводил их пристальным взглядом, потом выплеснул молоко и заковылял под навес.

Некоторое время трое друзей бесцельно бродили по Торжищу.

– Давайте ещё на варяжские и греческие ряды сходим, может, там что подберём, – предложил Притыка.

Они свернули за угол и вдруг в привычном шуме толпы услышали совсем иные звуки – откуда-то раздался громкий и чистый голос гусельника и рокот его серебряных струн. Привлечённые пением темники подошли к колу плотно стоящих людей. На небольшом возвышении в углу Торжища сидел старый Боян. Рубаха и штаны на нём были из сырого домотканого полотна, подпоясанные простым вервием. Длинная белая борода и усы, морщинистое лицо, розовые, с прожилками вен, щёки и бездонные очи цвета льна, которыми он глядел, устремив перед собой невидящий взор, поскольку уже много лет как ослеп. Однако худой стан его был на удивление прям, а голос чист и силен. Невидящими глазами глядел он куда-то в древнюю даль, о которой пел, а руки привычно перебирали струны гуслей.

– В старые времена, – пел Боян, – жил мудрый прародитель наш Ирей. И имел он трёх сыновей, трёх славных мужей, – один звался Кий, второй Щех, а третий храбрый Хорив. В те давние времена славянские Роды были едиными и имели державу великую Русколань. А

пришли они из земли святой Семиреченской в край Русский и прославляли богов светлых – Дажьбога-отца, Яро-бога, Ладо, Купало, Вышня, Крышня, Велеса и Стрибога, Хорса, Перуна и Деда богов Сварога и потому назывались славянами. Князья и Кудесники Родами правили, а Старейшины судили людей под Дубом Перуновым. И жили они у Горы Великой пять сотен лет, а потом пошли к Непре-реке, к Волхову и на Дунай, и ещё пять сотен лет счастливо жили. Кияне на Непре град основали Киев, а борусы ушли дальше к Дунаю и там сражались с Траяном. Мы же в Киеве обосновались, дома из дубовых брёвен поставили, и стал тот град сердцем новой земли Русской, стал венценосной столицей края лесного и огнищанского. Тысячелетние Боголесья теснились вокруг него, и в тех Дубравах положили Пращуры Бел-камень, окропив его кровью чистейших агнцев. И стало то место главным Требищем и Мольбищем. И на Мольбище том веснянки пели в Яре, огонь Купалин разводили летом, Первый Сноп приносили в жертву Дажьбогу, а в Овсени плоды, цветы и кринку мёда-самотёка. И Тризны справляли, вспоминая Отцов с Праотцами, и всех витязей, что приняли храбрую смерть на поле брани. И да пребудет вечно над градом Киевом защита богов славянских!

Так пел Боян, и люди стояли, погружившись в думы. И хотя знали темники всё, о чём рассказывал в песне старый гуслир, но тоже стояли и слушали с не меньшим интересом.

Слава богу Перуну Гремящему!
Слава Огнекудруму Златоусому богу нашему,
Который верных Ему ведёт по стезе Прави,
А на врагов посылает разящие стрелы-молнии.
Он же для воинов всегда есть Честь и Суд.
Слава князю нашему Святославу Хороброму,
Яко тот воистину есть Перунич!
Ныне обрела земля наша опору твёрдую,
Ныне стал Святослав свет Игоревич воеводой Руси великой.
Слава Святославу, князю нашему!
Слава стольному граду Киеву!
Слава богам русским отныне и во веки веков!

Слушая Бояна, темники совсем позабыли про неудачу с конём и, лишь когда старец запел о Святославе, продолжателе пращурской веры и великих славянских традиций, тогда вспомнили друзья о подарке для князя.

Походив ещё по разноязыкому Торжищу, они вернулись к кузнецу-броннику и купили пару его хитроумных наручей, а также удобный подшлемник.

Услышав, для кого подарок, кузнец сам выбрал из своего товара лучшее и цену ломить не стал, пожелав, чтоб его наручи всегда хранили князя и верно служили долгое время.

Несколько успокоенные темники покинули наконец Торжище. Заждавшиеся стремленные помогли оседлать коней, и три друга поскакали в направлении княжеского терема.

А старый Боян ещё долго пел людям. Солнце освещало его седые волосы, а скоро и вечер синей тенью постелился у ног. Сгущались предвечерние сумерки, на востоке поднимался яркий месяц, и Торжище постепенно пустело. А Боян, не видя этого, продолжал петь, глядя в сваргу незрячими очами:

Слава богу Радогощу, покровителю путников и гостей,
Слава богу гостеприимства славянского, богу Ряда и Совета
добротного!
Слава богам Путничу и Странничу, странников берегущих!
Слава богу Здравичу, немощных оздравляющему!

Слава Хорсу великому, живот дающему!
Слава Свентовиду, богу Вышнему, слава!
Слава Земнобогу, богу присному, всякой твари кормителю!
Слава богам Просичу, Овсеничу и богам Зерничу с Житничем,
Жито родящим и землю Киевскую хранящим!
Слава богу Зиждичу, покровителю зодчества!
Слава богу Велесу, стад звёздных водителю и искусств
покровителю!
Слава Яриле прекрасному, и всем богам Великим и Малым,
Которые помогают нам и молятся за нас перед Сварогом —
Дедом богов, Источником вечной жизни!

Над Торжищем опускалась тихая ночь. Боян всё сидел и думал думу, опустив голову на грудь. Потом вздохнул, поднялся, положил гусли в торбу, закинул её за свою широкую спину, взял клюку и медленно пошёл на Подол привычной дорогой. По улицам уже разносился дух огнищанской еды, и ветер гнал его навстречу, напоминая, что пора вечерять.

И опять вздохнул Боян, вспоминая, что и сам когда-то был молодым и здоровым. А теперь пришла старость, лишила очи света, и не осталось ни детей, ни родственников, кто бы приютил старика. А жил он у самого берега днепровского, имел угол в чужом доме. С утра, настроив гусли, уходил на Торжище и возвращался лишь к ночи. Находил в углу кусок хлеба, рыбу или горшок млечной каши, что приготовила хозяйка, вечерял и ложился спать. Утром вставал, шёл к реке, умывался, славословил богов, потом снедал, что было, платил хозяйке медных монет из подаяния, брал клюку и гусли и вновь шёл на Торжище, чтоб воспевать прохожим людям минувшую русскую славу.

Не сразу ведь стал он слепым Бояном, а прежде был храбрым дружинником у князя Вольга, ходил с ним в походы на разбойных печенегов, жестоких хазар и хитрых греков. И, слава Перуну, во многих боях сражался, и немало ран получил от врагов во славу земли Киевской. Сохранил его Перун от стрел и мечей вражеских, но крепкое здоровье уцербилось. Начал старый воин мучиться, долго хворал, а с тем и зрение понемногу утратил. И тогда с печалью в сердце впервые взял гусли, и струны зарокотали-запели в его руках. Сам Велес-бог открыл ему вещий дар и поручил пробуждать песнями людские сердца. И дал ему слово грозное, как оружие крепкое, которое в самые недра души проникало и ранило. И сам князь Игорь тех словес опасался и старался Бояна приласкать, не обидеть, и зазывал часто в свои хоромы послушать те песни на праздники. Теперь уже не зовут его в княжеский терем, княгиня Ольга Бояновы песни боле не слушает, а слушает льстивые речи византийских попов. Одно отрадно, что князь молодой славу русскую помнит и богов славянских почитает, да продлят они его дни!

И Боян стал творить молитву за Святослава.

Между тем в княжеском тереме только начиналось настоящее празднество. Большая гридница была полна народу. Множество свечей и греческих светильников-хоросов, заправленных бараньим жиром, пылали так ярко, что было светло, как днём.

Весело звенели кимвалы, гудели рожки и волынки. Неутомимые скоморохи плясали, вертелись и выкидывали такие коленца, что гости то и дело раздражались смехом и сами готовы были пуститься вприсядку, да присутствие княгини и именитых гостей сдерживало их.

Ольга со Святославом сидели во главе уставленного яствами и хмельными мёдами стола. Справа от Святослава сидели Свенельд и старые темники, дальше — темники бывшей Малой дружины. Слева от княгини — родственники, знатные бояре, а затем купцы. По важной причине собрались здесь именитые гости и звенели гусли с кимвалами — ещё бы, нынче справлялся день полнолетия Святослава!

Минуло трижды по семь годовых коловоротов – коло познания Тайных Вед, коло постижения Ратной науки и коло Возмужания. Святославу исполнилось двадцать одно лето. Он стал не только князем, но и главным военачальником русской дружины. Ещё вчера на утреннем построении Святослав стоял подле воеводы. А нынче Свенельд сам докладывал ему о готовности полков.

Накануне был долгий разговор с Великим Могуном и кудесниками. Никто не ведал и никогда не поведает, о чём говорили волхвы с князем, какие напутственные слова сказали ему – тайны могунские твёрже самого крепкого камня. И не зря, видно, на столешнице перед Святославом рядом с дорогой посудой стояла старая медная чаша Велесдара, а за голенищем новых красных сапог торчала роговая рукоять ножа – вещи старого наставника, с которыми Святослав никогда не расставался. Живо, словно это было вчера, он вспоминал, как этим ножом Велесдар впервые обрил его мальчишескую голову, а в чаше принёс серьгу с синим камнем. Видит ли теперь старый волхв и узнаёт ли своего ученика? Вот он сидит во главе стола, с тёмным оселедцем и пущенными вниз усами, с заметным шрамом на щеке, оставшимся от печенежской сабли. Крепкие плечи под шёлковой рубахой бугрятся мышцами искусного и опытного воина. Синие, источающие силу глаза смотрят уверенно и пронзительно, выдавая острый ум и недюжинную волю. Таким бы увидел воспитанника старый кудесник Велесдар и остался бы им доволен.

Средь веселого всеобщего пира молодой князь Святослав Игоревич казался задумчивым. Он мало ел и пил, нечасто улыбался. То ли нечто, открытое ему волхвами, заставило задуматься, то ли осознание ответственности с этого дня не только за Малую дружину, но и за всю Русь, которую он брал под свою руку. Нужно достойно продолжить дело славного отца князя Игоря, настоящего воина и радетеля земли Русской, что с честью воплощал заветы великого Олега Вещего и, продолжая начатое им, сумел укрепить и расширить мощь государства славянского, усмирить и принудить к миру воинственных соседей. Он, Святослав, просто обязан вернуть Руси те земли, которые недобрые соседи вновь захватили, пользуясь отсутствием во главе Руси сильного князя. Мать его, мудростью славная, много делала для сохранения Руси, да только с коварным и алчным противником прежде всего сила надобна. Волк хищный уговорам не внемлет, его добрый хлыст, нож или палица лучше вразумляет...

А пир кипел. В честь князя и княгини-матери звучали здравицы, вздымались кубки с хмельным греческим вином и ковши с русским мёдом-сурицей, смеясь, что-то рассказывали друг другу гости, стараясь перекричать соседей и громкую музыку. Кто-то, уже крепко разгорячённый весельем, доказывал свою правоту. Бесперывно снующие отроки убирали пустые блюда и несли новые, чашники то и дело наполняли кубки гостей из кувшинов и греческих амфор.

Иногда музыка прерывалась, скоморохи и плясуны освобождали проход, и к княжескому столу с достоинством шагали иноземные купцы и посланцы. Византийцы, фряги, жидовины, словенцы, варяги, готы и прочие послы, высказав поздравления Святославу и его матери, подносили дары – цветные ткани, оружие, конскую сбрую, посуду, золотые и серебряные монеты и многое другое. Всяк понимал, что отныне на Руси полновластный князь, и стремился заручиться его добрым отношением, посему на подарки гости не скупились.

Святослав с одинаково сдержанным вниманием принимал подношения, только при взгляде на хорошее оружие в его глазах вспыхивали искры.

– А знаете, братцы, что я сейчас на княжеском дворе видел, когда сюда шёл? – обратился к своим друзьям темник Веряга. – Коня, да какого! Чисто белого, будто самим Белобогом посланного! Рекут, мать-Ольга сыну в дар преподнесла...

– Так вот кто его у нас перехватил! – воскликнул Горицвет и поведал Веряге об их злоключениях на Торжище.

– Ну, для матери-Ольги не жалко, – пробасил Притыка, – она всё одно его Святославу подарила, как и мы хотели. Князю наручи наши тоже понравились, сказал, непременно надеет...

– Значит, будет-таки наш князь, как Перун, скакать впереди дружины на белом коне! – заключил Издеба, радостно сверкнув единственным оком. После того, как он был тяжело ранен на Курянских границах и лишился глаза, Издеба был поставлен на должность начальника Ратного стана.

– Да, теперь князь воеводой стал, гонять нас начнёт нещадно, как свою Молодую дружину, – рассмеялся Горицвет. – Вон сыновья наши сидят, – кивнул он на противоположный конец стола, – у них спроси, каково под началом Святослава быть...

– Э-э, нет, – прогудел Притыка, сменивший Издебу на посту начальника Старшей дружины, – коль меня так гонять, то я потом спать лягу на три дня.

– Точно! – поддержал Веряга. – Старые мы уже для таких изворотов.

– Ага, немощные, – отозвался Горицвет, – особенно ты, брат Веряга. Надобно с десятков лучших печенежских воинов, чтоб с тебя сон согнать да заставить за меч взяться! Помнишь небось, как у Перуновой Прилуки один против десятерых управился, почище молодого!

– Деваться мне некуда было, вот и пришлось... – отвечал Веряга, смачно отправляя в рот изрядный кус печёной поросятины.

– Что ни говори, братья-темники, а одно знаю доподлинно, что князь молодой великие дела сотворит, – задумчиво проговорил Издеба. – Сами видели, как он сызмальства старательно и истово дело ратное постигает, будто рукомысленник, который задумал вещь, коей свет не видывал. Без шуток реку вам, попомните слово старого Издебы!

– И что важно, братья, Святослав веры пращуровой держится и волхвов слушает, потому их сила и разум нашему князю всегда в помощь будут, – наклонившись, вполголоса, чтоб не услышала мать-княгиня, дополнил Горицвет.

Снова смолкла музыка, и к столу с почтительными поклонами приблизились на сей раз хазарские гости.

– От имени Великой Хазарии, что владеет тремя морями, бесчисленными градами и народами, от лица Великого бека и Божественного кагана нашего, – рёк через молодого толмача-жидовина посол, – шлём поздравления тебе, великая княгиня Ольга, с полнолетием сына твоего единственного. К радости твоей материнской хотим присовокупить наши дары!

Хазарин сделал едва заметный жест, и к ногам княгини легли дорогие платки и ценные меха. В ларцах, резанных из красного и чёрного дерева, изукрашенных перламутром и золотой чеканкой, заискрились драгоценные камни. В других сверкали браслеты, кольца и ожерелья. Третьи источали благоуханные ароматы из далёкой Азии.

– И ты, князь Русский Святослав, прими пожелания здоровья и процветания. Да будет твоё правление долгим и счастливым не только для своего, но и для других народов!

Ещё один незаметный жест, и к ногам Святослава легли тяжёлый булатный меч в изукрашенных серебром и золотом ножнах, серебряные стремяна и походная чаша, сделанная из человеческого черепа, окованная золотом и украшенная камнями.

Святослав первым делом взглянул на меч. Не многовато на рукояти камней и золотой отделки, удобно ли будет руке? Он поднял меч, вытащил из ножен. Тонкий витой рисунок вдоль острого булатного лезвия и блеск великолепной дамасской стали, тронули его воинскую душу. Но при взгляде на чашу Святослав помрачнел. Искусно отполированный череп отражал огни светильников, и князь ощутил, как от чаши повеяло холодом.

Святославу множество раз приходилось видеть смерть – к полнолетию он был опытным и закалённым воином и от его меча не одна удалая хазарская и печенежская голова рассталась с телом. Но то – в бою, в честном сражении. А человеческий череп здесь, за праздничным столом...

Внутри что-то всколыхнулось нехорошей волной, как тогда, в отрочестве, когда из кожного мешка ему прямо под ноги выкатилась отрубленная голова печенежского военачальника, вся в сгустках крови, песке и прилипших травинках.

– Окажи честь, великий князь, выпей с нами из этой чаши, сделанной из черепа храброго койсожского воеводы, за своё полнолетие, а также за здоровье и мудрость княгини Ольги! – пробился к сознанию Святослава елеинный голос жидовина, что с подчёркнутой учтивостью переводил слова хазарского посла.

Молодой князь встрепенулся:

– За меч булатный, коль он в руке укладист и в бою надёжным окажется, благодарю вас, гости хазарские. И стремена звонкие моему новому коню впору будут. И за мать я с вами выпью, только из своей чаши, потому как из черепов людских ни есть, ни пить не приучен...

С этими словами Святослав плеснул мёда в старую чашу Велесдара, выпил, вытер усы и пристально взглянул в глаза хазарину. Видно, в этом взоре блеснуло нечто такое, что посол невольно отшатнулся, едва не расплескав на своё добротное одеяние красное греческое вино.

Когда Святослав поставил чашу и вновь натолкнулся взглядом на окованный златом череп, возбуждённая хмельным мёдом ярь ударила ему в виски.

– А, может, каган ваш сим даром лукаво намекает, что и из моего черепа подобная чаша сделана будет? – обратил разгневанное лицо в сторону гостей молодой князь.

– Нет, светлейший, по нашим обычаям это...

– Так не бывать сему! – не дослушав, отрубил Святослав.

Посланцы, пятясь задом и кланяясь, спешно покинули гридницу.

Ольга качнула головой, но ничего не сказала. А Святослав ещё долго хмурился, краем уха слушая, как кто-то из бояр рассказывал про хазарские и печенежские обычаи.

– У них питье из черепа поверженного неприятеля считается доблестью и величайшей честью. Тем самым они как бы перенимают силу, ум и храбрость врага.

– Чисто шакалы степные, что мертвечиной питаются, – подхватил кто-то.

Святослав подозвал отрока и велел ему:

– Снеси сию чашу на Требище Великому Могуну. Пусть мёртвое служит мёртвым, для жертвоприношений или ещё чего, а живым сей дар не надобен!

Отрок обернул чашу холстиной и тотчас ушёл исполнять поручение.

Снова, как до прихода хазарских гостей, зазвучала музыка, заплясали скоморохи, пирующие продолжили свои здравицы и беседы.

Дело близилось к утру. Княгиня Ольга уже давно удалилась в свои покои. Остались в основном бояре, темники да любящие отвести широкую душу киевские купцы. И теперь как-то само собой разговоры пошли о хазарах, о прошлой войне с ними и печенегами, о том, как ненадёжны кочевники в слове своём и непрочен заключённый пять лет тому назад мир.

– Хазары коварны, это верно, – говорил Издеба, – да без хитрости византийской они не обходятся.

– Точно! Недавно из Корсуни пришли греческие корабли, – начал рассказывать обычно немногословный Притыка, которому греческое вино развязало язык, – а на них около сотни византийских купцов. Покрутились у нас, а потом дозорные видели, как они отправились к полуденному восходу, не иначе как в Хазарию. И ещё рекли дозорные, будто среди греков было шесть темников, которых они называют стратигосами.

– А я ведаю, – отозвался сидевший напротив купец с подстриженной бородой, – что на порогах то греческое посольство печенеги не тронули, а шедших следом варяжских купцов ограбили подчистую, так-то! А варяги не вам, темникам, про то сказывать, лучшие воины, не чета греческим!

– И я про то реку, не к добру эти стратигосы. Пока они на наших землях свободно ходят да с кочевниками якшаются, быть от сего ничего доброго не может, жди одни пакости! – заключил Притыка.

– А я до сих пор ту Славянскую дружину забыть не могу, – хмуро сказал Веряга и отодвинул от себя блюдо с огромным осетром, которого он даже не попробовал.

Скоморохи, видно, почуяв настроение пирующих, постепенно прекратили свои весёлые пляски. За праздничным столом нависло молчание – воспоминания о войне ещё были свежи в памяти каждого.

– Что о грустном думать в сей день, – вмешался Притыка, – нынче полнолетие Святослава, а не тризна!

– Верно! – поддержал старый Горицвет. – Нынче Святослав стал главой Руси. Он многое успел к своему полнолетию – и троим сыновьям-наследникам отцом стал, и с печенегами и хазарами бился, рану получил, и всегда в первых рядах шёл, последним ложился и первым вставал, труда ратного не чурался. Слава нашему князю! Гридни, несите греческого вина!

– Слава князю! – грянул дружный возглас молодых темников.

– Слава! – зазвенело над столами. – Слава нашему Святославу!

Святослав поднялся, воздел руку, призывая к тишине, а когда гомон стих, произнёс:

– Много слов добрых о себе да о матери моей услышал я сегодня, за то дякую всем. А ещё благодарю тех старых друзей и наставников, что помогли мне постичь науку воинскую. Прежде всего тебя, вуйко, – обратился он в сторону Свенельда, тот согласно кивнул. – И желаю вознести хвалу отцу моему, славному Игорю, – продолжил Святослав, – и дедам Рарогу и Олегу Вещему, и всем предкам великим нашим, коим стремиться буду достойным стать. И дружине Киевской, без которой славы и чести князю не сыскать, поклон, благодарность сердечная и трижды слава!

– Слава! Слава! Слава! – воскликнули в едином порыве дружинники и гости, вскакивая из-за стола и вздымая к сварге свои чаши и кубки.

Застолье вновь оживилось.

Никто вначале не обратил внимания на быстро вошедшего и остановившегося у порога юношу. Однако его бледный вид, учащённое дыхание и стоявшие в очах слёзы заставили постепенно умолкнуть весь шум. Взоры обратились к вошедшему, в котором многие узнали отрока, отосланного Святославом с поручением к Великому Могуно. Это ещё больше насторожило присутствующих.

– Стряслось что? – спросил Святослав.

Отрок низко поклонился, и слёзы закапали на пол.

– Служитель Великого Могуна, что принял от меня чашу в Требницу, решил испить из неё вина во здравие твоё, великий княже...

– И что? – поторопил Святослав.

– А когда испил, тут же упал замертво, зная, чаша сия была отравлена...

Гул и выкрики перекрыли его слова. Все вскочили с мест, хватаясь за мечи.

– Они не могли далеко уйти! – воскликнул Святослав. – Стременной, коня! В погоню!

Через миг никого из воинов уже не было в гриднице – припав к шеям скакунов, они мчались вслед за Святославом.

Хазарских купцов и посланников настигли у Пущей Водицы. Опьянённые яростью, многократно усиленной хмелем и жаждой мести, дружинники изрубили небольшой хазарский отряд, всех до единого, уничтожили обоз, вспороли тюки и перевернули возы. Только лошадей забрали с собой.

И, лишь возвращаясь, заметили, что над землёй уже поднялась заря нового дня.

– Надо было хоть одного оставить, выведать, кто послал их совершить столь наглое злодеяние, – посетовал Издеба.

– Что спрашивать, и так ясно, что из каганата сей след тянется, – отвечал Веряга. – А посланники могли и не ведать ничего, им поручили передать череп, они и передали, хотя подробностей мы уже никогда не узнаем...

Весть о том, что хазарские посланцы пытались отравить молодого князя в день его полнелетия, перуновой молнией разлетелась по Киеву и околицам. И хотя знали люди, что боги славянские уберегли Святослава и он со товарищи покарал тех вероломных гостей у Пущей Водицы, однако ж теперь с ненавистью глядели на каждого из хазарских купцов, что стояли с товарами на киевском Торжище.

Старый Боян сидел на привычном месте и, перебирая струны гуслей, проникновенно пел:

Ой, да как после славных веков да Трояновых,
Когда мы пятнадцать веков Вечем правились,
Да пришли к нам злые хазарины,
Да уселись на нашу шеюшку,
Да и взяли нас в кабалу.
И мы триста лет гнули спинушку,
Пока сокол-князь Олег да с варягами
Киев-град наш освободил.
А народы Вята с Радимою
До сих пор на хазар работают.
Днесь же те хазары коварные
Думу чёрную да замыслили,
Чтоб свет-князя нашего отравить
Да к рукам прибрать нашу землюшку,
А богов и град Киев, славянушки,
Да хазарскому Ягве отдать!

Множество людей собралось вокруг Бояна, слушая и негодуя. Возмущённые кияне рекли друг другу:

– Ишь, подлые, сколько лет землю Русскую в ярме держали, а теперь, когда мы отпор им даём, князя нашего отравить вознамерились...

– Видно, опять Киев-град воевать удумали!

– Всех их бить надобно, чтоб неповадно было!

Началось всё из-за причины малой: не сошлись в цене киянин и хазарский купец. Слово за слово, один сказал обидное, другой тем же ответил. А кияне уже, как улей встревоженный, и без того готовы были разорвать хазарских гостей на части...

И пошло в ход всё, что попало под руку, – жерди, палки, камни, а больше всего кулаки, которыми кияне отменно владели. Не зря и плата-руга за удар кулаком была большей, чем за удар палкой. Затрещали лавки хазарские, полетел товар на землю. Вначале мальчишки, а потом и иные взрослые, пользуясь суматохой, стали хватать упавшее добро и растаскивать кто куда. Хазары же, падая наземь с разбитыми скулами и носами, продолжали цепко держаться за свой товар. Кияне не могли бить их лежащих, то считалось не по Прави, потому поднимали, ставили на ноги и отхаживали по рёбрам. Наверное, иных и вовсе убили бы, да наскочил Сто-рожевой полк и разогнал драчунов. Кияне разошлись по домам, а хазарские купцы, умывшись и сменив изорванное платье, снова открывали лавки и раскладывали уцелевший товар, стараясь улыбаться распухшими от побоев губами.

– Гляди-ка, купцы хазарские будто и зла на нас не держат, хотя товару ихнему да личинам урон нанесён, – удивлённо говорил один прохожий другому.

– Разве ты хазар не знаешь, они барыша своего не упустят, небось ругу потребуют за бока помятые и товар испорченный. К тому же купец он хоть хазарский, хоть наш, а товар – кровь из носу – продать должен. Вот и улыбаются, хотя небось в душе кошки скребут, а рука сама к кривому мечу тянется.

– Ну, уж если ругу потребуют, то не жить им более и не торговать в Киев-граде!

Однако в полдень на Торжище при стечении народа городской Тиун зачитал подписанный княгиней Ольгой наказ: «Аще кто хазарам зла удбает, аще товар их уворует, небожь перстом торкнёт, будет бит кнутом нещадно. А кто вдругорядь смуту чинить зачнёт, будет по кнутобитию обезглавлен!»

И ещё был наказ заплатить хазарским купцам за убыток, за пролитую кровь, выданные волосы и разбитые носы.

Не понравился тот наказ киянам, послушаться не смели, но роптали, и каждый в душе чувствовал – кончилась мирная жизнь с хазарами.

К вечеру Киев несколько уюмонился. С Подола слышались песни – то пировали кузнецы, копейщики, медники и другой простой люд, продолжая праздновать полнолетие и чудесное спасение князя, и, конечно, обсуждали, какая дальше пойдёт жизнь и чего ждать от хазар.

А на следующий день к Святославу пришёл сын Свенельда Гарольд – начальник киевской Стражи.

– Неладное в Киеве деется, княже. Гости хазарские с византийскими о чём-то шепчутся, друг к другу бегают, кучками там и тут собираются. А некоторые стали сворачивать торг, ладить возы и выезжать из града. Дозорные сказали, что купцы взяли путь на свою Хазарию.

Святослав задумался над сообщением Гарольда. Верная примета – коль побежали купцы, добра не жди.

– Собери-ка, Гарольд, ко мне всех темников, Совет держать будем. Да отца упредить не забудь.

В назначенный час в гриднице собрались все темники и бывший воевода, а теперь главный воинский советник Свенельд.

– А где Веряга? Я же велел всем темникам быть! – нахмурил брови Святослав.

Издеба на его вопрос поднял седые брови, потом вышел на крыльцо.

– Скажи в Ратный стан к темнику Веряге, скажи, чтоб одним духом тут был, князь гневается! – велел Издеба молодому ловкому посыльному и вернулся в гридницу.

Тут уже начался жаркий спор о том, грядёт ли новая война с хазарами и что следует предпринять.

– Да уж за одно то, что князя отравить пытались, должны мы с хазарами сполна посчитаться! – горячо доказывал Горицвет.

– А как из-за того большая война начнётся? – возражал кто-то из угла.

– Что ж, сидеть и дожидаться, когда хазары пойдут на Киев? Самим надо идти в поход!

– Не впервой Киеву обороняться, а сами мы никогда войну не начинали!

– Ну да, не начинали, князья наши Рюрик, Олег и Игорь чаще упреждающие удары наносили!

Потом слово взял Святослав.

– Доколе мы врагов у себя под боком греть будем? – резким тоном спросил он и заходил по гриднице. – Давно пора всем отпор дать – и хазарам, и печенегам, и византийцам...

– Молод ты ещё, княже, – заметил со своего места Свенельд, пощипывая длинный рыжий ус. – Византийские василевсы имеют силу грозную, а хазар ещё никто не мог одолеть.

– Одолеем, вуйко, – просто, но твёрдо отвечал Святослав.

В разгар этого спора молодой посыльный влетел в гридницу и растерянно остановился у порога, увидев такое обилие именитых военачальников. Лик посыльного был красным то ли от быстрой скачки, то ли от волнения. Святослав, заметив его, приблизился скорым шагом.

– Ну, где же Веряга? – нетерпеливо спросил он.
Посыльный, приложив руку к груди, поклонился.
– Дозволь, княже... – Голос его дрогнул и сорвался.
– Реки! – коротко приказал Святослав.
– Темник Веряга... отравлен... – посыльный запнулся.
– Как отравлен? Кем?
– Не может быть! – раздались возбуждённые и растерянные голоса.
– Его стремной рёк, – продолжил посыльный, сглотнув ком, – два дня тому хазарские купцы поднесли Веряге доброго вяленого мяса, а нынче он его отведал...
– Неужто помер? – недоверчиво воскликнул кто-то из темников.
– Точно, помер, я сам видел. Лежит темник Веряга в своём шатре синий и бездыханный...
А стремной его весь почернел от горя, глядеть страшно...

Тяжкое молчание повисло в гриднице. Точно так же, как вчерашней ночью при сообщении о смерти слугителя на могунском Требище.

Святослав сел к столу, закрыл рукой очи и глухо застонал. Все были поражены столь неслышанным злодеянием. Только вчера киевские боги сохранили от смерти Святослава, а нынче умер Веряга, верный товарищ, герой, лучший из темников. Тысячи стрел, мечей и копий минули его на полях битвы, десять лучших печенежских воинов не смогли одолеть русского витязя, а теперь он пал от рук подлых злодеев...

– Горицвет, – подняв очи, глухо промолвил Святослав, – собирай полки, ставь начальников, чтоб через три дня Молодая дружина была готова к походу. Выступаем против хазар. Пошли немедля трёх гонцов к кагану, пусть упредят: «Иду на вы!»

– Будет исполнено, княже! – отозвался молодой Горицвет. – Какие велишь брать припасы?

– Никаких припасов, кроме поторочных сум. Ни возов, ни котлов не брать, конница не должна быть связанной. Вozy могут за войском идти, но только для того, чтоб собирать оружие и отвозить в Киев раненых. И пусть не просят у меня помощи, я буду стремиться и сражаться там, где нужно, а не куда потянут вozy.

– Сие верно речёшь, что лёгок будешь, – вновь отозвался Свенельд, – и врага можешь быстро настигнуть, но ежели сам удар получишь, так же борзо отлетишь и земли завоёванной не удержишь. А с обозами всё взятое у врага сбережешь, и припасы всегда под рукой будут. И зачем врага упреждать? Во внезапном нападении – половина победы.

Святослав резко вскинул голову, будто его кто ударил, и ответил, будто отрезал своим быстрым мечом:

– Я не тать, а русский князь и иду как воин. И отныне всегда буду врагов упреждать, что иду на их землю, пусть решают, покориться мне или принять честную битву. Сокол побеждает стремительностью, а византийские хитрости и хазарское коварство нам, русичам, не к лицу! – Он отвернулся и смахнул непроизвольно набежавшую слезу, видимо, вновь вспомнив о Веряге.

– Делай, княже, как знаешь, – глухо обронил Свенельд, – я не могу тебе отныне пережить...

Глава вторая. Берестянские огнищане

Ранней весной, когда ещё студил по ночам землю уходящий на полночь Мороз-батюшка, пришла к Берестянской пуще семья огнищанина Звенислава Лемеша.

На прежнем месте прожили они четыре лета, теперь пришло время искать новые нетронутые уголья, где поля будут давать щедрый урожай злаков.

Место понравилось всем – и старому деду, и самому Звениславу, и троим его сыновьям – Вышеславу, Овсениславу и Младобору. Земля была ровной, с полуночи её защищал могучий лес, а невдалеке протекала небольшая речка, в чьих камышовых заводях должно водиться изрядно рыбы.

Огнищане стали выпрягать лошадей из возов, отвязывать коров, коз, распутывать ноги ягнятам и овцам, снимая их на землю. Те, почувствовав под ногами твёрдую опору, радостно заблеяли.

Накормив скот и перекусив с дороги, принялись за работу. Четверо мужчин, взяв заступы, приступили к привычному для огнищан делу: рытью ямы для жилища. Комья влажной жирной земли полетели в стороны, потом пошла рыжая глина и жёлтый песок. Женщины – жена Звенислава Живена и невестка, жена старшего из сыновей Вышеслава, Беляна – пошли в лес за сушняком для костра. Старый дед Лемеш, корень Рода, весь белый и высохший, как степная кость, отправился с правнуками Ярославом и Цветеной к реке, чтоб поставить верши на рыбу. Ярослав, не по летам серьёзный, вёл себя важно, помня, что скоро ему исполнится семь годков и, значит, обреют волосы, оставив только хохолок на темени, и вставят в ухо серьгу. На прежнем месте часто долгими зимними вечерами, слушая шуршание мышей за бревенчатыми стенами землянки, Ярослав, затаив дыхание, внимал рассказам прадеда о старых временах, храбром князе Олеге Вещем и походах на хитрых греков. Пятилетняя Цветена, как малый воробышек, прыгала и щебетала, тоже радуясь красивому месту, речке и лесу.

День за днём, от утренней до вечерней зорьки, трудилась семья Лемешей, и боги радовали их погожими днями. Поэтому к весеннему Яру уже было засеяно поле и готова яма-землянка на две половины. В первой – топить печь, готовить еду и спать тут же на лавках, а старому деду на печной лежанке греть косточки; внизу же, возле тёплого, спать Вышеславу с Беляной и детьми. А вторая половина – Красная. На той половине богам молиться – с прежнего места привезли с собой деревянные фигурки Дажьбога и Велеса – в праздники за большой стол садиться, за белы руки туда невестку вводить для сына, и если какие гости-родичи приедут, чтоб на Красной половине привечать и усаживать. А также страву справлять по умершему или отмечать приход в явский мир долгожданного младенца.

Ещё подготовили ямы-землянки для скота, – одну для коров, телят и ягнят, другую – для овец и коз, а третью – для лошадей и кур. Осталось только закончить яму для хранения урожая, который ещё только прорастал в поле.

В заботах незаметно подросли Купалины дни.

Овсенислав с Младобором натаскали воды в большой медный котёл, потом истопили тщательно вымытую накануне баньку. Им помогал Звенислав Лемеш, следя, чтоб вода закипела ключом, а крупные камни, на которых стоял котёл, накалились как следует. Вскоре ядрёный, настоящий на травах и еловом лапнике парной дух бани заполнил всё пространство. При каждом осторожном вдохе он живительным огнём очищения входил в лёгкие, наполняя тело приятной истомой купальской чистоты. Душа вместе с телом и мыслями становилась неведомо-спокойной и сама собой воспаряла в бездонную высь, подобно лёгкому облачку в пронзительно синем небе.

Звенислав с сыновьями, выпарившись до скрипа враз помолодевшей кожи, попарили старого деда Лемеша. Он теперь блаженно сидел на колоде подле баньки в новой рубахе, наблю-

дая, как Хорс старается направить свой одноколый огненный воз в дальний угол лесной заводи, чтобы охладить его после горячего дневного труда. В это время Ярослав и Цветена получали от Живены лёгкие шлепки душистых берёзовых веников по розовым от пара спинам и ягодичкам. Пятилетняя девчушка довольно смеялась при каждом осторожном шлепке бабушкиного веника, а серьёзный Ярослав, хмурясь, возмущался:

– Нечего меня веником гладить, я не маленький! И вообще, в следующий раз с дядьками и дедом мыться пойду, пусть лучше дед меня постегает как следует!

– Ладно уж, я и сама тебя могу стегануть, – добродушно отвечала разомлевшая от пара бабушка, прикладывая чуть больше усилий к венику. Только упрямый внук продолжал ворчать, невольно копируя старого прадеда, что уже начал тихонько «клевать» носом, сидя на колоде. Живена, иногда поддавая на камни ковш воды, довольно глядела на внучат, слушая их щебетание, словно птичьи трели на утренней заре.

Вышеслав и Беяна видно до сих пор где-то управлялись с немалым хозяйством. Они любили делать это вместе. Всякая работа тогда выходила складно и споро. Живене вспомнилось, как вначале настороженно отнеслась она к красавице невестке. Сомнения брали, сможет ли та справиться с нелёгкой огнищанской работой. Да и непривычно было, что любимый сын теперь всё внимание и любовь отдаёт незнакомой девице. Только невестка оказалась, несмотря на хрупкий вид, крепкой и сноровистой в работе, а когда появился на свет внучек, Живена всю свою любовь обратила на него. Когда же невестка подарила ей ещё и внучку, то сердце материнское и вовсе оттаяло и уже радовалось тому, что сын с невесткой по сей день глядят друг на друга такими же зачарованными очами, как и в тот даждьбожий вечер, когда они пришли, держась за руки, и смущённо объявили, что повенчаны живым венцом Солнцеликого бога.

Однако пора уже на вольный воздух вместе с внучатами.

– Идёмте-ка, цветики мои полевые, айда в речку после пара горячего и одеваться в новые рубахи, бегом! – распорядилась Живена. Ребятишки мокрыми задиристыми воробьями, сверкая пятками и ягодичками, выпорхнули из баньки. Цветена вначале опередила старшего брата, но когда тот увидел, что сестрица может первой добежать до тихого зеркала речной заводи, то отбросил важность и стремглав ринулся по тропе. На один краткий миг Ярослав опередил Цветенку у самой воды и, не останавливаясь, сильным толчком обеих ног взлетел в воздух, распластав руки подобно птице. Он хотел, подражая отцу, пролететь над водою, перевернуться и войти в неё, сложив остриём стрелы руки над головой. Только задуманное не вышло, малец повернулся в воздухе больше чем нужно, да ещё и запрокинул назад согнутые ноги. Удар о воду получился громкий, и целая туча брызг поднялась в воздух. Дремавший прадед проснулся, высоко поднимая свои кустистые брови, а довольная неуклюжим падением братца Цветенка от всей души смеялась на берегу, приплясывая на одной ноге.

Когда Солнцеводитель-Хорс уже спрятал свой воз за виднокраем, Цветенка с Ярославом, сидя за столом в землянке, пили парное молоко с краюхой житного хлеба и радовались, что скоро начнётся самое интересное – прыжки через купальский огонь, который уже разводили на берегу дядьки Овсенислав с Младобором.

В это время наконец подросли и Вышеслав с Беяной. Захватив чистую одежду, они направились в баньку.

Горячий пар ударил в лицо.

– Жарко, – немного устало молвила Беяна и стала снимать прилипшую от пара одежду.

– В предбаннике надобно было раздеться, – предложил Вышеслав, помогая жене снять сорочку.

– Так я постираюсь заодно. – Беяна, освободившись от одежды, тряхнула головой, и белые волосы заструились по округлым плечам. Она оглянулась на Вышеслава и рассмеялась, озорно сверкнув очами, потому что он всё стоял с одеждой в руках, очарованно глядя на ладную стать жены.

– Так всегда глядишь, будто первый раз меня нагой увидел, а ведь уже двое деток бегают, чудно, право, – с тихой радостью произнесла Беяна, коснувшись загорелой рукой непокорных вихров мужа.

– Правда, чудно, сколько ни гляжу на тебя, а насмотреться не могу, – ответил таким же тихим голосом Вышеслав, целуя кончики пальцев любимой.

– Скажи, Вышеславушка, разве ты не замечаешь других красных да статных жён, которых и в округе, а особенно в Киеве немало? – спросила она, нежно поглаживая волосы мужа и его крепкую шею.

– Замечаю, ладушка моя, и радуюсь. Ведь это всё красота земли нашей, как цветы полевые, как злаки золотые! – Он помолчал, собираясь с мыслями. Руки сами собой единым движением обтекли плечи Беяны, устремились вниз и остановились на её чреслах. Крепко, но нежно привлек он жену к себе и зашептал ей на ухо, будто кто мог подслушать: – Только, лапушка моя, ты же одна у меня, одна на всём белом свете, понимаешь? – Он горячо поцеловал мочку её уха, шею, укромную ямку между грудей. Женские перси затрепетали и налились упругостью, как спелые яблоки.

– Понимаю, любый мой... – таким же жарким шепотом, задыхаясь от страсти и нежности, ответила Беяна, обвивая руками стан мужа. Их уста встретились и соединились...

Налюбившись всласть и вымывшись, просветлённые и исполненные тихой радости, лучшей из очей, они оделись во всё чистое и отправились к речке. Овсенислав с Младобором и Ярославом уже прыгали через большой костёр, очищаясь златокудрым Семаргловым огнём. За ними – Вышеслав с Беяной, а там и Звенислав с Живеной воздали почтение Огнебогу. А старый дед, хотя и прыгал позже всех через малый жар, но подпалил край рубахи и свою длинную бороду, которая занялась огнём. Звенислав с сыновьями кинулись к деду, повалили его наземь и сбили пламя. Испугалась, увидев это, Цветена и не стала прыгать через огонь. Сколько ни уговаривали её и ни поясняли, что дедушку поцеловал сам Огнебог Купальский и это добрый знак, однако не смогла девочка превозмочь страха.

А спустя какое-то время прицепилась к ней лихоманка трясухая, стала бить и скручивать дитя, обсыпать то жаром, то холодом. Девочка перестала кушать, лежала бледная, обескровленная и на ножках стоять уже не могла. Почернела от горя вся семья Звенислава – всеобщей любимицей была щебетунья Цветенка. К тому же женщин в семье Лемешей было трое, включая Цветену, супротив шестерых мужчин. Эта семья у деда Лемеша была второй. Первую всю вырезали кочевники, когда он находился в походе. В шестьдесят лет женился во второй раз на сорокалетней женщине, та родила ему Звенислава, но умерла при родах. Жена Звенислава Живена родила ему троих сыновей, но жену и детей имел только Вышеслав. Двадцатитрёхлетний Овсенислав был женат, но жена и дочь умерли от какой-то болезни. А двадцатиоднолетний Младобор был чрезвычайно скромнен и всё не мог найти себе пару.

Беяна, сидя над угасающей дочкой, рыдала и причитала:

– Рассердился, видно, Купало, что не прыгала ты через огонь в Его день, вот и пришло Лихо... Я ли тебя от того Лиха не хранила, не берегла... А ты лежишь теперь, касаточка моя, того и гляди, уйдёшь, мать свою бросишь, навек покинешь...

Чёрная от горя ходила Живена, и старый прадед плакал над своей ясноглазой правнучкой, и молился богам, прося:

– И на что мне жить те сто пять лет, а тебе, малютке, помирать? Услышь меня, Дажьбоже, призови к себе старого, что уже счёт годам потерял и другим больше не в помощь, а правнучку Цветенушку оставь в Яви под солнцем своим!

Может, услышал Дажьбог, а может, так пришлось, только сидел как-то дед, на летнем солнышке грелся да и уснул. Ярослав прибежал будить деда полдничать, а его голубиная душа уже в Навь отошла.

Умер старик, а правнучка его Цветена с постели поднялась.

Накалили тогда в бане-мовнице камни, вымыли-выпарили Цветену дочиста с купальскими травами, чтоб больше никакая хворь к ней не пристала. Там же в последний раз омыли и деда.

У леса вырыли ему Вечную Яму и положили на правый бок головой на заход, ликом к полудню, а руки и ноги подобрали, как младенцу в утробе матери, поскольку тело его возвращалось в лоно Земли, а душа улетала в пречистую Сваргу, где она пребудет до часа означенного, покуда не обретёт новое тело и вновь когда-то вернётся на землю.

Рядом с дедом положили его берестяную клюку, ковш и деревянную ложку. В ковш насыпали пшеницы и проса и ещё положили старую соху.

– А зачем зерно в ковш насыпали? – спросил, утирая слёзы, Ярослав.

– Затем, сынок, – отвечал Вышеслав, – чтоб не голодал дед наш в Нави, а пахал и сеял новые угодья, для того и соху ему положили.

– Так ведь прадед старый, не может он поле пахать, и соха старая, – возразил Ярослав.

– Это здесь, на земле, тело старое, а душа, сынок, никогда не умирает и вечно молодой остаётся. Улетит она в Сваргу синюю и встретится там с другими душами, и соха там будет новая, и жизнь – иная, без болезней и страданий. И будет жить дед наш, трудясь и радуясь, сверху на нас глядеть и улыбаться, – объяснял сыну Вышеслав.

Вернувшись домой, впервые сели на Красной половине справить Малую тризну по старому огнищанину, воину и труженику. Беяна с Живеной подали молочную лапшу, рыбу, жареную с травами и каждому – стопу блинов со сметаной. Но самой первой поставили вареную пшеницу с мёдом, и каждый, прежде чем приступить к страве, взял по ложке. Потом наливали из глиняного кувшина хмельного мёда и пили по очереди, вспоминая добром дедовы земные дела и благодаря за Цветену. И на то место, где дед должен был сидеть, поставили ковшик мёда и положили кусок хлеба. Желали ему в Нави добрых урожаев, крепкого скота и согласной жизни с женой, которая уже сорок лет его там дожидалась.

После того дня прошла седмица.

Рано утром послышались чьи-то голоса, шум и конский топот. Звенислав, выйдя из жилища, увидел несколько хазарских возов с плетёным верхом, обтянутым шкурами. Остановившись на широком пустыре между землянками и рекой, они возбуждённо переговаривались, подтягивая волосяные верёвки, обвязывавшие груз. Трое, взяв кожаные мехи, пошли к реке за водой.

Огнищанин, подойдя, поздоровался:

– Здравы будьте, честные гости! Кто будете и куда едете?

Молодой круглолицый хазарин с тонкими чёрными усами ответил на хорошем славянском:

– Купцы мы, из Киева домой возвращаемся.

– Отчего ж не расторговались, или торг в Киеве плох стал?

Хазары переглянулись, молодой что-то сказал старшему на своём языке, кивнул и повернулся к Звениславу.

– Война будет, – хмуро ответил он. – Ваш каган Сфентослафф на нас идёт...

Мрачным было лицо Звенислава, когда он спустился в землянку и сел в переднем углу.

– Откуда гости? – спросил старший сын.

– Из Киева, – нехотя промолвил отец.

– А куда едут?

– В Хазарию возвращаются. Святослав идёт на них...

– Так, – промолвил Вышеслав и покачал головой, – что ж теперь делать?

– Что делать... То, что положено мужчинам в такой час. Садиться на коней и ехать в Ратный стан.

Звякнул и покотился по полу медный котелок. Живена безмолвно, как немая, опустилась на лаву. Беляна с громким криком прильнула к груди Вышеслава.

– Как же это? – побелевшими губами прошептала Живена. Перед её взором промелькнуло страшное видение детства, когда из большой огнищанской семьи она одна уцелела, забившись под лаву, покрытую шкурой. Не разглядел её вражеский воин, чей точно – она не помнила. Но холод сиротского детства и страх одиночества вмиг сжали сердце. Война, которая не щадит ни старого, ни малого, что может быть ужаснее для мирных тружеников?! Война!

– Собирай, мать, нас с Вышеславом и Овсениславом в дорогу. А Младобор дома останется, чтоб помогать вам по хозяйству, держать в порядке пашню и скот. А мы уж там будем стараться, чтоб не дошли до наших мест вражеские полки. Вот и всё сказано!

Звенислав говорил намеренно буднично, чтоб не разрыдались женщины, не испугались внуки, не было суеты в сборах. И хотя зашлось сердце Живены, сдержалась она, подчиняясь мужниной строгости, позвала Беляну и принялась хлопотать, собирая припасы в путь.

Даже рано утром перед самой дорогой, когда сидели на лавах, Живена держалась, хотя сердце разрывалось, а глаза не могли наглядеться на мужа и сыновей.

Только когда мужчины сели на коней и, махнув рукой на прощание, поскакали по дороге, упала Живена, как серпом подкошенная, на землю и зашлась вырвавшимся наконец стоном-рыданием. Горячие слёзы застлали очи, скрыв уносящихся всадников. Плакала, повалившись перед богами на Красной половине, Беляна и билась на земле у дороги, как смертельно раненная утица, Живена. Вослед им заголосили, попрятавшись по углам, Ярослав с Цветеной.

– Ой, горе мне горькое! – причитала Живена. – Уехали мои соколики! Кто теперь меня, старую, приголубит, кто в сырую землю положит? Я ли богов не просила, я ли мать-Макошь не молила, как мне теперь одной быть-оставаться, подобно былиночке на поле скошенном, подобно листку, с дерева опавшему...

Младобор подошёл, обнял мать за плечи и сказал, голосом подражая отцу:

– Братья с отцом в Киев отъехали, а не на поле ратное. Может, врут гости хазарские и скоро вернутся наши, а ты по ним, как по деду покойному, убиваешься. Вставай, негоже так плакать! Скотину пора поить, молоко доить, а как солнце выше взойдёт, надо идти в поле пропалывать яровицу...

Встала мать, утёрла слёзы. Пошла с коровами управляться, а сама думала – может, правду речёт Младобор и муж с сыновьями скоро вернутся домой, а скотина будет не кормлена, молоко не доено...

Живена с усердием принялась за работу, так что забылась на время. Только когда сели вечерять, глянула на пустые места за столом и опять заплакала.

Солнце скрылось за лесом, а вскоре на небе показалась ладья Макоши, окружённая звёздами, будто Сварожья наседка цыплятами.

Беляна с Живеной всё возились по хозяйству, стуча ухватами и горшками, перемывали ложки и плошки, украдкой смахивая набегающую слезу.

Растревоженные Ярослав с Цветеной всё не могли уснуть, ворочались, толкали друг дружку и хныкали. Беляна строго цыкнула на них, и малыши боязливо притихли.

Младобор подсел к племянникам и, чтоб успокоить их, стал рассказывать о Макоши, как это всегда делал их старый прадед.

– Видите, мать-Макошь на небо выплыла? – указал он в прорезь оконца, из которого на лето вынули слюдяную пластинку, и луна светила прямо в землянку. – Каждую ночь она встаёт, чтоб сиять над нами в ночи. Садится она в свою золотую ладью и плывёт над тучами, гонимыми Стрибожьими ветрами. Однако время от времени ладья Макоши тускнеет, видели когда-нибудь?

– Видели! – отозвался Ярослав. – Она такая пятнистая становится, как медное зеркало, когда мама забывает его почистить...

– А я вчера помогала маме его чистить, – похвасталась Цветена, – мы его золой тёрли и песком, и оно стало блестящее-преблестящее!

– Не мешай, дай послушать! – одёрнул её брат.

– Ну вот, – продолжал Младобор, – когда ладья Макоши тускнеет, как мамино зеркало, тогда Перун с Огнебогом отправляют её во Сварожью небесную кузницу. Там Семаргл-Огнебог разжигает горн, а Стрибог кузнечными мехами раздувает его, и в горниле том раскаляют ладью добела.

– Это как кузнецы раскаляли подкову, когда мы к ним заезжали Ворона перековать? – полюбопытствовал на сей раз Ярослав.

– Точно так, Ярославка, боги раскаляют лодию Макоши, а потом кладут её на наковальню и бьют по ней молотами, так что искры сыплются во все стороны и растекаются до самого небесного края. Помните, я показывал вам, как в ночи зарницы играют? Это и есть отблески небесного горнила. Куют боги лодию, с боку на бок переворачивают, а когда темнеть начинает, опять раскаляют и продолжают ковать, пока не заблестит вся, как новая. Тогда возвращают лодию, мать-Макошь в неё садится и вновь по синим небесным водам продолжает свой извечный путь над нашей землёй.

– Скоро опять ковать надо будет, – деловито сказала Цветена, выглядывая в оконце, – она опять уже не новая...

– Давай ложись, – Младобор заботливо подоткнул льняное покрывало, – засыпай крепко, и, может, мать-Макошь возьмёт тебя в свою золотую ладью и покатает по небу.

– Правда покатает? – закрывая глаза и зевая, мечтательно спросила девчушка.

Ярослав, повернувшись на бок, уже спал. Только Живена с Беляной, пристроив на столешнице светильник, что-то шили, тихо переговариваясь. За печкой отозвался сверчок.

В Ратном стане, куда прибыл Звенислав с сыновьями, всё уже кипело и двигалось. Берестянский полк, в который вливались приписанные к нему огнищане и рукомысленники, обитавшие окрест Киева, почти наполовину был собран.

«Ничего, – старался успокоить себя Звенислав, – от войны никуда не деться, так хоть оба сына будут рядом, всё ж таки под отцовским оком». Однако поутру неожиданная весть совсем расстроила Звенислава и заставила ныть его родительское сердце. Оказалось, что выступает на хазар пока только Молодая дружина, и в её ряды вливаются многие молодые вои, в том числе и из Берестянского полка. Вышло так, что оба его сына были отобраны в конницу Святослава, выступающую завтра поутру. Сам же Звенислав остаётся пока вместе со старшими воями в Ратном стане на должности конюшенного.

В это время в княжеском тереме тоже не спали. У Ольги со Святославом шёл серьёзный разговор.

– Не желаю я войны, сынок, мира хочу! И так дни считаю, что мы вместе проводим, а ты в поход идти вздумал. Ни к чему нам эта война, у нас мир с хазарами!

Святослав упрямо мотнул головой.

– Земля наша не устроена, мама, куда ни кинь – всюду враги, и на восходе, и на заходе, и на полудне, и на полуночи. Обсели Русь со всех сторон, обкромсали её, на три-четыре века не хватит! Сама знаешь, мама, как огнищане землю рают – на три года Яму ставят, а как перестаёт пашня обильно родить, идут дальше. Потому русам много земли надо, а наша земля – под хазарами. Да и в Киеве начинают хозяйничать – Верягу отравили, прямо в гридницу княжескую череп отравленный принесли, куда уж дальше? Вчера простой народ на Торжище бил хазар за их злодеяния, а я, князь, сяду возле материного подола? Да что люди обо мне скажут?!

– Сыне мой, сокол ясный! – Ольга умоляюще протянула руки. – Знаю, храбр еси и решителен, и дружина тебя слушается. Да не в одной силе истина. Христос речёт нам о смирении и терпении...

– Не реки мне больше о том! – прервал мать Святослав. – Знаю я византийского бога, он хитёр так же, как сами греки. Даже ради тебя, мама, я не стану отступником от наших богов и посмешищем для людей и дружины!

Ольга тяжело вздохнула.

– Жаль мне тебя, сыне, ведь в Аид пойдёшь!

Святослав рассерженно сверкнул очами.

– Не боюсь я византийского Аида! Славяне после смерти уходят в синюю Навь на луга Сварожьи, где продолжают жить так же, как на земле, – огнищане пасут овец, рают землю и свивают снопы вместе с Пращурами, а воины пребывают в полку Перуновом. Только нет там ни рабов, ни зла, ни болезней. Там обиженный садится за стол вместе с бывшим обидчиком, они едят небесные прощенники и ведут сердечную беседу с богами. И нет меж ними ни страха, ни помрачения, ни тоски, ни горького слова. Потому что славянские боги людям своим не мстят, в огненное озеро навечно их не бросают, и не надо им кланяться, напоминая о своих добрых делах. Наши боги – не купцы византийские, что за добродетель продают Рай, как овнов за пенязи. Боги киевские не торговцы, мама! И нет у нас многих богов, а все они есть Сварог разноликий – в одном проявлении Велес, в другом – Яро-бог, в третьем – пречистый Купало... Многим богам верят непонимающие, а знающие верят Сварогу, а помимо него – Перуну и Световиду, которые и есть те же проявления Сварога, или, иначе, Великий Триглав. Так чем же вера христианская лучше славянской?

Святослав говорил резко и непреклонно, будто рубил хворост. И от той гордой речи зашлось сердце княгини болью, а из очей закапали частые слёзы.

– Делай, сыне, как знаешь, – горько проронила она, – мне ли, женщине, тебя поучать? А коль скажу что, ты сразу перечишь и супротив отвечаешь. Нельзя мне с тобой ругаться, я ведь мать твоя...

Увидев материнские слёзы, Святослав поостыл, подошёл к Ольге и в знак примирения поцеловал ей руку.

Однако ночевать в тереме не остался, а, как обычно, отправился в Воинский стан. Отдав последние распоряжения, он улёгся на земле возле своего коня, положив под голову седло, и тут же уснул, накрывшись только синей сваргой с чистыми звёздами.

Назавтра они выступают в поход.

Глава третья. Падение Саркела

Сверкая на солнце островерхими шеломами, чешуйчатой бронёй и окованными червлёными щитами, будто серебряная река, огибая леса и рощи, текла Молодая Святославова дружина на восход.

Кончились дубравы и ельники, и стальные потоки вылились на степной простор. Короткий привал – начальники перечли людей, каждый воин ещё раз проверил оружие, доспехи, подтянул и подправил конскую сбрую, – все знали, что теперь будут двигаться быстрее.

Затрубили туры рога, зазвучали команды, взлетели в сёдла юные дружинники, за годы ратных трудов из угловатых, порою неуклюжих отроков превратившиеся в сильных и умелых витязей, выносливых в боях и походах.

Загудела, задрожала степная земля от десятков тысяч копыт, поднялась в небесную синь серая туча пыли. Потекла грозная киевская сила, горя единым желанием – покарать коварных кочевников за подлое убийство геройского темника Веряги и злодейскую попытку отравить князя Святослава. К тому же почти у каждого воина был свой счёт к хазарам – за убитого брата или отца, уведённую в полон сестру, невесту, жену, за сожжённые ниву и дом. Много чего накопело у русов на сердце и теперь, уверенные, что время расплаты пришло, они текли полками и тьмами на врага с яркой Правью в душе. И стяги трепетали на ветру над каждым полком и тьмой, а впереди всех развевалась белая княжеская хоругвь, на которой в золотом солнечном коло со струящимися лучами было вышито изображение двурогого кресала, исполненного в виде сокола с полусложенными крыльями, стремглав падающего на добычу, – родовой знак рарожичей, потомков Сокола. Эта птица выше всех поднимается в сваргу, к самому солнцу, зрит оттуда на мир и, подобно молнии, разит врагов и когтит добычу. Рарог – светоносный Дух Рода, а дух сей возжигает кресало, из которого возгорается пламя и мирного очага домашнего, и грозного Огнебога-Семаргла, – так пояснял Святославу волхв Велесдар. – Высекая искру булатным кресалом, мы получаем толику солнечного Огня, что пылает в небе. А возжигая священный жертвенный пламень, мы тем самым почитаем богов наших – Хорса, Яра, Купало, Сурью, Свентовида, Дажьбога, кои все есть – русское Солнце, а мы – дети его. И потому надо жить с искрой солнечной в сердце и беречь её, как дар божий. А во время войны эта искра разгорается огнём праведной яри и под покровительством Священного Сокола – Огненного Духа Сварога – даёт силы одолевать врагов.

У Святослава этот родовой знак был также на щите. А в перемётной суме, в отдельном кошеле лежали круглые костяные пластины с княжеским двузубом – их Святослав вручал тому человеку, которого наделял особыми полномочиями от своего имени. У большинства же воинов на доспехах и щитах было изображено Русское Солнце.

Степные обитатели – быстроногие сайгаки, неутомимые охотники волки, гордые пардусы, сторожкие зайцы, дрофы, стрепеты, куропатки – все бежали и летели прочь от непонятного гула и содрогания земли, что волной катился по знойной, разбуженной звенящей сталью степи.

А в это время в Белой Веже, называемой хазарами Шаркелом, под тенью лёгкой резной веранды, на пёстрых коврах с замысловатым узором, поджав под себя скрещённые ноги, сидел один из младших сыновей кагана Исаак, или, как именовали его русы, Яшак. Коротконогий столик перед ним был уставлен серебряными и золотыми чашами с разными лакомствами – тягучим тёмным шербетом, засахаренными в меду фруктами, стояла расписная амфора с греческим вином.

Рослый черноокий хазарин, состоявший при Исааке личным поваром, с поклоном поставил перед ним глиняную миску с дымящейся бараниной вперемешку с кусками вареного теста и пиалу с наваристой шурпой, поверхность которой была на два пальца покрыта слоем жира.

Пятясь назад и кланяясь, повар остановился в пяти шагах от владыки и замер в согбенной выжидательной позе.

Исаак призывно свистнул и, взяв сверху кусок мяса, бросил его в сторону. Большой жёлтый пёс, дремавший в тени, на свист хозяина наострил уши и привычно схватил мясо на лету. Проглотив кусок, он сел, облизнулся, слегка вильнул хвостом и устремил взор на миску в ожидании нового угощения.

Исаак коротким кивком отпустил, наконец, прислужника, который всё это время стоял застывший и онемевший и, казалось, даже уменьшился в своём могучем росте. Выбрав кусок пожирней, Исаак с удовольствием вгрызся в него молодыми крепкими зубами.

Ниже возвышения, на котором восседал сын кагана, расположились видные хазарские военачальники, которые сидели полукругом, будто у костра в степи, и также угощались бешпармаком. Чуть в стороне от них трапезничали два византийских стратигоса, которые, не имея навыков сидеть со скрещёнными ногами, полулежали по-римски, облокотившись на шитые золотом подушки. На низеньких столиках красного дерева перед ними, разнося повсюду дивный аромат, стояли пиалы с крепким чаем, кувшин с вином, на серебряном блюде лежали краснобокие персики, инжир, а в золочёных чашах пенилось хмельное кобылье молоко.

Во дворе тихо журчала вода, перетекая из одного небольшого бассейна в другой, и там иногда показывалась спина то чёрной, то красной рыбыны.

У бассейна, невзирая на жгучее полуденное солнце, одетые в тёплые стёганные кафтаны и малахай, сидели несколько старых хазар, состоявших при Исааке советниками.

– Молод хазарский князь, да осмотрителен, – вполголоса обратился младший грек к старшему на своём языке, – мясо сначала псу дал проверить, не отравлено ли...

– У владык всегда много врагов, да и от своих рабов чего угодно ожидать можно, – отвечал старший, с аппетитом поглощая баранину с тестом и запивая её жирной обжигающей шурпой.

Младший, брезгливо покосившись на облепивших еду мух, с трудом одолел небольшой кусок мяса и приналёг на фрукты.

Старший усмехнулся:

– Здесь не принято возжигать благовоний для отпугивания мух, их просто не замечают, как жару, вшей, вонь от одежды кочевников и их месяцами не мытых тел. Я ведь почти пять лет среди хазар, притерпелся ко многому, даже нахожу удовольствие в их еде. – Стратигос демонстративно облизал пальцы, его коротко стриженная борода и усы лоснились от жира. Затем он пододвинул пиалу с чаем и налил в неё вина из кувшина. – Здесь я научился разводить вино не холодной водой, как у нас, а горячим чаем, совершенно удивительный вкус!

– Странно, – молвил младший, совсем недавно попавший в Хазарию, – здесь и так жара, как в Аиде, а все едят и пьют горячее, жирное, одеты в стёганные кафтаны, и даже шапок с головы не снимают! – указал он очами на стариков.

– Не снимают, потому что солнце напечёт, а много одежд – опять же для защиты от жары. Ничего, поживёшь – обвыкнешься. Чтоб их порядки понять, много ума не надо. Вон иудеи пришли и сказали, будто их Ягве и хазарский Великий Хар – одно и то же. Теперь они живут среди хазар и правят ими, всю торговлю к рукам прибрали, а также пошлину, что составляет десятую часть от всех товаров, которые купцы везут через море Понтийское по Танаису и Итиль-реке.

– Перед отплытием из Константинополя мне рассказывали, что вся власть в Хазарии находится в руках бека, иудея по вере и родственным связям. И каган тоже иудейской веры, но власти реальной он не имеет, это так? – спросил младший стратигос.

– Так, только народ – простые хазары, кочевники и воины – до сих пор верят в то, что Великий каган –местилище божьей силы, они же язычники, варвары. – Стратигос снова налил вино в горячий чай и, с удовольствием потянув ноздрями аромат, отхлебнул из пиалы. – А нам сам Всевышний велел варварами править, сталкивать их между собой и использовать в интересах христолюбивого базилевса нашего и Ромейской империи, крещённой Константином Великим! Кстати, что за странные слухи доходят до меня о скоротечной смерти императора нашего Романа? Четыре года прошло после неожиданной кончины просвещёнейшего императора Константина седьмого Багрянородного, вполне здорового мужа, а теперь вот двадцатипятилетний сын так же загадочно отправился за отцом на тот свет. Кто сейчас у нас во власти, по слухам, на императорский трон претендует какой-то Никифор Фока, простой полководец, даже не престолонаследник?

Младший настороженно покосился по сторонам и шёпотом тихо сказал, приблизив голову к собеседнику:

– Говорят, всё это дело рук Феофано. Злые языки обвиняют именно её в скорой смерти тестя и возведении на престол Романа. А затем она увлеклась Никифором Фокой – как же, именитый полководец, одержавший несколько славных побед над арабами и отвоевавший у них Крит, с триумфом возвратившийся в столицу. Хотя иные поговаривают, что у Фоки была связь с Феофано ещё до его побед над арабами. – Он ещё раз осторожно оглянулся и зашептал ещё тише, почти в самое ухо старшему: – Более того, говорят, что *она* до сих пор не рассталась со своим старым ремеслом кабацкой девки, только теперь не берёт за это денег, а напротив, иногда сама щедро одаривает тех, кто ей особенно понравился на греховном ложе портового притона. Так что неведомо, чья кровь течёт в её детях, будущих наследниках престола. А насчёт скорой смерти молодого императора Романа всем сказано, что он упал с лошади во время скачек, но этому никто не верит... всё это так печально...

– Да, невесёлые творятся дела, – покачал головой старший. – Наш трон должен быть сильным, иначе как империя сможет управляться с варварами? – и он незаметно показал глазами в сторону хазарского князя.

Исаак, насытившись, откинулся на подушки и громко отрыгнул. Затем, обратившись к стратигосам, важно сказал:

– Вчера я смотрел учения нашей конницы и остался доволен. Благодаря вам мои воины теперь ещё лучше постигнут особенности воинского искусства урусов, а значит, будут непобедимы в бою!

Старший, хорошо понимавший хазарскую речь, перевёл слова князя. Младший из греков тоже смешал вино с чаем, и в воздухе разлился терпко-приятный аромат.

– Новый русский князь хороший воин. Наши люди доносят, что его конница стала грозной силой, – осторожно пробуя напиток с необычным для него вкусом, изрёк стратигос.

Исаак сузил глаза и, не скрывая высокомерности, ответил:

– У меня столько храбрых и сильных воинов, сколько и не снилось урусскому князю! – На миг он запнулся, вспомнив, как едва спасся бегством от русского княжича ещё пять лет тому и подписал унижительный для себя мир, отдав Севские земли. Поиграв желваками скуластого лица и зловеще улыбаясь самыми уголками рта, – грек знал, что Исаак делает так, когда задето его самолюбие, хазарский князь продолжил: – Их Перун сохранил жизнь князю урусов только для того, чтоб этот, как его, Сффентослав собственными очами увидел, как я обращаю Киев в пепелище и утоплю его в море крови!

Исаак помолчал.

– Зато нет теперь одного из самых опасных урусских батыров, – взглянул он в сторону своих советников. – Благодаря твоей хитрости, Беленджар, Ягве в этот раз оказался сильнее их Перуна, а?

Старый хазарин, будто дремавший до этого с чашей хмельного кумыса, встрепенулся и заулыбался князю, обнажив щербатые зубы. Заскорюзлыми пальцами, оглаживая жиденькую бороду, он произнёс с некоторым бахвальством:

– Если б те батыры, что хотели купить жеребца, отведали моего кумыса, то мёртвых темников в Киеве могло быть больше... И откуда взялся тот неизвестный богач?

– Надо ещё подумать, архонт, – заговорил старший стратигос, – как лучше использовать послушные каганату народы – башкир, курагузов, койсогов и прочих, да и тех же славян, в прошлую войну их неплохо использовали, но можно лучше. Пусть вместо одной хазарской головы падёт десять инородных!

Исаак кивнул, потом надкусил сочный персик и сказал:

– Помните, о чём все мы – я с моими военачальниками и вы, стратигосы, – говорили недавно в Большом дворце бека в Итиле? Пора выступать на Киев. Войско Великого кагана уже почти готово к походу, через несколько дней будет здесь. И тарханы с северных земель вот-вот присоединятся к нам. Нельзя ждать, пока князь урусов наберёт силы, молодых щенят надо топить, пока они не превратились в собачью свору!

Под одобрительные возгласы присутствующих Исаак с удовольствием выпил большую чашу кумыса и положил в рот несколько кусочков фруктов в меду.

В конце песчаной дорожки, ведущей через двор к веранде, слышались возбуждённые голоса. Потом по ней торопливо прошёл богатырского телосложения начальник стражи. Подойдя к краю веранды, он склонился в низком поклоне и доложил:

– Наши дозорные схватили уруских гонцов! Те говорят, что едут в Итиль с посланием от киевского князя к Великому кагану...

– Хо! – удивлённо вскинул брови Исаак. – Веди!

Он тут же принял величественную позу: скуластое лицо стало непроницаемым, а глаза ещё более сузились пронизительно-уничтожающим прищуром.

Стражники подвели трёх стройных молодых русов в полном воинском облачении. Один из хазарских воинов нёс отобранные у них тяжёлые мечи. В запylённых кольчугах, настороженные и порядком уставшие, предстали русы перед хазарами и византийцами. Какое-то мгновение обе стороны молча глядели друг на друга. Потом Исаак кивнул советнику, и старый хазарин спросил по-русски, по обыкновению широко улыбаясь своим ущербным ртом:

– А куда так торопится, русский витязя? Вижу, устал совсем, мало-мало отдыхал, много-много скакал, куда и зачем?

Вперёд выступил светловолосый широкоплечий рус и заговорил на хорошем хазарском, глядя прямо в глаза Исааку:

– Мы гонцы от киевского князя Святослава, прибыли не к тебе, Яссаах, – он произнёс имя так, как говорили хазары, – а посланы в Итиль к кагану, чтоб передать слова князя нашего, вот они: «Иду на вы! Сдавайся или защищайся!»

На открытой веранде и во дворе повисла неожиданная тишина. Стали слышны журчание воды и гудение мух с осами, улыбка исчезла с лица старого хазарина. Старший стратигос шёпотом перевёл другому слова гонца. Хазарский князь тоже не сразу пришёл в себя. А когда справился с первой растерянностью, то ей на смену пришли обида и злость уязвлённого самолюбия. Вскочив с подушек, он крикнул, потрясая руками:

– Недостойны вы, псы поганые, лицеизреть самого божественного кагана! Я сам разделаюсь со Сффентославом! Стража, возьмите их и отрубите всем троим головы!

Опомнившись, он сел на место, досадуя теперь ещё и на то, что вышел из себя не только в присутствии этих наглых урусов, но и византийцев.

Когда стражники увели пленных, старый советник, приковыляв на кривоватых ногах, тихо сказал Исааку:

– Великий шад, эти люди всё равно в твоей власти, и казнить ты их можешь в любой момент. Прикажи сначала пытать их, чтоб узнать, какими силами идёт на нас русский князь, да заодно и проверить, так ли крепка телом и духом хвалёная Святославова дружина, скоро ли взмолятся о пощаде и развяжут языки...

– Пусть будет так, – нехотя согласился Исаак.

Через некоторое время со стороны внутреннего двора стали доноситься удары плетей и глухие сдерживаемые стоны.

– Я совсем недавно был в Кiefe и владею самыми свежими данными о дружине россов, – заговорил младший из стратигосов, – и точно могу сказать, что они не могут скоро собрать силы. Им нужна седмица или даже две, чтобы подготовить к выступлению всю дружину. Ещё нужно время, пока войско дойдёт до Саркела, не говоря уже про Итиль. Кроме того, русы – не хазарские воины, что вольными птицами летят по степи, – в этом месте речи стратигоса Исаак горделиво вскинул голову, – они везут с собой обозы и пешую рать. Я полагаю, у нас есть седмицы три. А войско Великого кагана и северных тарханов придут со дня на день. Мы выступим всей мощью и опередим россов.

– Ну, что там урусы рекут? – кликнул Исаак начальника стражи.

– Ничего не рекут, повелитель, только стонут да молят своего Перуна о скорейшей смерти.

– Ужесточить пытки! – велел Исаак.

Начальник стражи с поклонами удалился.

Через два дня на третий в окрестностях Саркела и самом граде начались шум и суета.

К Саркелу приближалась дружина Святослава.

Как только от дозорного полка примчался запыханный посыльный с тревожной вестью, Исаак немедленно кликнул к себе советников и греческих стратигосов.

– Наш дозорный полк сражается с урусами на той стороне Дона, совсем недалеко от Шаркела, – мрачно изрёк молодой хазарский князь. – Два дня назад вы все уверяли меня, что такого быть не может, что скажете теперь? – Он грозным взором обвёл присутствующих.

– Великий шад, – начал осторожно старший советник, – я давно живу на свете и давно знаю россов, и скажу точно, не может их дружина так скоро оказаться перед воротами Саркела.

– Даже если они выступили сразу, то налегке – без пешего войска и прочего снаряжения, – подал голос младший из стратигосов. – Иначе россы не успели бы так скоро оказаться здесь! Скорей всего, Святослав, пылая жаждой мести, взял только свою Малую дружину, ну, может, ещё несколько полков. И с такой силой идти на Итиль? Да один наш Саркел ему не по зубам!

– Архонт Кiefeфа глуп и наивен, – усмехнулся старший, – молодая кровь не даёт ему покоя, вот и решил поразмяться. Но Саркел встанет у него на пути, и одолеть его он не сможет, руки коротки. Эта крепость, – он сделал широкое движение рукой на мощные стены цитадели, – не зря строилась нашими лучшими византийскими зодчими по всем правилам военной науки. Да и город вокруг крепости с его дворами, улицами, переулками, и рвы, и валы с деревянными стенами. Пока россы будут скакать вокруг, как псы на цепи, подоспеют Итильские или Полуночные тьмы, и Святослав со своим жалким отрядом сам в осаде окажется... – Стратигос помолчал, что-то обдумывая, а потом закончил: – Я немедленно отправлюсь в Итиль, чтобы поскорее решить с Беком вопрос об уничтожении этой горстки полоумных россов. Мы раздавим несчастных, как давят на моей родине виноград для вина, а потом то же самое сделаем с остальным киевским войском.

Эти слова стратигосов ободрили всех и успокоили, на лицах опять появились улыбки, пошли грубые шутки и похвальба.

– Пусть урусские щенки вначале обломают свои молочные клыки о наши стены, а тогда мы им выбьем остальные зубы и утопим в реке, – злорадно произнёс Исаак, снова принимая величественную позу.

Между тем суета и беспокойство в граде всё возрастали. Многие взбирались на стены поглядеть, не показались ли наступающие русы. И видели, как с захода солнца поднималась, клубясь, серая туча пыли, а к воротам града во весь опор неслись остатки хазарского дозорного отряда. Некоторые из жителей окрестных селений также бежали в град, часть оставалась на местах, надеясь на милость русского князя, а иные, прихватив скарб, гнали повозки дальше, вверх или вниз по Дону. Среди тех, кто стремился в Итиль, был и старший стратигос с тремя охоронцами.

Когда удалось перехватить и разбить хазарский дозорный полк и Святослав узнал, что его посыльные схвачены и по приказу Исаака пленены в Белой Веже, князь не на шутку разгневался.

– Горицвет! – кликнул он верного друга. – Отпусти троих из пленённых нами хазар, пусть немедленно скажут к Яшаку и передадут ему моё слово: сдавайся или принимай бой! И ещё – я оставил жизнь его людям, пусть он в ответ освободит моих гонцов, иначе я его самого принесу в жертву Перуну!

Три освобождённых хазарина птицами полетели к крепости, переправились через Дон и вскоре скрылись за стенами северо-западных ворот.

Святослав велел переправиться вслед за ними и окружить крепость с суши. Дружина, войдя в воду выше по течению Дона, переплыла на левый берег и полукругом замкнула Саркел с восточной стороны. На правом берегу остался только засадной полк.

То тут, то там с мощных стен и башен срывались одиночные хазарские стрелы, но русское воинство по приказу князя не приближалось на расстояние их полёта, поэтому стрелы, пролетев над степью, бессильно втыкались в сухую землю.

Час проходил за часом, но ворота не открывались и никто не отвечал Святославу.

Подъехал Горицвет.

– Что-то мешкают с ответом хазары, давай, княже, поглядим, откуда при случае это гнездо осиное ковырнуть сподручнее будет.

Святослав кликнул Свенельда, и они втроём поехали вдоль рва, заполненного водой, поросшего камышом и осокой. Видно было, что когда-то его прорыли, чтобы отделить мыс, на котором располагался град Саркел, от остального берега и сделать его островом. За рвом с застоялой водой высились валы и мощные деревянные стены с башнями.

– Издалече, наверное, брёвна возить пришлось, – подивился молодой Горицвет, – здесь же вокруг леса нет!

– Возить никто и не думал, – возразил Свенельд, внимательно вглядываясь в стены града, – по Дону из земель тех же данников хазарских – вятичей да радимичей – сколько угодно леса сплавить можно. Я другое вижу, – продолжал воевода, – жарко здесь, сухо, брёвна-то крепки, слов нет, да высохли, что солома на солнцепёке.

– И то верно, вуйко, – согласно кивнул Святослав, – коли запольхают, то гореть на славу будут, не загасишь...

– Я велел толковых людей сыскать среди славянского населения, пусть расскажут, где чего в сём граде есть и как лучше к нему подступиться, – молвил Горицвет. Вскоре воины доставили такого выходца из северской земли, что уже с десятков лет жил в окрестностях Саркела. Это был среднего роста загорелый, как просмоленная вервь, рыбак.

– Я с сыном рыбу ловлю да частенько в граде торгую, и повар к столу самого Яшака иногда мою рыбу берёт. Окрестности и град добре знаю, а вот в крепость нашего брата не пускают, – охотно рассказывал рыбак. – Крепость там, на острове, недалеко от берега. Вон,

глядите, вежа самая высокая, из белого камня. Из такого же белого камня возведён и дворец Яшака. Он находится в полуденной части, где и вежа, и от остальной части отделён внутренней стеной. Сама крепость, что сундук, ровнёхонька, по углам башнями усилена, стены высотой около пяти сажень.

– Стены толстые? – спросил воевода.

– Пожалуй, более полутора сажений будут, – ответил рыбак.

– А что в другой половине крепости? – уточнил Святослав.

– Там триста всадников обретаются, личная охрана Яшака, кузница, конюшни. В случае осады, конечно, больше поместиться может. А в самом граде воев сейчас изрядно, тысячи три или пять собралось, видать, в набег собираются, это как пить дать, я уж этих татей степных добре изучил. Перед самой крепостью ещё один ров с водой прорыт. Через тот ров мост перекинут к воротам, коли надобно, его поднимают, всё по византийской указке построено, хитро.

– Скажи, рыбак, а ров тот, что у крепостной стены, он с Доном соединён, разумею? – спросил Горицвет, и в очах его засияли лукавые искорки, как в тех случаях, когда он задумывал разыграть кого-либо из сотоварищей.

– Само собой, – ответил загорелый рыбак, – иначе откуда в нём воде взяться?

Посоветовавшись с темниками и решив, как и что надо делать в случае штурма, Святослав велел пока дать отдохнуть лошадям и накормить людей.

Сам же он ничего не ел и всё чаще поглядывал на главные ворота хазарского града. Чем ближе становился вечер, тем больше мрачнело лицо князя, тем чётче проступала на нём наметившаяся жёсткая складка.

Едва сгустились сумерки, как русское войско пришло в движение. Неотрывно наблюдавшие за ними со стен хазары в темноте уже не могли видеть, что делает противник, а лишь слышали стук, скрежет, шум и глухие удары, похожие на падение деревянных и глиняных строений, что были за крепостью.

Боясь, что русы, пользуясь темнотой, подберутся к воротам или стенам, хазары при малейшем шуме извне пускали туда множество стрел, прислушиваясь, не раздастся ли стон или крик раненого.

Вместе с надвинувшимся мраком ночи всё большее беспокойство овладевало городом. Что там, оставаясь невидимыми, делают эти непонятные и непредсказуемые урусы? Хазары привыкли к тому, что они уже не одну сотню лет время от времени нападали на славянские грады и веси, сжигали и грабили, уводили в полон их жителей. И вдруг всё изменилось – теперь русы сами пришли и осадили их. И если раньше, когда не удавалось одолеть соседей, в любой момент можно было уйти в степь, рассыпаться по широким просторам, стать неуловимыми, то теперь деваться некуда – враг здесь, рядом, сразу за толстыми стенами, которые уже не кажутся такими надёжными, как уверяют греческие стратигосы. Теперь, когда беспокойство стало катиться по граду, многие позавидовали осторожным жидовинам, купцам и вельможам, которые под разными предлогами покинули град сразу после появления киевских гонцов.

Все теперь уповали лишь на то, что за надёжными стенами можно отсиживаться сколь угодно долго, а там или урусы уйдут, или подоспеет помощь из каганата.

Около полуночи в неприятельском стане всё стихло. Хазары решили, что урусы наконец утомонились и теперь уснут до утра. Однако они ошиблись.

Тревожная тишина ночи в одночасье взорвалась криком тысяч глоток, звоном мечей о щиты, конским топотом и жужжанием калёных русских стрел, многие из которых несли про-smоленную тлеющую паклю. Кое-где ворота, деревянные стены и башни, изрядно высохшие за лето, стали загораться. Хазары бросились их тушить, и многие тут же пали, сражённые русскими стрелами. Во тьму озлобленно полетели ответные тучи хазарских железноклювых посланцев – трёхлопастные бронебойные наконечники со стуком впивались в огромные, ско-

лоченные из досок и дверей окрестных домов деревянные щиты-прикрытия, часто прошивая их насквозь. Укрываясь за щитами, русские дружинники подбирались к стенам града.

Со стороны Дона, обтекавшего с трёх сторон искусно насыпанный мыс, чей обрывистый берег лишь в низких местах был укреплен валами, напротив, не доносилось ни звука.

Неприступный днём глубокий ров перед градом с наступлением ночи был засыпан сразу в нескольких местах и не был больше серьёзной преградой. Всё так же беззвучно, как тени, через свежие насыпи и завалы перебрались лучники и, выставив огромные щиты, укрылись за ними.

По знаку Святослава всадники стали подсакивать к стенам, бросать сушняк и вновь уноситься в темноту. Едва первые охапки легли к подножию, хазарские воины, услышав движение, стали прошивать всё пространство вокруг стрелами, сверху посыпались камни, и полилась горячая смола. Но те, кто бросил траву, уже умчались прочь, на стены посыпался дружный град русских стрел, и под их прикрытием новые всадники швыряли охапки сена, обломки деревянных оград, какие-то узлы с паклей, одеждой и всем, что могло гореть.

Когда сушняк набралось достаточно, Святослав, отвернувшись от ветра, с молитвой Огнебогу возжёг своим булатным огнём паклю, а от неё – просмоленную вервь – и птицей полетел на своём коне прямо к головным воротам. Над головой запели русские стрелы, оберегая князя от затаившихся на башнях вражеских лучников. В траву полетели другие куски зажжённых вервий, а о стену с хрустом разбилось несколько горшков с греческим елейным маслом.

В считанные мгновения радостный Семаргл-Огнебог, подзадориваемый полуденным Стрибожичем, осветил крепкую стену града, а затем под одобрительно-восторженные крики воинов протянул по масляным разливам на стене свои многоперстные огненные руки, жадно вцепился в дерево и взметнулся кверху, подбираясь жаркими языками к предложенной жертве.

Хазары вопили и метались по стене, несли воду в кожаных мехах и медных котлах, но мало кто достигал цели – прилетавшие из тьмы стрелы метко разили их. В это время Огнебог, будто ловкий скоморох-канатоходец, взобрался на стену, пробежал по ней, а затем переметнулся на деревянную башню.

Лучники, стремясь не допустить гашения пожара, трудились неустанно, будто сеятели на пашне, лишь когда пустел колчан, одни уступали место другим.

Святославовы дружинники молили Стрибога с Огнебогом, чтоб они скорее поглотили крепкое дерево, и беспрестанно подкармливали их сушняком.

Наконец, прикрывая лица от горящего дыхания Семаргла, они приблизились к образовавшемуся в воротах проёму. Воины с длинными жердями и крюками на концах растащили горящие брёвна и освободили проход.

– За Верягу, темника нашего, за гонцов полонённых, за грады и сёла, врагом сожжённые, вперёд, братья! Слава Перуну!

Белый божественный конь Святослава рванулся через тлеющий пролом и влетел во вражеский град, а за ним в едином порыве устремились дружинники.

В это время на противоположной стороне града, куда почти не доносился шум сражения, у ворот крепости возбуждённо кричал молодой посыльный, требуя пропустить его к владыке Исааку с важной вестью. Два больших факела, закреплённых в медные гнёзда у врат, неровным светом выхватывали искажённое криком лицо посыльного. Стража у ворот узнала его и принялась опускать мост, приоткрыв одну створку ворот.

– Эй, перестань орать, скажи лучше, что там горит! – отзывались стражники, опуская мост.

– Всё горит – стены, жилища, само небо, урусы выскакивают прямо из огня, как злые дэвы, их нельзя остановить! – частил перепуганный гонец, пролетая галопом уже опустившийся мост.

Ни возбуждённый воин, ни охранники, забрасывавшие его вопросами, не заметили, как из воды под мостом, вынимая изо рта камышинки, стали подниматься, один за другим полуобнажённые, измазанные тиной и илом русичи. Едва нетерпеливый посыльный влетел в открытую створку ворот и скрылся в глубине крепости, как пахнувшие тиной фигуры, ужами выползая из-под моста, набросились на онемевших от неожиданности охранников. С башенного выступа над воротами кто-то окликнул охрану. Ответа не было, только сдавленные стоны, какая-то возня и плеск воды от падения чего-то в ров. Сверху слышался топот десятка ног по деревянным ступеням башни.

– Свиря, факел возьми, знак нашим, борзо! – хрипло скомандовал старший вышедших из воды. Гибкий что лоза воин кошкой прыгнул к факелу, вырвал его из гнезда и вихрем помчался по мосту. Он уже пробежал большую часть пути, делая знаки факелом, но две вражьи стрелы одна за другой пронзили его сильное тело, и факел упал в воду.

Засадный полк ещё в полночь тайно переплыл Дон и схоронился в тени высокого берега в камышах, у пристани и под мостками. Полтора десятка лучших пловцов приготовились к тому, чтобы проплыть по наполненному водой рву у стен крепости и ждать удобного момента для захвата подъёмного моста и ворот.

– Как только ворота захватите, – тихо говорил воям сотник, – сразу знать дайте, там два больших факела горят, можете факелом знак дать или иным чем зажженным помашите.

– А как не опустят мост и врат не откроют? – засомневался один из воев.

– Откроют непременно как только наши деревянные стены подпалят да в град ворвутся, то к князю хазарскому немедля гонцы полетят, тогда не зевай! Мы же пока сидеть будем, как мыши за корой, чтоб не спугнуть дичь раньше времени, – сотник напутственно хлопнул старшего отряда пловцов по голому плечу, – да помогут вам Перун и Водяник с мавками, пора!

Один за другим, без звука и плеска, вои растворились в тёмной мутной воде.

Страх, выношенный в ночи неизвестностью и усиленный пожарищем на городских стенах, с которых, перескакивая снопами искр с крыши на крышу полуземлянок, крытых камышом, Огнебог пошёл гулять по граду, этот страх перешёл в ужас и панику и понёсся впереди пожарища и русской дружины по улицам и домам, лишая разума умных и отбирая волю к сопротивлению у сильных. Этот страх заставил многих броситься к городской пристани, туда, куда обычно приставали корабли с товарами, чтобы схватить первое, что попадётся под руку, и спуститься вниз по Дону. Немногочисленные воины, что охраняли ворота, ведущие из града к пристани, были просто сметены обезумевшими жителями, а ворота немедленно распахнуты. Но едва люди устремились к лодкам, как из подбережной темноты мрачными тенями возникли Святославовы вои засадного полка. Они кошками стали перебираться через частоколы и валы, бегом потекли в открытые ворота. Одна часть засадного полка помчалась к крепости, где несколько мокрых измазанных тиной и речным илом русичей, что ещё оставались в живых, насмерть стояли супротив охраны, защищая опущенный мост и открытые ворота. Хазары уже оттеснили горстку полуголых бойцов от вёрота, но поднять мост не смогли – русы успели заклинить механизм подъёма. Ещё немного – и хазарами будут уничтожены последние пятеро защитников ворот, но в этот самый миг по мосту застучали сотни ног бегущих русов засадного полка, которые яростно вступили в схватку с отборными воями личной охраны Яшака, сминая их и врываясь внутрь крепости.

Другая часть засадного полка тем временем потекла по граду навстречу наступающим полкам основной дружины, разя убегающих хазар, поджигая по дороге всё, что могло гореть. И не ведали хазары, куда им бежать от огня и мечей русов, которые были везде.

Молодые вои Святославовой дружины неслись по узким улочкам Саркела, опьянённые жадой справедливой мести, горячкой боя и запахом свежей крови. Летели с крыш домов и из-за глиняных стен хазарские стрелы, выскакивали обезумевшие от огня и паники хазарские вои и полуодетые жители града. Одни отчаянно сопротивлялись, другие просто бежали, охва-

ченные ужасом. Только и те, и другие неминуемо попадали кто на остриё копья, кто под меткую стрелу, меч или секиру русов. Вот сотня, в которой рубились Вышеслав с Овсениславом, столкнулась с отрядом хазар, отчаянно пытавшихся прорваться к распахнутым полусгоревшим воротам. Вновь завязалась кровавая, жестокая схватка.

– Четыре первых десятка здесь, пятый, шестой и седьмой одесную обходят, восьмой, девятый и десятый ошую! – крикнул сотник Мерагор, потому что узкая улочка не давала возможности вступить в бой всей сотне. Братья Лемеша поскакали со своим десятским в левый переулочек, который был ещё уже того, где шла отчаянная рубка. Вдруг с плоской крыши горящего дома что-то мелькнуло, и на спину Вышеслава дикой кошкой прыгнул молодой хазарин в изорванном обгорелом халате. Широкий кривой нож взметнулся к шее дружинника, и оба полетели наземь, прямо под ноги лошадям. Ещё с десятков пеших вражеских воев выскочили из-за глиняной стены-изгороди, а навстречу киянам скакали конные хазары. Овсенислав едва успел осадить коня, подняв его на дыбы, чтобы тот не растоптал брата. Взмахнул топором, но поняв, что может не попасть в сцепившегося с Вышеславом врага, крикнул: – Блуд, заслони! – и спрыгнул наземь. Блуд, прикрыв спешившегося соратника своим конём, с молодецким ухаженьем ловко заработал боевым цепом и круглым щитом. Держа топор в деснице, Овсенислав левой рукой ухватил коричневый халат и рванул его изо всей силы. И хотя прочная ткань, не выдержав мощного рывка огнищанина, с треском разорвалась, но на миг хазарин оторвался от Вышеслава, и этого было достаточно, чтобы засапожный нож русича вошёл по самую костяную рукоять в шею врага. Почувствовав, как обмякло тело хазарина, Овсенислав отпустил его, подавая руку старшему брату. Вышеслав стремглав вскочил на ноги и так же стремительно взметнулся в седло верного коня, который испуганно ржал и выгибал шею, но не тронулся с места после потери хозяина. Оглянувшись на брата, чтобы поблагодарить за помощь, Вышеслав увидел, как тот, струной вытянув шею, пытается дотянуться рукой до торчащей навывлет стрелы. Потом застыл на мгновение и, не сгибаясь, как прямая доска, рухнул на спину. Со всех ног бросился огнищанин к брату, лежащему подле дувала с настигшей его хазарской стрелой. Из шеи Овсенислава хлестала кровь, из горла вырывался предсмертный хрип, и Вышеслав понял, что случилось непоправимое – стрела пробила сонную жилу. В это время рядом воткнулась вторая стрела. Подняв взор, Вышеслав увидел на той самой крыше, откуда на него спрыгнул цепкий хазарин, отрока с небольшим луком, который натягивал тетиву с новой стрелой. Вышеслав метнул в отрока топор, а вслед за ним и сам, ухватившись за выступающее из-под крыши деревянное основание, вмиг взлетел наверх. Небольшой лук с костяной накладкой и кожаный колчан валялись тут же, а оглушенный ударом топора в грудь отрок хватал широко открытым ртом воздух у самого края крыши. Подхватив топор, дружинник быстро оглянулся по сторонам и сверху во двор. Часть строений полыхала, и в сиянии огня всё было очерчено как-то особенно ясно. Вышеслав повернулся к зашибленному убийце своего брата, и вовремя. Юный хазарин с кинжалом в руке бросился на него. Берестянский огнищанин левой рукой ударил нападающего с такой силой, что тот, отлетев, упал на самый край крыши и, не удержавшись, кулем свалился вниз. Вышеслав спрыгнул за ним. Приподняв голову на свёрнутой шее и убедившись, что юный хазарин мёртв, Вышеслав процедил сквозь зубы с глухим стоном: «Что ж ты натворил, нечестивец?» Подобрал валявшийся кинжал, Вышеслав побежал к приоткрытым воротам, где продолжалась яростная схватка. И тут сквозь треск пламени, звон оружия и хрипы умирающих он услышал призыв о помощи славянской речью. В два прыжка снова оказался у мёртвого тела и замер на мгновение, напрягая слух. Не только голос, но и глухие удары услышал он со стороны длинного строения, похожего на конюшню. Заднюю стену уже лизал огонь, а слева полыхала крыша. Один мощный удар боевого топора вышиб дубовый засов, широкая дверь распахнулась, и из неё выскочили, вышли и выползли пленники. Один из них, могучего сложения, весь в рубцах и ранах, вдохнув жадно несколько раз воздуха, вдруг развернулся и пошёл обратно в горящую конюшню.

– Куда, неразумный, кровля сейчас рухнет! – крикнул Вышеслав, но богатырь и ухом не повёл. В этот самый миг упала задняя часть крыши, взметнув высокий сноп обжигающих искр. Из открытой двери ударила волна раскалённого воздуха, а ещё через несколько бешеных ударов крови в висках из открытых дверей появился израненный здоровяк с двумя почти безжизненными телами собратьев по заточению. Вышеслав и недавние пленники бросились помогать ему, и в это время обрушилась оставшаяся часть крыши. Столб огня так полыхнул, что у тех, кто был поближе, опалило волосы, от искр задымилась жалкая невольничья одежонка, обжигая кожу через многочисленные прорехи.

– Как зовут тебя? – спросил огнищанин, торопясь к выходу.

– Булатом кличут, – ответил хрипло, переводя дыхание, богатырь.

Вышеслав выскочил в переулочек, отметив, что его соратники уже истребили пешеходов хазар и потеснили конных дальше по переулочку. Подбежав к поверженному брату, увидел, как кровь ещё сочится тонкой струйкой из уголков рта и из раны на шее, а неподвижные очи уже остекленели. Отломив наконечник, Вышеслав осторожно, хоть и понимал, что брат уже мёртв и ничего не чувствует, вытянул древко стрелы с оперением и положил рядом. Всё так же бережно взял тело брата на руки и внёс во двор, положив там, где его не мог достать огонь от горящих строений. «Что ж я мамке скажу? Прости, братушка! Меня от смерти спас, а сам...» – Вышеслав, смахнув слезу, крепко обнял и поцеловал Овсенислава, ещё больше измазав своё закопченное чело и руки кровью брата. Встав с колен, он трижды призывно свистнул, и в отворённые ворота вбежал его конь, а следом и конь Овсенислава. Уже в седле Вышеслав почувствовал, что кто-то тронул его за руку. Это был Булат.

– Дозволь коня и топор брата твоего взять, мне с хазарами посчитаться надобно, – сказал он тихо, как будто просил испить ковш воды в жаркий день. Огнищанин молча кивнул и, подхватив повод второго коня, передал его закопченному невольнику. – Дякую тебе, брат, – услышал он вослед, уже выскакивая из ворот, и не уразумел, чей голос произнёс сии слова, Булата или Овсенислава. Он ринулся в самую гущу яростной сечи, не щадя ни себя, ни проклятых хазар, лишь иногда замечая, как в самый трудный миг оказывался рядом могучий Булат в обгоревших лохмотьях, на коне Овсенислава и с его секирой в руке.

Когда Святослав со щитом и окровавленным мечом в руке во главе своей личной сотни влетел в открытые засадным полком ворота крепости, там полыхали конюшни и примыкавшая к ним кузница. Во дворе русичи отчаянно рубились с личной охраной хазарского князя. Рубка шла во дворе, на стенах и в башнях. Стоны людей, воинственные кличи, команды на хазарском и славянском, треск горящего дерева, ржание обезумевших коней, что металось внутри крепости или выносились прочь в объятый пламенем град, последние крики падающих с пятидесятиметровой высоты стен или из высоких башен. Весь в копоти и крови, Святослав с ходу врезался в личных охранцев Яшака, разя их обоюдоострым мечом и наводя страх Перуновой яростью, которая была не менее грозной, чем карающий булат. Вскоре с обороняющимися было покончено. Часть русов уже сражалась с остатками охраны хазарского князя на стенах и башнях другой половины крепости, а другие, подхватив толстое бревно, что недавно поддерживало навес в углу крепостного двора, уже с размаху били им в малые ворота, ведущие в цитадель Яшака. Может, ворота не выдержали отчаянного натиска, а может, кто-то уже проник через башни и откинул засов, так или иначе, но створы распахнулись и, смяв охрану единым ударом, вышибая двери, славяне во главе со своим храбрым князем ринулись внутрь терема. Исаак, окружённый телохранителями и советниками, замер с мечом в руке, когда Святослав с дружинниками оказался прямо перед ним. В свете пылающих факелов они сразу узнали друг друга и на миг застыли в молчаливом единоборстве взглядов. Исаак первым отвёл глаза и нехотя бросил свой слегка искривлённый меч на мозаичный пол. Охрана и военачальники так же молча сложили оружие у ног русского князя.

От высокомерия и властного величия Исаака почти ничего не осталось. Позор столь молниеносного поражения раздавил хазарского шада и парализовал его волю. А старый советник Беленджар, без обычного малахая, согбенный и плешивый, выглядел и вовсе несчастным, слегка тронутым стариком, который сидел на подушках и что-то бормотал про себя.

– Где мои гонцы, отродье степное? – зарычал Святослав.

Воин из его сотни повторил вопрос по-хазарски.

Ни Исаак, ни его военачальники ничего не ответили, только хазарский князь дёрнулся и невольно сжался, а его тёмные зрачки, наоборот, расширились.

– Княже, здесь они, в яме нашли! – крикнул вбежавший дружинник.

– Возьмите! – указал Святослав мечом на хазар. И тут взор его натолкнулся на византийского стратигоса, который выделялся из прочих красной мантией и блестящей позолоченной кирасой.

– Грек? – вскинул бровь Святослав. – И тут без вас не обходится. Сего допросить особо! – бросил он и устремился вслед за дружинником, опрокинув на ходу два горящих светильника на богатые ковры и подушки. Из одного разлилось масло, и он, зашипев, погас. Второй, упав набок, коснулся тонкого полога, и робкий огонёк побежал по умащенным маслом подушкам и покрывалам, постепенно разгораясь ярче. Дружинники, не церемонясь, связали пленных и, будто кули, подхватив Яшака со стратигосом, погнали их вместе с подручными, словно толпу оводов, прочь из терема.

Последний дружинник на миг задержался и, сорвав со стены ещё один светильник с бараньим салом, поднёс его к занавесу, что закрывал вход в гридницу, и когда тот загорелся, швырнул светильник на ковры.

В ярком свете горящих построек на заднем дворе Святослав увидел своих гонцов. Их истерзанные тела дружинники уже осторожно уложили в арбу на мягкую соломенную подстилку, покрытую бараньими шкурами. Двое были вовсе без признаков жизни, только один слабо стонал. На телах не осталось живого места от многочисленных побоев и пыток. Ногти на руках и ногах были вырваны, пальцы изломаны, суставы вывернуты, ступни обуглены от огня, которым их поджаривали. На спине и груди жуткие рубцы от калёного железа, волосы опалены и частично вырваны. С одного пленного была полностью содрана кожа, и он был похож на окровавленный кусок мяса. Даже выдавший виды Свенельд глухо застонал, а некоторые из молодых дружинников не могли сдержать слёз от такого зрелища.

Святослав стоял молча, только желваки ходили под кожей.

– Что ж это за семя такое проклятое, что глумится над беззащитными посланцами, подло травит богатырей, коих и десятеро одолеть не могут, с живых людей снимает кожу, что ж это за народ в граде сём? У-у-х-х! – застонал князь, воздев очи к небу. – Отче наш, Перун Златокудрый, обещал я тебе в жертву Яшака хазарского принести, так слово своё держу. Прими, Отче, в жертву Яшака мерзкого и град его проклятый, весь, до последней живой твари!

Святослав с мечом в руке и пылающими огнём очами подошёл к Исааку и его воеводам. Дружинники никогда не видели лик князя таким страшным, у многих даже мороз по спине побежал, когда Яшаку и его первому воеводе велели встать на колени и склонить головы.

Два взмаха меча – и головы хазар отскочили в стороны, а тела рухнули на землю, обливаясь чёрной кровью. По велению Святослава дружинники лишили жизни всех оставшихся хазар.

– Всем передать мой строгий наказ – истребить сей град до последнего, чтоб не осталось в нём ни старого, ни малого, ни даже пса бездомного, никого!

Святослав повернулся и пошёл к своему коню, которого держал под уздцы стремени.

– Одного таки оставьте! – приказал князь, уже сев в седло. – Выпорите плетью, потом посадите на коня и отправьте в Итиль, к кагану, пусть поведает ему всё, что видел...

Все в копоти и гари, будто ужасные Дэвы из хазарских преданий, текли по горящим улицам киевские витязи. А хазарские воины, подобно степным волкам, вдруг угодившим в тесную пылающую западню, шарахались из стороны в сторону, ища выхода, но натыкались лишь на безжалостное пламя и грозные мечи русов. Те же, кто отчаянно защищался, понимая, что это его последняя в жизни схватка, клали русов и гибли сами под их яростными десницами. Те, кто пытался уйти через ворота и дыры в стенах, также натыкались на русские острия, которые беспощадно разили беглецов. И каждый из русов сражался с праведной ярью, неся в душе образ темника Веряги, образы изувеченных гонцов, лики друзей, братьев, отцов, родственников, убитых, замученных или навеки угнанных в рабство. И потому месть русов была страшной и неистовой. И хазары чуяли ту праведную ярость и ничего не могли с ней поделать, только огрызались отчаянно, как загнанные в угол дикие звери.

– О, Великий Хар! Всемогущий Яхве! Христе, боже! Великий Аллах! Приди и защити! – то тут, то там раздавались стоны и крики хазар, призывающих старых и новых богов. Но не было во всём граде ни единого места, где они могли бы найти защиту.

Сотня Мерагора, преследуя противника, вышла из городских улиц к окраине града со стороны полуночного восхода. Прижатые к деревянному частоколу, отделявшему град от обрывистого берега Дона, хазары отчаянно сопротивлялись, а потом прыгали и скатывались вниз, чтобы укрыться под спасительным крутым берегом. Покончив с хазарами у частокола, кияне принялись стрелами «догонять» тех, кто пытался уплыть или убежать.

– Дякую тебе, Булат, – молвил сотник, кладя руку на плечо недавнего невольника, – крепко ты нам помог в сече.

Богатырь тряхнул обгорелыми русыми космами.

– Я долги хазарам отдавал, и только.

– Все, что ли, раздал? – ухмыльнулся Блуд.

– Не все ещё, вон там, за поворотом реки, – он махнул рукой в темноту, – там ещё отдать надобно. Если тот, кому долг получить положено, не ушёл в Итиль... – Булат повернулся к Вышеславу. – Дашь коня для этого дела?

– Конь твой, брат, твой навсегда. И секира, и щит Овсенислава... – Огнищанин помолчал, сглотнул горький ком и сказал: – Я с тобой пойду, только сотника предупредить надобно.

– Я тоже, – откликнулся непоседливый Блуд.

– И я пойду, – отозвался ещё кто-то из киян.

– А ну, тихо, что торжище устроили! – оборвал их Мерагор. – Пойдёт весь десяток, мало ли на кого наскочить можно на вражьей земле, десятника ко мне!

– Убит десятник, – ответил Блуд, и чело его, озарённое пожаром, нахмурилось.

– Значит, тебя десятником пока назначаю, – строго молвил сотник, – иди осторожно, вернуться живыми не позже утренней зари.

– Будет исполнено, сотник! – сразу повеселел Блуд. Он тронул коня, чтобы вести десяток через пылающий град.

– погоди, – остановил его Булат, – так крюк большой, водой лучше. До косы переплывём, а там по берегу рысью.

– Высоко, и берег крут, как бы лошади ноги не поломали, – возразил кто-то сзади.

– Тут калитка есть, и тропа прямо к берегу выходит, – отозвался Булат, направляя скакуна вдоль частокола. В самом деле, шагах в тридцати оказалась калитка, затвор которой после удара секиры отскочил со звоном. Спустившись к берегу, десяток поплыл на другую сторону залива и через полчаса вышел на песчаную косу.

– Добре ты места здешние ведаешь, – заметил Вышеслав.

– Я четыре раза из неволи бежал, а перед тем старательно запоминал всё – тропинки, обрывы, течения, поселения, – тихо и бесстрастно отвечал великан. Около часа ехали вдоль Донского берега, потом Булат остановил коня.

– Там, за холмом, – он указал рукой, – амбар стоит, наподобие того, из которого Вышеслав меня вызволил. В нём тоже невольники славянские, охрана – десяток-полтора конных хазар, хозяин – жидовин, с сыном в доме отдельно у берега проживает, там же пристань и трое личных охранников.

– Так давайте налетим, разом проклятых порубаем! – воскликнул нетерпеливый Блуд.

– Вокруг амбара груды сушняка и травы уложены, – возразил богатырь, – в случае чего охорона тут же подожжёт, и сгорят братья наши живьём, пока мы с хазарами биться будем.

Русичи замыслились, как бы сделать так, чтоб пленные не пострадали.

– Думаю, так, – молвил Блуд, который больше других имел опыта, как проникать незаметно в чужие дворы, – коней стреножим, оставим тут, сами по-тихому охорону снимаем, и тогда пошли по хазарским юртам, режем их, пока не очухались, после того пленников выпускаем, а жидовина к ногтю...

– Лады, – согласился Булат, – только вокруг амбара несколько собак бегают, их стрелами снять аккуратно надо. А я, пожалуй, жидовина тем временем навещу да и собак на себя отвлеку, и стражу, если получится...

– Вышеслава с собой возьми, а отсюда двинетесь после того, как мы на месте заляжем и совой крикнем, – согласился Блуд.

Стреножив лошадей, кияне молчаливыми тенями ушли в обход холма.

– Так ты четырежды бежал отсюда, а что же хазары с жидовином? – тихо спросил Вышеслав.

– Били крепко, и последние два раза до смерти, думали, что я сдохну после таких побоев. А я выживал, и они стали звать меня Булатом, потому как, говорят, обычный человек из костей и мяса не может остаться живым после такого. Большие деньги жидовин хотел на мне заработать, а после последнего побега полумёртвого продал меня другому торговцу в Саркел, где ты меня и вызволил. За гроши продал, потому как не верил купивший меня саркелский жидовин, что я выживу.

– Погоди, что, рабами у хазар жидовины, что ли, одни торгуют? – удивился огнищанин.

– Большой частью да, потому что рабы – самый выгодный товар. А в Хазарии то, что наиболее выгодно, – торговля рабами, сборы с купцов за товар, налоги всякие в руках жидовинов. Старым языческим богам поклоняются воины да скотоводы, которые для жидовинов и добывают товар живой в набегах, и животом своим рискуют, и головы свои под наши мечи кладут. Тот же из хазар, кто побогаче да поважнее, либо иудеем становится, как их каган и бек, царь по-нашему, либо христианином, ежели от Византии зависит, либо Аллаху в мечеть идёт молиться, коли интерес его арабы поддерживают... Погоди, ага, сова кричит, пора!

У большого дома на берегу Дона пара здоровенных псов залаяла дружно и зло. Сонный охоронец, недовольно ворча на неожиданных гостей, подошёл к воротам. Две молчаливые фигуры на лошадях, подсвеченные луной, казались огромными.

– Кто такие, что надо? – спросил громко страж по-хазарски.

– Ты не узнал меня, Айгыр? Это я, Булат, – тоже по-хазарски ответил богатырь. Вышеславу показалось, что даже собаки на какое-то время перестали лаять, а хазарин и вовсе онемел и замер, будто окаменел.

– Б-б... Бу-лат, – заикаясь, наконец заговорил охранник, – ты пришёл из страны духов? – Он повернулся и на плохо сгибающихся ногах побежал к дому с криком: – Хозяин, здесь Булат! Он пришёл!..

Айгыр не успел добежать до двери – стрела, выпущенная огнищанином, пронзила его с десяти шагов насквозь. Вторая поразила злобно лаявшего пса прямо в оскаленную пасть. Русичи все так же молча прямо с коней быстрыми тенями перемахнули через ворота. Второй большой пёс из-под тени ворот бросился на Вышеслава сзади, но могучая рука Булата схватила его в конце прыжка за взъерошенную холку и так швырнула куда-то за ограду, что после удара

о землю послышалось жалобное повизгивание. Могучий рус огромными прыжками бросился к дому, где у порога его уже ждали два дюжих хазарина с обнажёнными клинками острых палашей. Огищанин бросился следом, но помочь не успел – увесистый боевой топор Овсенислава в могучих руках Булата казался маленьким и невесомым, а потому мелькал в свете полной луны с невероятной быстротой, и когда Вышеслав подоспел к двери, оба охоронца уже лежали изрубленные, а богатырь кинулся в дом работорговца. По отработанной во многих схватках привычке огнищанин на миг обернулся и увидел, что ко двору бегут несколько хазарских воев, а в соседнем дворе среди юрт русы уже скрестили мечи с хазарами. Когда Вышеслав вбежал в большую светлицу, то едва не натолкнулся на широкую жилистую спину сотоварища. Под левой подмышкой Булата беспомощно болтал ногами, что-то вопя на хазарском, тучный лысый жид, а у раскрытого окна, приставив кривой нож к горлу русоволосой девицы, вращал перепуганными большими очами молодой холёный жидовин.

Булат, скрипя зубами, что-то отвечал молодому жидовину. Вышеслав не разумел хазарской речи, но и без того понял, что молодой, наверное сын работорговца, хочет свою жизнь, а может и жизнь своего отца, обменять на жизнь славянки.

– Булатушка, – разбитыми в кровь губами просила девица, – пусть он меня порешит, пусть горло перережет, только убей его! После того, что он со мною сделал, мне всё одно не жить! – Слёзы текли по её лицу.

– Молчи, Светлана, жизни всех этих хазар и жидовинов не стоят одного твоего вздоха, молчи, родная! – застонал Булат и с омерзением, будто что-то очень грязное и смрадное, отшвырнул от себя зажатого под мышкой пленника. Жидовин кулем перелетел через большой, на низких ножках стол, на четвереньках по-собачьи прополз к стене и с необычным для тучного тела проворством кинулся в неширокое отворённое окно. Послышался глухой удар оземь и жалобные завывания. Следом молодой, прикрываясь девицей, отступил к окну и в мгновение ока исчез в нём, а Булат ястребом перелетел через стол и едва успел подхватить падающую без чувств Светану. Вышеслав услышал движение сзади и едва успел отклониться от чуть изогнутого хазарского клинка, тут же наотмашь ответив ударом топора. Схватка в узком проёме двери не позволяла хазарам вместе навалиться на руса. А Булат всё зачарованно глядел на русоволосую девицу в своих могучих руках, как на высшую на всём белом свете драгоценность, видно, ещё не веря этому счастью. В этот миг послышались молодецкий посвист и азартные выкрики Блуда, который, будто железная мельница, обрушился на растерявшихся хазар, оказавшихся вдруг между двух огней. Перешагивая через поверженные тела, Блуд ворвался в дом и, застыв на мгновение, ахнул от неподдельного изумления, увидев могучего Булата с красивой девой на руках. Блуд восхищённо оглядел ладную стать девицы.

– Хитёр ты, однако, Булат, нам перепоручил хазар вонючих да псов, а себе – девицу красавицу прямо в руки. Вот почему он в дом подался к жидовину, – начал по обыкновению балагурить Блуд, повернувшись к сотоварищам. Но Вышеслав цыкнул на него:

– Это суженая его, не болтай лишнего, иначе Булат за неё и тебе голову оторвёт, как цыплёнку.

– Ладно, – нахмурился десятник, – светает уже, пора нам. Сотник велел к заре на месте быть.

Всю ночь в граде продолжалось пиршество смерти, и даже Яма устал пить кровь убитых, а Мор с Марой всё сметали хазар под русские мечи и собирали страшную жатву.

И когда утром взошло солнце, солнце кровавой Святославовой славы, то увидело Белую Вежу дымящуюся, увидело только чёрную грудку и камни, ничего не осталось от града – ни мужчины, ни женщины ни старика, ни даже собаки с кошкой – всё было уничтожено русами.

И стала та земля безлюдной, а прах пожарища – прахом вечного забвения града, что носил гордое имя Саркел.

Глава четвертая. Руриково поле

Ещё дымились, источая едкую гарь, руины Саркела, а Святослава дружина, наскоро смыв пот, кровь и копоть, выстроилась в чистой степи встречать восход златорунного Хорса. Едва блеснул первый луч, князь выехал вперёд и, повернувшись ликом к востоку, воскликнул, вздымая меч:

- Слава Хорсу!
- Слава! Слава! Слава! – прогремели полки.
- Слава Перуну, богу Битв и Борьбы, даровавшему нынче нам победу!
- Слава! Слава! Слава! – потрясали мечами воины.
- Слава всем богам русским, киевским!
- Слава! Слава! Слава!

– Сей град, – рёк дальше Святослав, указав мечом на догорающий Саркел, – некогда был славянским градом Белой Вежей, откуда наши праотцы ушли к Непре-реке и основали Киев. А потом был захвачен хазарами и отстроен византийскими зодчими для угрозы Киеву. Отсюда хазарские полчища творили набеги на землю русскую, сюда приводили они пленённый славянский люд. Здесь отбирали и последний кусок, и саму жизнь. Горе и смерть сеял сей град руссам и иным народам. И потому мы пришли и совершили святую месть, отдав Саркел ненасытному Яме. В ночном бою полегли друзья наши, братья по ратному делу, пали храбро, как подобает русским витязям – в сече правой с именем Перуна на устах. Принесли себя в жертву во имя того, чтоб не гулял больше Яшак по землям нашим, не удобрял наши нивы пеплом пожарищ и не засеивал их драконьими зубами боли и страданий. Воздадим же погибшим братьям последние почести и предадим их сожжению, дабы тела не остались на глумление ни зверям диким, ни людям разбойным, а души вознеслись на жарких языках священного пламени прямо в небесный Ирий и соединились там воедино с Богами и Пращурами!

Святослав говорил, умело перемежая высокие, звенящие от напряжения речи с проникновенными, сказанными негромко, но удивительным образом долетавшими до самых крайних рядов его дружины словами. Волховская наука говорить кратко и образно, с внутренней силой, которой обучали его старый Велесдар, Великий Могун и другие кудесники, делала своё дело. Дружина стояла, будто замороженная, внимая исполненному душевной силы сочному голосу молодого князя.

Вложив меч в ножны, Святослав протянул руку, и ему подали пылающий факел.

В полной тишине князь подъехал к огромному кострищу, сложенному из остатков строений Саркела. Сухая трава и тонкие жерди перемежались со слоями толстых брёвен, образуя подмости для тел погибших воинов, которые лежали наверху тесными рядами, молодые и прекрасные, ибо их не коснулась костлявая рука Мары, а Перуница, незримо спустившись с небес, напоила водой вечной жизни.

– Слава вам, русские витязи! – провозгласил Святослав, объезжая кострище и поджигая его с нескольких сторон.

– Слава! Слава! Слава! – эхом прогремело окрест.

Погребальный костёр запылал быстро и жарко, затрещал, запел на разные голоса. В считанные минуты нестерпимо яркий огненный столб вперемешку с чёрным дымом поднялся в степи, вознося в чистую сваргу души погибших воинов. Святославичи сняли шеломы, обнажив бритые головы с оставленными Перуну чубами.

Какое-то время стояла напряжённая тишина, в которой царствовали только треск кострища и шум неистового Огнебога, превращавшего предложенную ему жертву в горячий пепел.

Замкнулся круг справедливой Мсты – кровь за кровь, смерть за смерть. Жестокие часы, суровая жизнь, и люди, сущие в ней, так же суровы и беспощадны.

За спинами Молодой дружины дымился Саркел, а вместе с ним в жарком огне времён сгорала и прошлая жизнь. Хотя мало кому думалось о том, что нынче кончилось детство и юность, прошла пора возмужания и постижения ратной науки и началась совершенно иная жизнь – жизнь воина, трудная, яркая, для кого-то очень короткая, будто вспышка Перуновой молнии.

Воспитанные на вере Пращуров, они не ведали страха перед смертным часом, зная, что, отдав жизнь за Русь, обретут бессмертие души в Ирии. Им выпало жить в жестокое время, они не щадили врагов и любили друзей, оставаясь чистыми и суровыми, как их древнеславянская вера.

Закатилась навек звезда хазарского Саркела, и в тот же миг поднялось и воссияло солнце Святослава.

В этом киевском князе слились воедино ведическая вера предков, бескорыстная славянская душа, волховское чутьё и суровая варяжская воинственность, безжалостность к себе и врагу.

Когда погребальное кострище сгорело дотла, дружинники собрали священный прах и предали его донской воде, и та понесла его на своих струях вниз, к самому Синему морю.

После этого Святослав собрал темников на совет. Лик князя был суров, но глаза блистали чудным огнём, будто в них продолжали пылать отблески пожарищ Саркела.

– Ну что, темники, – спросил он, – погоним отступающего врага и на его плечах ворвёмся в Итиль?

Большинство молодых темников одобрительными возгласами поддержали князя. Тогда слово взял Свенельд:

– По словам византийского стратигоса и других пленных, в Итиле собрано большое войско. Хазары думали, что потравят наших лучших темников, и тебя, княже, и пока Киев в растерянности пребывать будет, смогут разорить его и захватить земли наши. Но боги славянские защитили тебя, княже, и темников, только Верягу да помощника могунского прибрала Мара. Мы подоспели вовремя, Итильские тьмы с Яшаком соединиться не успели. Только идти в логово зверя, не имея крепкого тыла, да малым числом, подобно самоубиению. Надобно ворочаться назад.

Горячие темники зашумели, выражая своё несогласие с осторожным воеводой.

– Чего ворочаться, Старая дружина скоро подоспее, и мы Итиль проклятый с землёю сравняем, вперёд идти надо! – восклицали они.

Всегда разговорчивый, а иногда и горячий в суждениях Горицвет, потерявший две сотни воев из своей тьмы, против обыкновения, сидел сегодня молча. Подняв руку, он попросил слова:

– Братья темники, отец Перун помог сохранить жизни старых темников и живот князя нашего, а сегодня одолеть злое гнездо вражеское, что догорает за моей спиной. То зачин Богов наших для грядущих великих побед Руси. – Темники дружно и одобрительно загудели. – Только кроме помощи богов должен быть чистым и холодным разум наш, иначе их подсказок разума мы не сможем. Сам я часто горяч бываю, потом жалею об этом. Нынче мы не токмо за себя, но и за всю Русь решаем, потому горячиться не имеем права. – Молодые темники невольно примолкли, дивясь неожиданно спокойному и рассудительному тону сотоварища. Горицвет продолжал: – Я повелел изведывателям своей тьмы на правом берегу Дона выпросить у местных жителей всё о хазарских силах. По сим сведениям выходит, что к Яшаку князя хазарские, владеющие радимичскими и вятскими землями, к ним присоединиться должны. Так что, идя прямо на Итиль, мы неминуемо угодим между двух огней. А дружина Старая не раньше чем через седмицу выйдет из Киева, тогда нас выручать уже поздно будет. Добре у нас с Саркелом вышло, потому как не ждал нас Яшак. А теперь, пока Перун нам победу даёт, то же надобно повторить и с князьями хазарскими, что сюда идут. Надобно их не ждать, а самим

идти в угоды вятские да радимские и по отдельности гнёзда осины, как Саркел, изничтожать под корень. Так я мыслю, – закончил Горицвет и сел на место.

Наступила тишина, все взоры обратились к Святославу. Князь тоже молчал, думая трудную думу. Наконец он встал и решительно объявил:

– Дружине трубить сбор, идём к полуночи! Негоже, чтоб славянские земли хазарам дань платили, прошло то время. С нами Перун, братья темники, всё!

Молодые начальники садились на коней и разъезжались по своим поредевшим тьмам.

– Горицвет, погоди! – окликнул друга Святослав. – Твои изведыватели с людом местным беседовали, наверное, приглядели человека надёжного, мне поговорить с таким нужно.

Темник ответил уверенно:

– Есть, княже, такой человек. В бою себя показал, среди первых в сече был, а главное – душа чистая, славянская.

– Давай его поскорее!

Вышеслав с Булатом сидели на земле подле своих коней и вели неторопливую беседу.

– Разумеешь, брат Вышеслав, Светана моя не просто девица красная. Все, кто видел меня после истязаний за два последних побега, говорят – чудо, что выжил. Только я, да теперь и ты, потому как братом тебя считаю, знать будешь, что чудо это она свершила. Я чуял, как Светана меня, уже почти бездыханного, из объятий Мары вытаскивала. Когда над ней молодой жидовин измывался, – богатырь тяжело вздохнул, – я ведь тоже её чуял. Мы не просто суженые, мы одно целое...

– Разумею, брат, – кивнул огнищанин. – Я на Беляну свою уж сколько годков наглядеться не могу, и чуем мы друг дружку на любом расстоянии. А как сейчас твоя Светана, полегчало ей?

– Тяжко переживает всё, молчит, а я стараюсь не донимать словом лишним. – Булат снова вздохнул. – Наши-то пленники как только узнали, что жидовины улизили, так коней хазарских похватили – и в погоню.

– Догнали?

– Хозяина удалось настичь, он, когда из окна вывалился, руку сломал и отлёживался в укромном месте. А молодой ушёл, наверное, в Итиль подался. Но я его рано или поздно найду, это долг мой перед Светаной...

– И у меня за брата теперь должники имеются, – сжал зубы Вышеслав.

В это время подскочил запыхавшийся Блуд, осадил коня и крикнул:

– Булат, к князю, живо! Он за крепостью у берега, там, где дорога на пристань!

Вышеслав с Булатом недоверчиво уставились на Блуда, зная его манеру приврать или подшутить, но Блуд был серьёзен.

Когда Булат, подъехав, спешил и хотел по привычке опуститься перед князем на колени, тот удержал его.

– Так это тебя Булатом кличут? Крепко, гляжу, тебя хазары с жидовинами пометили знаками своей «любви», – князь узрел многочисленные шрамы на могучем теле руса, не утратившем богатырской стати.

– Я им тоже вчера свою «любовь» выказал от всей души, – усмехнулся Булат.

– Дякую тебе за подмогу в сече нелёгкой. Земля по Дону, что ещё пять лет тому назад Киеву отошла, теперь возвращена, – молвил князь, кивнув в сторону сожжённого Саркела. – Хватит хазарам на ней хозяйничать. Хочу назначить тебя, Булат, начальником сторожевого полка сего рубежа. Полк сам соберёшь из славян, что здесь обитают, из бывших невольников, кто Руси служить пожелает. Поручаю тебе дань собирать с купцов, что товар через границу везут, а их через Дон сам знаешь сколько переправляется. Дань эту, после вычета полкового довольствия, в Киевскую казну отправлять. В случае опасности какой, вражьи вылазки супротив Руси немедля знать давай.

Ошеломлённый такой неожиданностью Булат стоял перед князем и не мог вымолвить ни слова в ответ. Он был привычен к ударам судьбы, ожидал от беседы с князем чего угодно, но такого!..

– Не, княже, – замотав головой, наконец, выдавил с трудом богатырь, – не смогу я, какой из меня начальник, да я же...

– Сможешь, брат, такой тебе мой наказ. Не зря же тебя Булатом назвали, держи! Вот тебе мой знак княжеский. – Святослав достал из кошелья на поясе круглую костяную пластину с вырезанным на ней двузубцем в солнечном коловрате и протянул её бывшему невольнику. Затем князь махнул рукой, и тут же громко затрубили рога, приказывая дружине становиться в походный порядок.

Уже сидя на коне, Святослав крикнул ещё не опомнившемуся Булату, который держал в одной руке повод коня, а в другой сжимал княжеский знак:

– Скоро из Итиля войско хазарское пойдёт, ты уж его не трогай и дани не бери, с теми хазарами мы сами рассчитаемся!

Дружинники раскатиисто рассмеялись.

– Прощай, Булат! – крикнул, перекрывая конский топот, Вышеслав, проезжая мимо всё ещё стоящего на месте богатыря.

– Прощай, брат... – услышал он едва уловимое и снова не понял, чей это был голос.

Молодая дружина Святослава походным порядком шла к полуночи. А в сторону Киева, поднимая колёсами степную пыль, потянулся обоз из хазарских арб, на которых везли раненых, собранное и нуждавшееся в починке оружие, а также весть о первой победе Святослава – уничтожении ненавистного Саркела и гибели дерзкого Яшака, который больше никогда не придёт к стенам киевским. Везли и скорбный список погибших – горькие слёзы матерям, вдовам и близким. А к темнику Притыке был послан гонец с повелением князя Старой дружине готовиться к выходу из Киева, пока он, Святослав, уходит к полуночи бить местных тарханов, дабы не могли они соединиться с Итильскими ратями.

По ковыльной степи гон шагом, гон вскачь текла Святославова дружина в земли Северские. Степной Стрибог, неся терпкие запахи полыни и молочая, оведал их враз посуровевшие за прошедшую ночь лица. По-иному глядели теперь молодые русичи на старые курганы и древние могилы безвестных народов, в которых вечным сном спали чьи-то цари и князья. Проходили тут когда-то несметные полчища обров, костобоких, языгов, было здесь великое царство готов и гуннов. Теперь по этим степям Святослав шёл на хазар. Лишь сильный народ и сильная держава сохранит себя и приумножится. Саркел – только первый шаг на этом великом пути, – думал Святослав. Он будто сквозь времена зрел степь, ставшую местом и древних побоищ, и нынешних сражений, и мысли его текли так же вольно и широко, как ветер в ковылях стлался по бескрайним просторам. Ноги, руки и всё тело работали привычно и согласно с бегом коня, мерное движение помогало раздумьям, будто открывало невидимый третий зрак, и нынешнее виделось в единой связи с прошлым и грядущим. Святославу вдруг ясно вспомнилось видение в волшебной кринице: воин, летящий впереди на белом как снег коне. «Тот воин ты еси, князь Святослав!» Силён был в прозрении грядущего старый волхв Велесдар.

– Княже, впереди степная криница! – подскочив, доложил дозорный.

Святослав кивнул, выходя из раздумья, в который раз подивившись про себя тому, как мысленный образ вдруг из Нави перетекает в Явь. Только что он подумал о кринице, и вот она явилась почти в тот же миг. Подобное случалось часто, но как-то больше само собой, Святослав ещё не в полной мере владел «явлением образов», как это умеют делать волхвы. Они говорят, что Явь и Навь связаны между собой золотой нитью Прави, по которой одно перетекает в другое, и тот, кто владеет сим завязом, владеет Истиной.

Утомлённая конница перешла на шаг. Святослав подал знак, и тотчас туры рога весело пропели «отдых». Всадники начали спешиваться, разминать затекшие ноги и спины.

Святослав, оказавшись на земле, потрепал своего коня по крутой шее, погладил умную морду.

– Дякую, Белоцвет, за бой ночной нелёгкий и скачку полуденную, добре, брат, зело добре! Молодой стремённой подскочил, желая помочь расседлать жеребца.

– Я сам! – остановил его Святослав. – Лучше воды свежей принеси.

Стремно́й скинул рубаху, развязал мех и с удовольствием вылил на себя нагретую воду. Затем, подхватив второй пустой мех, побежал к кринице.

Дружина рядом располагалась на отдых – по десятку вокруг каждого костерка. Кто-то уже высекал булатом огонь, кто-то с наслаждением разминал сухожилия и мышцы с помощью известных каждому всаднику упражнений. С каждым таким приёмом напряжение уходило из суставов и позвонков, по телу разливалась приятная истома, сменяющаяся бодрой лёгкостью.

От небольших костерков из сухой травы потянуло дымком.

Святослав, омывшись принесённой стремённым холодной водой, взял полоску конского мяса из тех, что положил под седло утром у Саркела, разрезал её засапожным ножом и стал насаживать на конец небольшого копыя-сулицы. Жёсткое утром мясо теперь стало мягким, просолилось лошадиным потом и легко насаживалось на такой привычный для воев походный вертел. Стремно́й, напоив коня и задав ему овса из перемётной сумы, достал своё кресало и высек огонь. Весёлые языки Семаргла заплясали по степной траве, трепеща от каждого дуновения Стрибога. Святослав стал обжаривать мясо над костром. В это время подоспел второй гридень, прислуживавший Святославу. Вытирая травой засапожный нож, он выложил найденные в степи головки дикого лука, чеснока и корни сладкого катрана. Вместе со стремённым они омыли найденные травы водой и уже чистыми сложили на попону перед Святославом, добавив сухарей из поторочной сумы.

– Ловкие у тебя, княже, гридни! Гляди, уже трав намыли, костёр развели. А мой как ушёл копать, так доселе и не вернулся! – с напускной весёлостью воскликнул Горицвет, появляясь, по своему обыкновению, неожиданно, будто порыв степного ветра.

Святослав невольно улыбнулся, впервые за последние сутки, – присутствие неунывающего друга всегда разгоняло мрачные мысли.

– Садись, брат Горицвет. Пока твой увальень обернётся, мы уже отполдничаем, – предложил Святослав. Горицвет и не думал отказываться.

«Воин, что молодой волк, должен быть поджар, подвижен и всегда голоден» – говорили им опытные наставники. Эти слова пришли на ум Святославу, когда он увидел, с какой охотой все – от простых воев до темников – поглощали свою нехитрую еду, обжигаясь горячим полупрожаренным мясом, со смачным хрустом жуя головки степного лука, чеснока, сухари и коренья, запивая всё это чистой криничной водой, вкуснее которой, кажется, не бывает на свете.

Тут подошёл и гридень Горицвета – полная противоположность своему начальнику: ширококостный, молчаливый и, словно девица, легко впадающий в смущение.

– Давай, что принёс, да и сам поешь! – махнул ему Горицвет, принимая коренья и протягивая дымящуюся конину, насаженную на острие копыя. – Князя вон благодари да гридней его ловких, что нас с тобой жалуют да подкармливают, не то давно бы от голода извелись... – шутиливо строго журил он увальня. Гридни Святослава прыснули со смеху. Горицветов прислужник сконфуженно засопел, не поднимая очей, сел неподалёку и стал быстро поглощать мясо. Вдруг Горицвет замер, перестал жевать и, прикрыв глаза, потянул носом:

– Эх, благодать какая, жареной дичиной потянуло!

– Это гридень воево... – стремённой Святослава запнулся и тут же поправился, – гридень советника Свенельда двух перепелов подстрелил, я видел, когда за водой ходил...

– Видал? – обернулся Горицвет к своему слуге. – Двух перепелов! А ты и корня вырыть не успеваешь, вот как! – с деланой укоризной проговорил молодой темник.

– Так я же... это... – Ланиты богатыря покрылись румянцем смущения. – Сам ведь сказал, лишнего не надо, а то я раздобыл бы дрофу или стрепета... – оправдывался он.

– Ладно, в другой раз добудешь, тогда мы уж князя на трапезу пригласим, гляди, не оплошай у меня! – продолжал балагурить Горицвет.

Святослав понимал, что глубоко в душе друга лежал тяжкий камень из-за дружинников, павших в ночном бою. Но другим было не легче, и Горицвет шуткой и весельем старался отвлекать друзей и развеять тоску.

Насытившись, Святослав собрал крошки и бросил их в тлеющий костерок – малая жертва Огнебогу.

– Сменить дозоры и всем отдыхать, пока Полуденник не смягчит жары! – велел он. И сам тут же улёгся на землю, свободно раскинув руки и ноги.

Сквозь прикрытые веки радужными бликами пробивалось солнце. Тело привычно расслабилось, потеряло ощущение веса, и вскоре возникло чувство полёта, будто он не лежал на земле, а парил в выси, подобно птице. Святослав перестал слышать, что творится вокруг: голоса, звуки, ржание коней – всё куда-то ушло, как вода в степную пыль. С высоты птичьего полёта он увидел весь лагерь – себя, лежащего с раскинутыми руками, дружинников, что ходили, сидели, лежали, лошадей, щипавших траву. Поднявшись ещё выше, узрел дозорных, стоящих на холмах. А потом, воспарив в самую небесную синь, обозрел всю степь в округе и не обнаружил ни войска чужого, ни лазутчиков, ни поселений. Насладившись ещё немного вольным парением, он устремился назад, к себе, лежащему неподвижно и почти бездыханно, и вошёл в своё тело. И лишь после этого уснул настоящим, крепким, безо всяких волховских видений, сном.

Через два часа пение рогов разбудило лагерь.

Начальники выстроили сотни и тьмы. Снова древние курганы и могильники плыли навстречу, а, поравнявшись, уходили назад, как возникает, некоторое время существует, а затем исчезает всё сущее в явском мире.

Никого, кроме уносящихся прочь степных обитателей, войско не встретило до самого вечера. А когда уже проскакал Вечерний вестник, и усталое Солнце двинулось к Сварожьему Поясу, чтобы покинуть там свой золотой воз и уснуть, дружина достигла поля, сплошь усеянного человеческими и конскими костями. Пожелтевшие от времени, ветра, дождей и солнца, они стали хрупкими. Некогда прочная броня доспехов проржавела, и сквозь латы и челюсти прорастала степная трава.

Святослав придержал коня, чтобы тот не наступил на человеческий череп. За ним остановилось и всё войско, озирая бранное поле. Сломанные копья, мечи и стрелы порой торчали, воткнувшись в дёрн, иные застряли в ржавой броне, навеки пригвоздив к земле воинский скелет, а то просто валялись там и тут. У останков, лежавших перед Святославом, стрела торчала меж шейных позвонков, а костлявая рука ещё сжимала ржавый меч, почти неразличимый в жухлой траве.

– Верно, злая сеча шла на поле сём, – промолвил Святослав.

– Гляди, а шелом-то русский! – воскликнул кто-то из воинов, указывая на островерхий шишак в траве.

Другой, спешившись, тоже внимательно оглядывал останки.

– И кольчуга, похоже, нашего плетения! – указал он на куст степной колючки, что проросла сквозь костяк и слегка приподняла его, как бы на обозрение. – А меч как будто варяжский, – продолжал воин, разглядывая широкий обломок. – А вот эти наконечники стрел – хазарские, и меч однолезвийный согнутый. Похоже, тут хазар кто-то крепко бил! – заключил воин.

– Отец мне сказывал, как при княжении светлого князя Игоря, – молодой Горицвет взглянул на Святослава, – хазары коварно истребили наше двадцатитысячное войско, что из земли Ширванской ворочалось с добычей великой. Может, это они?

– Те русы погибли у моря Хвалынского. Мыслью я, сие поле сечи есть Руриково, я о нём от деда слышал, – отозвался подъехавший Свенельд. – Деда моего тоже Свеном звали, и он, княже, с твоим дедом Руриком бился с хазарами за нашу Киевщину. Через неё ведь идут торговые пути из Тьмутарокани, Синдики и Хвалыни к фрягам, готам и иным народам, что далеко за Лабой живут. Хазары издавна хотели те пути перенять и уже осели в Киеве, но Рурик с Ольгом, слава Перуну, избавили Русь от этого зла. Объединённые силы варягов-руси со словенцами и прочими народами выступили тогда против хазар и дали решающий бой, освободив земли до Дона-реки...

Святослав слушал молча, потом, повернув коня, князь стал лицом к войску и громко изрёк:

– Поелику здесь кровь русская лилась, воздадим же, друзья, почести нашим отцам и дедам-прадедам, что на поле сечи умерли, но землю Русскую не отдали врагу, а нам, детям и внукам своим оставили. И нам, на них глядя, так же поступать следует!

С этими словами он вынул меч и прислонил к правому плечу. Уже порозовевшие солнечные лучи бликами отразились на княжеском клинке, а затем, множась, побежали по рядам воинов по мере того, как сотня за сотней, тысяча за тысячей обнажали свои булаты.

Вслед за князем полки стали обтекать священное поле, отдавая умершим последние почести. Багровеющее солнце блистало на обнажённых клинках, будто кровь павших стекала по ним с небес на землю.

Когда все полки прошли мимо скорбного поля, Святослав велел выстроиться широкой подковой, чтобы слова, сказанные им, услышали даже в последних рядах. Быстро заняв привычные места, дружина замерла.

– Друзья мои! – зычно провозгласил Святослав. – За моей спиной – поле русской славы. Я слышу, как Матерь-Сва бьёт крылами и поёт нам о подвиге отцов наших, дедов и прадедов. И ещё я слышу, как она воспевает имена наших собратьев, что отдали свои жизни прошлой ночью у стен Саркела, ибо слава наша – едина! Умирая с честью на поле брани, мы обретаем бессмертие в войске Перуновом, соединяемся с Богами и Пращурами, а слава наша перетекает к Матери-Славе и становится вечной! Потому здесь, у Священного поля, желаю я нынче отметить храбрость тех, кто отличился во вчерашней битве с хазарами, и перед ликом всех назвать их боярами. Темники! – обратился он. – Реките по порядку, кто из ваших дружинников был самым храбрым и умелым в сече.

Тронув коня, вперёд выехал Издеба-сын, молодой темник.

– В моей тьме много воинов проявили умение и отвагу. Но больше всех отличились простые воины – Блуд из Киева и Путята, сын сотника.

– Желаю видеть Блуда, воина из Киева! – громко рёк Святослав.

Его слова волной побежали по рядам, передавая из уст в уста, до самых крайних рядов, названное имя.

Стройный юноша с тонкими чертами лица и дерзкими выразительными очами, прищипнув коня, подъехал и стал рядом с князем.

Святослав окинул его быстрым внимательным взором, затем, вынув меч, повернулся к дружине.

– Слава храброму воину Блуду! – крикнул он, вздымая меч к густеющей сварге.

– Слава! Слава! Слава! – покатилося по рядам, и догорающая заря отразилась в зеркале поднятых клинков.

– За храбрость проявленную, – обратился Святослав к юноше, – данной мне властью княжеской, отныне нарекаю тебя боярином, позволяю иметь воина в услужение и ставлю темником! Для начала пойдёшь к Издебе, а как научишься, получишь тьму!

Вздых восхищённого изумления пронёсся по рядам: из простых воев – сразу в темники, такого ещё никто не слыхивал, ай да князь!

Отпустив Блуда, Святослав вызвал Путятю и тоже нарёк его боярином и дал тьму. За ним отличившихся десятских и сотников нарёк тысяцкими и полутемниками и также поставил к старшим в учение.

– Будем тут, у Рурикова поля, три дня стоять, – сказал в заключение Святослав. – Воинам и лошадям отдыхать, новым темникам, полутемникам и тысяцким – учиться, чтоб через три дня всё разумели: какие отдавать команды, как держать порядок в строю, на скаку, в шаге и на отдыхе, а особенно – в сражении. А через три дня новые начальники покажут нам своё умение. Дозоры ночью менять чаще и проверять неустанно, ибо они – наши глаза и уши. Всё, разойтись! – закончил Святослав.

К этому времени уже совсем стемнело. Усталые люди, наскоро перекусив, завернулись в попоны и уснули тут же, рядом с лошадьми, которые впервые за последние дни могли спокойно поспать, а их хозяева – отоспаться после напряженных суток штурма крепости, ночного боя, погребения убитых и борзой скачки в степи до самого вечера.

Три дня стояло войско Святослава у Рурикова поля, набираясь сил. Новые начальники водили свои тьмы и тысячи пред очами старших товарищей, отдавая команды сухими срывающимися голосами.

Наконец, кто лучше, кто хуже, оплошав от волнения, сдали трудное испытание, и на вечерней поверке третьего дня Святослав назвал их темниками, полутемниками и тысяцкими.

А наутро следующего дня, едва червонная Заря встала среди древних могильников, заиграли «зарю» и русские туры рога.

Отдохнувшие и сытые кони, напасшиеся пырея, щерицы, дерева и жёлтого буркуна, били копытом, вставали на дыбы и ржали, предчувствуя поход. Воины взлетали в сёдла и выстраивались за начальниками. Густо чернели в предутреннем небе русские тьмы и тысячи, над каждой из которых трепетали стяги. И среди прочих впереди стояли новые темники, простые вчерашние воины – Блуд из Киева и Путятя, сын сотника.

Ещё первые беженцы не добрались до хазарской столицы, как слухи о том, что князь урусов идёт на Саркел, поползли по всем окрестьям. Обрастая с каждым прибывшим купцом или посыльным новыми подробностями, а ещё более того небылицами, слухи захлестнули одновременно и правобережную, наиболее богатую часть Итиля, и левобережную, населённую менее зажиточными горожанами. Для слухов нет границ и стен, никакая самая бдительная стража не может остановить их проникновение. Поэтому на остров посредине волжского русла, где обитали Божественный каган и Великий бек, они тоже доходили, но чем невероятнее были слухи, тем меньше им верили во дворах.

Но вот в Итиль с тремя охоронцами прискакал старший из двух греческих стратигосов, находившихся при молодом князе Исааке. Наскоро умывшись и сменив одежду в своём доме на правой стороне града, он явился во дворец бека и развеял все невероятные слухи. Стратигос рассказал, что князь урусов действительно пришёл к Саркелу, но с небольшим числом конницы, и потому взять город, а тем более крепость он, конечно, не сможет. А если и попытается, то напрасно потеряет много людей, и тем легче будет его разбить Итильскому войску, которое немедленно должно выступить в поход. Потом к тому же Саркелу подойдут храбрые тарханы с полуночи, и тогда непобедимое хазарское воинство двинется на Киев и сразится с основной киевской дружиной, как и намечалось. Это сообщение несколько успокоило бека, кагана и весь город.

Хазарское войско уже готовилось к выступлению из града, когда дюжие охоронцы представили лику самого бека неожиданного гонца. Едва держась на ногах, почерневший от копоти, пыли, русских плетей и щедрых затрещин Святославовых дружинников, оборванный, жалкий и страшный, он распластался ниц перед владыкой, не смея произнести ни звука.

– Говори! – глухим голосом велел бек.

Согбенная спина посланника вздрогнула, будто по ней снова хлестнула русская плеть. И без того сухой язык вовсе одеревенел.

– Я... Я...

– Ну! – грозно повторил владыка. – Говори же!

От побоев, усталости и страха всё вдруг разом поплыло в мозгу посланника, и он, не ощущая больше измученного тела, приподнял голову и заговорил вдруг быстро, словно в бреду:

– Я остался один... из всех, кто был в Шаркеле... Князь урусов велел оставить в живых только меня... Он сущий дэв, проник сквозь стены... Шаркела больше нет... Яссаах-бей казнён... Никого нет... только я... я один... О!.

Посланник ещё что-то бормотал, но правитель сделал нетерпеливый жест, и стража вмиг выволокла обмякшее тело из дворцового зала. Все знали, что за ужасную весть посланник расстанется со своей головой, но о несчастном почти сразу забыли. Весть о внезапном падении Шаркела и гибели Яссааха застала всех врасплох. Приближённые никогда прежде не видели бека в такой ярости. Теперь эту ужасную весть следовало сообщить самому божественному кагану. Поскольку оба дворца владык располагались в непосредственной близости друг от друга, бек отправился к кагану на обычных носилках с пологом, которые несли крепкие рабы. Охрана осталась, как всегда, у входа, напротив охранников кагана. По лицу бека каган сразу догадался – произошло что-то необычайное.

– Да продлит Великий Яхве твои благословенные дни, о, Божественный! – обратился с положенным приветствием бек, опускаясь на колени и касаясь лбом мозаичного пола.

– Да будет благословен Великий Яхве, – отвечал каган. – С чем пожаловал, мелех?

Иосиф скосил глаза на двух слуг, что распростёрлись ниц. Каган понял взгляд своего заместителя и отослал прислугу.

– Случилось невозможное, – заговорил бек, – урусы взяли Шаркел. Они его сожгли совсем, в живых никого, кроме одного посланного в Итиль с этой проклятой вестью, не оставили.

– А Ясаах? – вырвалось у кагана.

– Он мёртв. – Бек помолчал, задумавшись, потом продолжил: – Нужно решить, кто теперь поведёт войско, которое должен был вести на Киев Яссаах.

– Уйзен, – с усилием выдал старый каган.

– Хоп, пусть будет так, – после недолгого раздумья согласился бек.

Горе объяло старого владыку, едва удалился бек. Любимый сын Яссаах, младший из правивших разными землями Хазарии сыновей, мёртв? Как могли урусы столь скоро взять укрепленный град? Крепость, построенную византийским спафарокандидатом Петроной специально для защиты и долгой осады? Или посланника действительно покинул разум и он нёс сущий бред? Но об этом его уже не спросишь... О, Великий Яхве, неужто ты отвернулся от меня?

Быстрые уверенные шаги послышались в зале. Каган поднял голову. Перед ним в походном снаряжении стоял его второй сын Уйзен.

– Отец, мы выступаем немедленно! Я встречу Сффентослафа и перегрызу ему глотку, обещаю тебе!

Повинуясь знаку, Уйзен подошёл ближе и склонился в почтительном поклоне.

Короткая речь сына растрогала отцовское сердце, кагану трудно было говорить. Положив руку на крепкое плечо Уйзена, он, сдерживая себя, лишь похлопал его и сказал:

– Да поможет тебе Великий Яхве!

Уйзен во главе Итильской конницы бросился к полуночному закату.

По мере приближения к Дону хазары с часу на час ждали встречи с войском князя урусов. Но время шло, а неприятель не появлялся.

Разговоры среди итильцев сами собой прекратились, когда всадники достигли окрестностей Шаркела. Их очам предстали разрушенные и сожженные селения, в которых не осталось ни единой живой души.

Почти в полной тишине, без обычных криков и смеха, шли хазарские тьмы, озирая остовы домов, с которых лишь изредка срывались чёрные птицы, будто улетали прочь души несчастных умерших.

Когда же выехали к тому месту, где совсем недавно бурлила жизнь шумного Шаркела, поражённые хазары и вовсе остановились. Чёрные руины, пепел, обгоревшие головешки строений и тяжкий смрад разлагающихся на солнце трупов людей и животных, с которых нехотя взлетали тучи жирных чёрных воронов. Сама крепость пострадала мало, она была лишь кое-где разрушена и обожжена, но и в ней царил только дух мертвечины. Впервые ошеломлённые хазары увидели на своей земле то, что привыкли оставлять на чужой, и некое подобие страха шевельнулось в жёстких душах безжалостных степных воинов.

– Что ж это за дерзостный князь такой у урусов? – не удержавшись, воскликнул кто-то из темников. – Или очень смел, или вовсе глуп!

– Глупостью такую крепость, как Шаркел, в одну ночь не возьмёшь, – угрюмо возразил пожилой. – Будто не люди они, а дэвы...

Уйзен не проронил ни слова, только скулы резче выступили на его волевом лице да глаза блеснули сквозь узкие прорезы, подобно остриям стрел, готовых настичь и поразить врага.

Старший дозора подъехал к нему.

– Уйзен-бей, урусы вернулись на правую сторону реки и ушли туда! – он указал на полночь. – Дня три-четыре тому назад.

– В погоню! – крикнул Уйзен, прищипывая коня. И вполголоса добавил: – Посмотрим, какие они дэвы... хоп!

– Хоп! Хоп! – разнеслось по рядам.

И вот уже распластались над ковылями в неукротимом беге выносливые хазарские скакуны, неся своих отважных седоков по следам русского воинства, мимо древних курганов и могильных холмов. Летят хазары, припав к шеем коней, свистит в ушах сухой пронзительный ветер, и кажется, что нет во всей степи никого быстрее и сильнее их.

– Догнать! Догнать! Догнать! – дробно выстукивают копыта.

– Убить! Убить! Убить! – слышится в конском топоте хазарскому князю.

Он непременно настигнет этого дерзкого уруса и посчитается с ним! О том стучат копыта его боевого коня, о том поёт в ушах горячий степной ветер. Ясаах был молод и самонадеян, я опытен, и у меня больше воинов. Хороши хазарские кони, быстроноги и неутомимы в скачке.

К вечеру войско Уйзена достигло Рурикова поля.

– Тут урусы долго стояли, дня три! – доложили опытные следопыты.

Это опять обескуражило хазарских военачальников. Когда совершают столь внезапный набег, то потом как можно скорее уходят в свои земли. А урусы сидят на одном месте три дня, будто не опасаются преследования. «Прав старый темник – они либо отчаянно храбры, либо непроходимо глупы», – подумал Уйзен, вновь пускаясь в погоню за странным врагом.

Когда из русского замыкающего полка увидели вздымающуюся сзади тучу пыли, к князю полетел гонец. Святослав тотчас развернул войско и выстроил его в боевой порядок.

– Издеба – начальник шуйского Крыла, Горицвет – десного, Сердце возглавит Притыка. Я всей сечей руководить буду, чтоб приказы мои вмиг исполняли, ибо промедление в бою дорогого стоит!

Хазары тоже перестроились по ходу движения: раскинули Крылья по обеим сторонам от Сердца и, не останавливаясь, грозной силой двигались на киевлян.

– Их числом побольше будет, – прикинул Святослав, – значит, смекалкой и быстротой брать нужно!

По его знаку сигнальщик затрубил в рог.

Тотчас правое Горицветово Крыло стало смещаться в сторону противника, а затем саженей за двести от шуйского Крыла хазар и вовсе завращалось, будто его подхватил невидимый вихрь, и начало передвигаться вправо, будто пыталось уйти из сечи.

Озадаченные столь неожиданным поведением русов, хазары чуть замешкались, их левое Крыло стало вытягиваться наперерез Горицвету. Русская тьма, продолжавшая вихрем вращаться по степи, вдруг развернулась и со всей яростью и лихостью ударила в истончившуюся часть хазарского Крыла.

В смертельной битве схлестнулись опытные и сильные воины. Зазвенел булат, затрещали щиты, слышались стоны раненых, и на горячую пыльную землю стали падать первые окровавленные тела.

Горицвет быстро отсек хазарское Крыло от ядра и погнал к русам. Здесь оно было охвачено в Перуново коло и почти всё уничтожено.

Уйзен, решив не отвлекать главные силы на спасение левого Крыла, выстроил Сердце стрелой и всей мощью ударил в центр Святославовой дружины, намереваясь расчленив её надвое. Не уступая друг другу, в жестоком единоборстве гибли русы и хазары, но крепко стоял центр русского Сердца.

В это время левое Крыло Издебы быстро сместилось и, обойдя врага, внезапно обрушилось на его правое Крыло, отсекло от него три тысячи и замкнуло в коло. Началась жестокая сеча, много русичей сложили головы, но из окружённых хазар никто не ушёл.

Видя, что его Крылья большей частью уничтожены, а русы наседают с обеих сторон, Уйзен стал пятиться к полудню, чтоб не оказаться в окружении.

Святослав устремился за ним, велел Горицвету с Издебой обтекать хазар с двух сторон и сближать Крылья. Хорошо отдохнули за три дня русские кони, опережают притомившихся за время погони хазарских скакунов, чуть-чуть, да быстрее успевают совершить манёвр. Вот уже наполовину охватили хазар – те что были силы рванулись, стремясь уйти, да поздно! Святослав уже свёл Крылья и сам во главе запасного полка ринулся на врага с грозной перуновой печатью на челе. Заметались степняки в смертельном коло, стали бросаться туда-сюда, а русы отсекали части от Итильского войска и истребляли их, поднимали на копья и разили мечами. Страшный гул жестокого сражения стоял над степью, земля дрожала от топота десятков тысяч конских копыт, от грома мечей и воинских криков.

Отчаянному койсожскому князю, что командовал правым хазарским Крылом, удалось собрать остатки войска и выстроить его Лодией. Рубясь не на жизнь, а на смерть, они храбро бросались на русские мечи и копья. Отчаянные койсоги, устилая землю трупами, с нечеловеческими усилиями разорвали-таки Перуново коло и потекли к Дону.

Новоиспечённый темник Блуд дрался в этой сече отчаянно, как никогда прежде, не чувствуя ни усталости, ни жары, ни катящегося градом пота. До сих пор в ушах звучал тот сладкий миг, когда вся княжеская дружина провозглашала ему, простому воину Блуду, трехкратную «славу». Он всегда был честолюбив, всегда стремился быть первым. Когда после долгих ратных занятий все падали без сил, он преодолевал усталость и старался выполнить то, что не получилось, ещё раз. Прилюдная похвала начальников за радение всегда была лучшей наградой и отзывалась внутри сладкой истомой. Он хотел стать сотником, и даже тысяцким, но вот так сразу, в один миг – темником?! От одного сочетания «темник Блуд» в душе радостно пело, а за спиной будто выросли крылья. И потому нынче он рубился, наверное, за десятерых.

Впереди, в гуще прорывающейся койсожской Лодии нет-нет да мелькал сам вражеский князь на великолепном коне в сверкающей золотом и серебром сбруе. Блуд выстроил челюсть своей тьмы стрелой и, находясь на самом её острие, укладывая врагов направо и налево, подобно страшной мельнице смерти, ринулся прямо к месту, где за плотными рядами койсогов мелькал их богато снаряжённый князь. Ещё малость усилий – и великолепный конь будет его, Блуда, и слава того, кто живым полонит койсожского князя, троекратным рыком дружины, будто хмель, потечёт по жилам.

Осталось прорубиться сквозь живое заграждение личной охраны койсожского начальника, – и в этот самый миг хазарская Лодия прорвалась-таки сквозь русское коло и, как вода из мехов, потекла в степь, устремляясь к Дону.

– Врёшь, не уйдёшь! Возьму живым! – шептал про себя Блуд, устремляясь в погоню. Вместе с ним в сумасшедшую скачку последовал личный полк его тьмы. Каждый скок коня в такой гонке может стать последним, попади его нога в хомячью нору или оступись в промоине. Но никто об этом не думает, пришпоривая боевых скакунов. Азарт схватки и дух погони пьянит молодые головы почище греческого вина, и летят они, играя со смертью, этой черноглазой красавицей-Марой, хмельные и радостные, будто в Ярилин день.

Медленно, но неуклонно настигают русские кони койсогов, обтекают с обеих сторон, хотят замкнуть их в малое коло.

– Возьму! Возьму живым! – твердит про себя молодой темник. – Дорогая броня и чудный конь будут моими по праву!

– Живым! Живым! – вторят копыта его коня.

И вдруг происходит неожиданное: личная сотня койсожского князя делает рывок и, легко оторвавшись от остальных, уходит вперёд.

Блуд стегает коня, пытаясь ускорить бег, да где там! Койсожские кони, будто птицы, улетают в сторону синего Дона, растворяясь в степной дали.

Только тут Блуд начал осознавать, что добыча, которую он уже считал своей, разом упорхнула из рук. Предвкушение столь близкой победы сменилось острой горечью разочарования и досады. Замкнув коло вокруг оставшихся койсогов, Блуд с остервенением принялся крушить их всех до последнего.

Тем временем сын кагана Уйзен, по примеру койсожского князя, также выстроил остатки своего Сердца в русскую Лодию и стал пробиваться к полуночи. Но, то ли хазары уступали койсогам в лихости, то ли русы крепче держали коло, не удалось Уйзену сделать то, что удалось койсогам. Раз за разом бросались хазары на русские мечи, пытаясь разорвать цепь то в одном, то в другом месте, но не могли вырваться из Перунова кола.

Уйзен видел, как гибнут его верные храсмы, отчаянно штурмуя русские ряды, и с каждой попыткой его покидала надежда вырваться и уйти живым. А когда узрел, как пробивается к нему витязь на белом коне, с очами, горящими яростью, как укладывает тот урус одного за другим его лучших воинов, понял, что это и есть князь Сффентослафф. И ещё понял Уйзен-бей, что близится его неминуемый конец. Хотя хазарские воины стеной окружили своего начальника и гибли от русских мечей, и стояли бесстрашно и твёрдо, но их становилось всё меньше и меньше.

И тогда Уйзен, отыскав взором сигнальщиков, дал им знак, указав своим слегка искривлённым мечом вниз, на землю.

Протяжно и заунывно запели хазарские рога, прося победителей о милости.

Натиск урусов разом ослабел, они обращали вопросительные взоры к князю.

Святослав так же знаком велел остановить сражение. Запели турьи рога, сеча пошла на убыль и скоро вовсе стихла.

Хазары расступились, и из середины в сопровождении нескольких охоронцев выехал Уйзен.

Через узкий проход, образованный расступившимися воинами, сын кагана подъехал к Святославу.

Они смерили друг друга взглядами.

«Совсем молод, но твёрд, как камень, – отметил хазарин, – и войском управляет получше греческих стратигосов...»

Святослав безошибочным внутренним чутьём определил в противнике сильного и опытного воина, который весь клоочет от позора и унижения. Но внешне хазарин был угрюм, только подрагивание скул выдавало его нервное напряжение.

– Чего хочет князь урусов? – перевёл слова Уйзена толмач, говоривший на славянском совершенно чисто.

– Хочу, чтобы вся Хазария отныне мне подчинилась, а её земли до Волги отошли Киеву!

Хазарин вспыхнул, глаза его ещё более сузились, и в них блеснула ярость. Стараясь овладеть собой, он ответил хриплым от волнения голосом:

– Я, Уйзен-бей, сын Великого кагана, брат Яссааха, а земли мои простираются у Дона-реки. Однако за Доном земля не моя, отцовская, и отдать тебе её никак не могу...

– Земли у Дона я сам взял, – возразил Святослав, – вернул то, что мне принадлежало. А Яшака покарал за то, что он слово своё нарушил.

На какое-то время залегла тишина.

– Значит, земли за Доном не твои, – задумчиво продолжил Святослав. – А как насчёт вятичей с радимичами?

– Эти земли мои, – мрачно подтвердил пленник, – коль победил меня, уступаю их тебе.

– Что ж, – взглянул на него Святослав, – ты храбрый воин и достойный противник. За это отпускаю я тебя, князь, и людей твоих и дарую вам волю. Только помни, ежели опять против нас пойдёшь – пощады не жди!

Святослав дал знак, и русы освободили хазарам путь.

Настороженно, не веря своим ушам и ожидая подвоха, Уйзен тронул коня и медленно поехал вперёд, за ним – остальные хазары. В полном молчании ехали они по живому коридору, каждый миг ожидая нападения либо тучи русских стрел в спину.

Наконец, всё ещё не веря, что остались живы и отпущены восвояси, хазары выехали в чисто поле. Затем пришпорили коней и, уже больше не оглядываясь на молчаливо застывшую русскую дружину, стали быстро удаляться.

Бывший воевода, подъехав, стал чуть позади князя и сказал, не особо скрывая досады:

– Зря, княже, отпустил противника, хоть и осталась их десятая часть, а всё ж зря! Хазары чести воинской не разумеют, обещанье дадут, а сами, улучив момент, тут же в спину ударят!

– Может, оттого и не разумеют, что мы им не верим? Теперь поглядим!

– Гляди, княже, гляди... Эх, в Киев ворочаться надо, много людей потеряли, следует отдых войску дать... Тьмы пополнить...

– Нет, дядя, – прервал его Святослав, – назад ворочаться не будем. Перун благоволит к нам и даёт скорую победу над врагом. Пойдём в земли радимичей и вятичей, там наберём и новые тьмы из подневольного хазарам люда, и корма для лошадей и дружины.

Старый воевода только крепче сжал зубы и, огрев коня плетью, умчался прочь, чтоб не сорваться и не наговорить князю лишнего.

Над полем печально запели рога – будто сама Жаля трубным гласом рыдала по храбрым воинам киевской Молодой дружины, что погибли в жестокой сече. Живые стали хоронить мёртвых и справлять по ним тризну, вспоминая каждого воина по имени, прославляя его подвиги, силу и удаль, чтобы память о нём удержалась и перешла к потомкам, а боги славянские знали и видели, какой храбрый воин отныне будет пребывать в их небесной дружине.

И снова за клубилась пыль под копытами русской конницы. Позади – поверженный Саркел и разбитое войско Уйзена и свежие, ещё без единой травинки курганы над последними

павшими – в степи, где нет дерева, чтобы сотворить кострище, это единственный способ погребения. А что впереди? Святослав уверен, что его ждут только победы и ратная слава, и он спешит к ней, подгоняя коня.

Только дядька Свенельд хмур и молчалив, но Святослав не обращает на это внимания.

Уставшие кони перешли на шаг, и кто-то из воинов затянул песню, протяжную и печальную думу:

Ой, ты степь моя, степь Донецкая, степь Донецкая да привольная!
Разнотравием ты украсилась и сокрылась за туманами,
Не холмами ты да покрылась, а покрылась нынче курганами!
А чьи витязи спят в курганах тех, кто обрёл здесь вечный покой
Со своей походною утварью – щит да меч, да лук со стрелой?
И разносится в степи карканье, в небе слышен шум многих
крыл, —
То летит, летит стая воронов к полю сечи есть мясо белое,
Мясо белое, очи синие, сердце храброе вражий меч стубил...

– Больно тоскливая песня, – заметил ему кто-то.

Воин замолчал, потом запел другую:

Что за пыль да поднялась над степью, что за гомон да стоит над
широкою?
Отчего ветры дуют буйные, отчего степь травой клонится,
Ой, куда бегут звери дикие, ой, куда бегут быки круторогие,
И куда летят чёрны вороны, а волк хищный да по следу их
гонится?
То идёт князь Святослав наш Хоробрый со своей преславной
дружиною,
Со своими молодыми соколами, ай, да лучше их в Киеве не
сыскать!

Чем дальше продвигалась русская дружина к полуночи, тем гуще становилась растительность, пошли кусты и деревья. Вот впереди неясно замаячил, а потом предстал во всей красе берёзовый лес. И когда первые полки с ходу направились к нему, Свенельд подскочил к Святославу и резко осадил коня, так что тот взвился на дыбы.

– Негоже, князь, кони науки воинской нарушать, – рассерженно заговорил он. – Мало того, что дозоры вперёд не выслал, так теперь ещё и в лес без разведки идёшь? Тому ли я учил тебя, княже?

Святослав вспыхнул было, но сдержал себя, помня, что начальник не должен подавать виду, когда он рассержен либо раздражён. Слегка усмехнувшись, он велел:

– В лес не входить, выслать дозоры! – и, повернувшись к Свенельду, заметил: – Кто сейчас на нас посмеет напасть, вуйко? Теперь это наши земли, а скоро и Северские с Радимскими и Вятскими от ярма хазарского освободим!

Прискакали дозорные.

– Княже, с полуночного восхода идёт чья-то конница!

– В лесу кто есть? – спросил Святослав посуровевшим голосом.

– Кроме лесной дичи – ни души!

– В лес! – велел Святослав. – И пока сигнал не подам, ни шороха, ни звука!

Многотысячная дружина, будто вода в ветошь, «впиталась» в березняк. На опушке выстроилось Сердце во главе с князем.

Между тем хазарская конница – теперь уже можно было различить, что это хазары, – приблизилась к лесу, но, по-видимому, входить в него не собиралась, торопясь мимо. К Святославу вновь подъехал хмурый Свенельд.

– Может, княже, к хазарам гонца послать с вестью, что земля эта отныне Киеву принадлежит и им отсюда убираться надо подобру-поздорову, – предложил бывший воевода.

– Гонцов я уже посылал, хватит, – мотнул головой Святослав. – Сам сказал, хазары доброе слово только после битвы понимают, посему пусть им меч вначале скажет, кто отныне на земле этой хозяин, а тогда и поговорим, с теми, кто жив останется!

Вот уже правое Крыло хазарское сравнялось со Святославовым Сердцем. Прозвучала команда – и русская конница рванулась вперёд, по лицу стегнули ветки, но этого уже никто не замечал.

Наказ – это как прыжок в ледяную воду – все страхи и волнения накануне, а потом только бодрящий холод, лёгкость и сила в окрепших мышцах.

Удар был совершенно неожиданным для вражеской конницы. Сердце Святослава обрушилось на хазарское Крыло, враз отсекло его и принялось ожесточённо кромсать. Однако хазары быстро опомнились, видимо, их предводитель был опытным, – они на ходу перестроились и стали окружать русов. Теперь туго пришлось Святославу, благо Горлицы с Притыкой вовремя подоспели на выручку и в свою очередь начали обтекать хазарскую конницу. Страшная, жестокая битва закипела кругом – кричали люди, хрипели и ржали кони. Большие умные глаза животных теперь, как и у людей, выражали боль, страх, ярость и муку. А жизни воинов плясали танец смерти на остриях их булатных мечей, и только миг порой отделял Явь от Нави. Но бой был непродолжительный, хазары приложили все силы, чтобы прорвать русское коло, им это удалось, и основные тьмы во весь опор помчались в степь, а уцелевшая часть правого Крыла в несколько потоков устремилась к лесу. Святославовы воины «на плечах» противника ворвалась следом, но настичь и окружить не смогли. Оставив в березняке часть своих людей изрубленными, хазары кинулись прочь, растекаясь по степной равнине.

Путята и Блуд с полками устремились вдогонку, но было видно, как скоро увеличивается между ними разрыв и степняки уходят всё дальше.

– Не догонят! – досадливо хлопнул по колену Святослав. – И что за кони у этих хазар, будто молнии!

– У них хорезмские кони, – проронил стоявший рядом Свенельд, – чистых кровей.

– Отчего ж мы таких не заведём? – спросил Святослав.

– Больно дорого стоят. Наша конница ещё князем Ольгом заведена была, и с тех пор мы покупаем коней у греков. Койсоги просят за коня два золотых быка, а греки за одного продают...

– Потому что не чистокровные, они только шагом хорошо идут, а вскачь быстро выдыхаются, – заметил кто-то из темников.

– Значит, – рёк Святослав, – надо менять скакунов, поскольку на поле сечи быстрый конь даёт половину победы. Отныне велю щадить хазарских скакунов и пересаживаться на них, слышали? – повернулся он к темникам.

– Слыхали, княже, будет исполнено!

– А теперь ранеными займитесь! – велел Святослав.

Он был недоволен собой и старался скрыть раздражение. Если бы не замечание Свенельда, бой с хазарами мог быть намного кровопролитней. Да и сам-то сечей командовать должен был, а полез в бой первым, кабы не быстрые и дружные действия Горлицы с Притыкой... Эх, да что там! Впору деду Велесдару на свои промахи жаловаться...

Святослав скользнул рукой к правому голенищу и сжал старую рукоять засапожного ножа, будто повинился перед мудрым волхвом. Затем, спешившись, он пошёл по недавнему полю битвы.

Тихий стон и жалобное ржание донеслись справа. Князь повернулся на звук. Буланой масти лошадь то склоняла голову до земли, то вскидывала её и, косясь встревоженными очами, била копытом и ржала, как почудилось Святославу, призывно и жалобно. «На помощь зовёт», – догадался князь и поспешил к ней. У ног кобылы, раскинув руки, лежал молодой сотник из Горицветовой тьмы. Глаза его были закрыты, и только тихий стон срывался иногда с искусанных до крови уст. Из раны на плече сочилась кровь. Святослав встал на колени подле раненого, осторожно развернул окровавленные края кольчуги. Кожаный мешочек с травами висел у сотника, как положено, на груди на шелковом шнуре. Нож князя одним точным движением перерезал шнурок. Щедро посыпав рану измельчённой смесью трав и истолчённых в пыль камней, Святослав сотворил волховское заклинание, прося кровь-руду затвориться и не покидать боле тела, которое в ней так нуждается.

Видно, умелым и сильным воином был тот хазарин, что ранил сотника, – разрубить кольчугу непросто, наверное, и ключицу повредил...

Святослав стёр травой капли крови с ножа и водворил его за голенище, решив не трогать раненого, пока рана не закроется спасительной корочкой. Навстречу извилистой цепью по полю шли дружинники, ища среди поверженных живых. А со стороны Дона двигались всадники – из погони возвращался Блуд с людьми.

Святослав подобрал копьё, воткнул в землю, водрузив наверх шолом сотника.

– Жив, – сказал он подошедшему воину, – руду остановил, рану присыпал, пусть пока полежит, чтоб рана закрылась...

– Добро! – кивнул воин и занялся другими ранеными.

Святослав вернулся к своему Белоцвету, но в седло садиться не стал, а, взяв под уздцы, повёл к лесной опушке, куда уже подъезжали всадники Путаты и Блуда.

Князь шёл по краю поля сечи, крепкой рукой удерживая повод, потому как конь то и дело нервно ржал и тряс головой, когда мёртвые тела встречались на их пути.

– Ну-ну, спокойнее, брат, спокойнее, тебе ещё много смертей видеть придётся, так что привыкай, – говорил Святослав, поглаживая коня по умной морде. – А не будем врага разить, так он изведёт нас всех, разве только те останутся, кто в рабстве трудиться станет, – так уж лучше смерть красная в бою правом, чем неволя...

Святослав дошёл до опушки, где уже гарцевал на добром вороном коне, снаряжённом дорогой сбруей, возбуждённый и запылённый Блуд. Очи его, несмотря на усталость, радостно сияли. Невдалеке стояли связанные по рукам пленные хазары.

– Ай да Блуд! – рассмеялся Святослав. – Как же ты их настиг? Мы ведь все видели, что они ушли от погони.

– И они думали, что ушли! У Дона остановились и стали коней поить да ладить, а тут мы и налетели ястребами. Давно я о таком коне мечтал! – Блуд похлопал мускулистую шею жеребца. – Хорош конь, ой как хорош! – довольно восклицал он. – Не скачет – ветром над степью стелется! Да и хозяин его – птица важная, троих наших уложил, пока взяли... – Блуд кивнул, и к Святославу подвели пленного воеводу.

«Видно, славянской крови в нём на треть, не менее, – отметил про себя Святослав, – кожа светлая, да и ростом для хазарина высок». Пронзительный взгляд из-под тёмных бровей мимолётно кого-то напомнил, но кого?

– Развяжите! – велел князь.

Освободившись от пут, пленный потёр запястья, разгоняя застоявшуюся кровь. Рядом со Святославом уже стоял толмач – тот самый русоволосый широкоплечий словенец, что первым перешёл на сторону киян у Перуновой Прилуки. После потери в том треклятом бою луч-

шего друга в одночасье осеребрились густые словеновы кудри, и все стали звать его за раннюю седину «Сивый».

Никто не ведал, был ли он говорлив прежде, но теперь слыл молчуном. Может, за немногословность и ценил его князь, да ещё за то, что Сивый хорошо знал не только язык хазар, но все их повадки и привычки.

– Я князь Руси Киевской Святослав. Ты что же, не ведаешь, что один сын кагана Яшак казнён, а второй – Уйзен – разбит мною и отпущен в Хазарию с малым войском. Вся эта земля отныне принадлежит Киеву, и кто здесь остаётся, должен признать меня князем.

– А я – Ходжар-тархан, – отвечал хазарский воевода, – вижу, что ты воистину велик и храбр. Но не могу тебе подчиниться, поскольку мой владыка – только Великий каган, – продолжал хазарин, бросая короткие, бесстрашно-нагловатые взгляды то на князя, то на стоящих вокруг русов. – Ты ведь первым на меня напал, князь, я только защищался. Потому дозвожь и мне, как Уйзен-шаду, уйти в Хазарию и дай волю моим воинам, поскольку они с твоей дружиной бились храбро и смело, а урусский князь, как всем ведомо, почитает храбрых противников!

Святослав окинул взором пленных хазар, потом поле недавней битвы и вновь остановился на Ходжар-тархане. – «Кого же мне напоминает его взгляд?» – опять подумал он. Потом махнул рукой:

– Гряди, воевода, домой. Отпускаю тебя и всех пленников с условием, что не станете ходить против Киева!

– Даю слово, честной князь, слава тебе!

Освобождённые от пут хазары тут же вскочили на подведённых им коней. Ходжар-тархан повернулся к своим воинам и что-то коротко сказал.

– Благодарить велит, – перевёл Сивый.

Хазары, проезжая мимо Святослава, что-то восклицали, улыбались, прикладывали правую руку к сердцу, зная, что по русскому обычаю это выражает признательность, но лишь оказались за границей поля битвы, стегнули лошадей и были таковы.

– Что-то кони у них тяжело идут, – заметил глядевший вслед Горицвет.

– Пусть благодарят своего Ягве, что живыми ушли, да ещё и коней получили добрых! – воскликнул Блуд. Потом плутовато сверкнул очами и добавил: – Ну, может, не самых добрых...

– А скорее, вовсе худых! – рассмеялся Горицвет. – Ну и ловок ты, брат Блуд, на бегу сапоги снимать! Ха-ха!

Стоявшие вокруг темники тоже рассмеялись. А Святослава вдруг осенило: вот же он, знакомый бесстрашно-плутоватый взгляд! Блуд сейчас в точности как Ходжар-тархан зыркнул очами, и повадки у них схожи, хотя внешность совершенно разная. Выходит, натура, она что киевская, что итильская, единой бывает... Хм...

– Эх, княже! – сокрушённо вздохнул Свенельд. – Зачем опять отпустил врага? Скажи, Сивый, – повернулся он к толмачу, – держат ли своё слово хазары? Ты их хорошо знаешь...

– Не держат, – коротко ответил толмач, провожая взором уносящихся прочь уже далёких супротивников.

– Про то ведаю, – отвечал Святослав, – и хочу, чтоб теперь по-другому стало. Если увижу впредь, что солгал, отсеку голову. А нынче отпускаю на все четыре стороны, чтоб заставить уважать их слово честное, слово воинское, что твёрже камня и железа быть может! – Князь возвысил голос так, чтоб его было слышно. Потом обратился к темникам: – Только храбрый и честный враг достоин милости и уважения, а трусливого бейте без пощады, такой не достоин на свете жить! Всякий муж страх имеет, но лишь тот, кто его одолеет, есть настоящий воин.

Князь помолчал.

– Сколько мы потеряли в сражении с Ходжар-тарханом?

– Тысячу убитыми, три тысячи ранеными, тысячу раненых коней, а пятьсот убитых. Две сотни коней пришлось добить, поскольку у них были поломаны спины и ноги, на мясо пойдут... – доложил Горицвет.

– Воистину, храбр тот воевода, – вздохнул Святослав, – сколько наших людей положил...

– То не простой воевода, – заметил Горицвет, – знает и прямые, и обходные маневры, и Крылья умеет рвать, и в русскую Лодию строиться, и из Перунова кола выходить...

– Значит, мы должны стать ещё лучшими! – возвысил голос Святослав. – Отныне, – он сделал выжидательную паузу, а затем заговорил так, будто каждое слово хотел вложить накрепко в память своих подчинённых, – друзья мои, темники, спрашивать буду с вас вдвойне! Держите воинский порядок незыблемым и в стане, и в походе, и на поле битвы. Высылайте дозоры, проверяйте и изучайте всякое место впереди и вокруг себя – где какие леса, какие реки, какова их глубина и где броды, где западня вражеская может быть уготована. Сколько гонов от одной горы до другой, от озера до реки, от реки до леса. Обо всём вы должны ведать и воинов своих учить непрестанно, дабы они были борзыми, как вихрь, и сражаться могли с дерзостью и геройством! – Святослав закончил горячую речь, помолчал немного и промолвил тихим ровным голосом: – Горицвет, выдели сотню, пусть раненых пока по огнищанским домам для присмотра и выхаживания развезут, потом, при случае, в Киев обозом отправим.

Дав наставление темникам, Святослав отпустил их, а сам остался поговорить о ратных делах с дядькой Свенем. Разговор, как и все предыдущие, с самого начала похода, был непрост и жарок. Свенельд настаивал на возвращении, а Святослав доказывал, что надо идти дальше.

– Мы провели три больших сражения, потеряли слишком много коней и воев, каждая новая сеча может оказаться последней! – горячился обычно невозмутимый Свенельд.

– Для воина каждая сеча может стать последней, на то мы и есть Перуновы дети, – стараясь сдерживать раздражение, возражал князь.

– Да ежели нас тут порубят, кто Киев оборонять будет? Об этом думать надобно, а не о том, как поскорее свою буйную голову под булат вражеский сложить. Это дело нехитрое, на наши шеи вражеских мечей всегда в достатке найдётся! – повысил голос Свенельд. – Каган весьма силен, мы ведь встречались только с отдельными его тьмами, а как он выставит всё войско? Думаешь, он, узнав о смерти одного сына и разгроме второго, будет сидеть и дожидаться, пока мы здесь нагуляемся? Надо возвращаться! Теми победами, что одержали, мы только тревожили осиное гнездо, и теперь на нас может обрушиться целый рой...

– Пока отец-Перун благоволит к нам и даёт скорые победы над врагом, не должны мы от сечи уходить! – не повышая голоса и глядя куда-то перед собой, упрямо гнул свою линию Святослав.

Натянута до предела струна в душе бывшего воеводы лопнула. Свенельд взвился со своего места, будто его в самом деле преследовал рой обзлётных ос. С неимоверной для своего возраста быстротой он оказался возле своего коня и взлетел в седло, выкрикивая при этом ругательства на родном свейском языке, и на том же языке прокричал Святославу:

– Не желаю больше с тобой спорить, упрямец! Скоро сам убедишься, кто из нас прав, да боюсь, будет поздно!

И Свенельд, нещадно стегая коня, ускакал далеко в степь, только пыль завихрилась во след.

Святослав остался сидеть молчаливый и неподвижный. Всё кипело и бушевало в нём не менее, чем у Свенельда, может, поэтому он не двигался, боясь, что ярость выплеснется наружу.

На рассвете третьего дня, после Тризны по погибшим, дружина отправилась дальше к полуночи. К вечеру подошли к малой северской веси, располагавшейся на покато холме, подножие которого огибала небольшая чистая речушка. С полуночи и полуночного восхода к веси примыкал лес, а с остальных сторон расстилалась широкая степная равнина.

Передовая тьма ещё не достигла окраины, а старший дозора уже осадил коня подле ехавших рядом Святослава, Свенельда и молодых Горицвета с Притыкой.

– Всё подчистую хазарами разграблено, княже! Кто из жителей в лесу схорониться успел, только те уцелели... Три дня тому напал на них хазарский воевода со своими воинами, бил мужей, мучил жён и детей, забрал что было и отошёл к восточному полудню...

– Видишь, княже, – сквозь зубы процедил Свенельд, – отпустил волка на волю...

Святослав помрачнел челом.

– Пусть соберутся жители, слово скажу...

Когда собрались все уцелевшие жители веси, Святослав обратился к ним:

– Братья! Люди славянские, знайте, вы будете отомщены!

Северяне с поклоном поднесли хлеб-соль. Женщины предложили военачальникам молока, мёда, лесных орехов и ягод – всё, что имели. Мужчины вынесли несколько вязанок шкур, чтоб уплатить Киевщине первую дань.

– Откуда же запасы мёда и мехов? – удивился Горицвет. – Ведь только что хазары вас пограбили...

Седой сухонький, но весьма подвижный старик, по всему – старейшина веси, ответил с горькой усмешкой:

– Так не первый век мы под хазарами, приноровились. Что в лесных схронах бережём, что в иных тайниках. Да и торопились они нынче, видно, крепко вы им пятки-то подсмолили...

– Оставьте меха! – велел Святослав. – Дань уплатите в следующие Овсени, когда на ноги встанете...

– Слава тебе, княже, справедливый и честный! – низко поклонился старейшина.

Святослав ничего не ответил старику.

Не задерживаясь более, дружина отправилась дальше к полуночи. Несколько молодых парней из славянской веси, у которых хазары увели жён и невест, присоединились к войску, горя нетерпением поквитаться с грабителями.

Всё дальше уходила русская конница, минуя деревни, веси и небольшие города северян, где изрядно пограбленные, где ещё нетронутые. И в каждой Святослав молвил своё княжеское слово, объявляя, что отныне они свободны от хазар, подчиняются Киеву и будут иметь от него защиту. Пополняли припасы тем немногим, чем были в состоянии поделиться усердно обираемые из года в год местные жители. Молодёжь, набираемая в дружину, закреплялась за опытными бойцами, каким являлся теперь каждый вышедший из кровавых сражений Святославов воин.

У верховьев Дона начались земли вятичей. Поселения их как бы повторяли изгибы рек и озёр, располагаясь постройками в один ряд ликом к воде. Подворья были крепкие, основательные – деревянные дома, конюшни, амбары, сараи, загоны для скота. В каждом селении кузница, поскольку в их земле добывалось болотное железо. Засеянные поля колосились рожью, пшеницей и просом.

– Кому дань даёте? – спросил Святослав у собравшихся поселян.

– Козарам, по шелягу от рала, – напирая на «о», отвечивал крепкий огнищанин, отбивая косу.

– А кто князь ваш?

– За князя у нас козарский тархан. А наш старейшина Звенибор, в Дедославле обретается.

– И как только тут дома и посевы не пожгли хазары проклятые? – помыслил вслух Горицвет.

Свенельд скосил очи на князя и, помедлив, ответил:

– Не пожгли, потому как и дома эти, и землю, и людей добром своим привыкли считать. Вятичи – хазарские данники. А когда хозяева яйцо берут из-под курицы, гнездо не рушат!

Меж тем конница Святослава приблизилась к городищу, обнесённому валом с мощным частоколом и окружённому глубоким рвом с водой.

После расспросов «кто таковы», да «откуда» старейшина в сопровождении горожан вышел к князю.

– Рекут, Звенибор, вы хазарам дань платите? Отныне объявляю вас освобождёнными от хазар. Дань будете платить Руси Киевской и от неё защиту иметь! – провозгласил им юный князь.

Худощавый старейшина средних лет с длинными русыми волосами, усами и бородой переглянулся со своими то ли купцами, то ли советниками. Все они были одеты справно – в льняные и парчовые одеяния, в основном бело-красного цвета, кожаные постолы, на руках – многие перстни.

– Вятичи – значит «вятские», великие, – неторопливо и со значением молвил старейшина. – Мы большие люди, великий народ. Наши отцы пришли в сии края за вольной жизнью, и с тех пор мы храним свой уклад и сами за себя отвечаем...

– Так у вас же хазары начальники! – возмутился Горицвет.

– У нас с хазарами уговор, – продолжал Звенибор, – мы платим им дань, они не разоряют нашу землю, не мешают делам торговым...

– Дань будете платить мне, – с нажимом повторил Святослав, блеснув очами. – Отныне, реку вам, здесь будет земля русская, и защита будет вам от Киева! – с этими словами князь вонзил в землю свой меч.

– Как скажешь, княже, – вздохнул старейшина. И тихо добавил: – Какая разница, кому платить, лишь бы мир был народу вятскому...

Тем временем остатки разбитых Святославом хазарских полков и тем стекались к Итилю.

Глава пятая. Уйзен

Не смея поднять глаз на отца, осунувшийся и исхудавший, как долго преследуемый волк, предстал перед каганом его сын Уйзен, готовый принять любой приговор родителя. Великий каган глядел на сына и видел, что в облике молодого батыра сквозила какая-то не свойственная ему прежде усталость. И хотя смуглое лицо Уйзена оставалось неподвижным, в глубине чёрных зрачков, которыми он взглянул на отца, не промелькнуло ни искры прежнего живого огня и задора – они были глубокими и холодными, как криница осенней ночью.

Каган молчал, он думал. Не только из-за владычества над всеми хазарскими князьями и землями называли его Великим, а ещё и потому, что верховный повелитель понимал и видел то, чего не могли охватить умом самые лучшие беи и тарханы.

Сейчас, глядя перед собой и поглаживая взобравшуюся на колени любимую персидскую кошку, он зрел не только уязвлённого поражением сына, а опасность, нависшую надо всем каганатом. Если его Уйзен-бей, один из лучших воевод, имея перевес в количестве опытных воинов, прошедших подготовку под руководством византийских стратигосов, потерпел поражение от совсем молодого урусского князя, то кто сможет обуздать этого Сффентослаффа, которого его военачальники уже называют между собой Русским пардусом, через несколько лет, когда он станет опытнее и мудрее?

Всё видел и понимал Великий каган и, возможно, единственный из всех чувствовал всю опасность нынешнего поражения.

Если сейчас, когда князь урусов обескровлен постоянными сражениями и оторван от Киеффа, не покончить с ним, то совсем скоро Русский пардус перегрызёт глотку Хазарскому волку. Только сейчас, немедленно, пока он не ушёл восвояси! Так и надо сказать беку, который ждёт его, кагана, решения и уже собрал у себя большой военный совет.

– Истинный воин-аскер должен принять смерть в бою, а не от руки палача, – заговорил наконец каган, обращаясь к сыну. – Со всех сторон к Итилю сходятся полки. Возьми мою личную Итильскую гвардию – десять тысяч испытанных и бесстрашных хорезмийцев. Становись во главе всего великого войска и немедленно веди его на урусов. Стань хитрым, как лис, изворотливым, как змея, беспощадным, как волк. Настигни и убей Сффентослаффа!

Уйзен пошевелился, поднял голову.

– Да воздаст тебе Великий Яхве за твою милость, отец! – глухим, но сильным голосом заговорил он. – Клянусь сердцем матери, я настигну урусского князя и убью его либо умру сам!

– Хватит того, что он забрал жизнь Яссааха. Мне не нужна твоя смерть, – медленно проговорил каган, – привези мне голову Сффентослаффа!

Цепкие пальцы слишком сильно сдавили за ушами, и кошка, недовольно мяукнув, соскочила с колен и пошла прочь, нервно подёргивая кончиком пушистого хвоста.

Уйзен низко поклонился. Слова отца произвели на него чудесное воздействие, вселив новые силы и уверенность. Он понял, что остался жив и вынес весь позор поражения и пленения только для того, чтоб иметь возможность сейчас исполнить отцовскую волю, великое дело, которое стоит выше самой жизни! Весь внутренне собранный в комок, как хищник перед прыжком, покинул он отцовский дворец и направился во дворец бека, где должен был состояться военный совет.

Каган прозорлив и мудр, но среди советников, сидевших в дворцовом зале бека, был тот, кто зрел ещё дальше кагана. Старший из греческих стратигосов, вовремя унесший ноги из Саркела в Итиль и тем самым избежавший печальной участи младшего, казнённого русами, уже отослал в Константинополь гонцов к василевсу с просьбой оказать дополнительную помощь каганату. «Мы всячески должны поддерживать хазар в их войне с русами, – писал он в тайном

послании. – Пусть у Сфендослава будут связаны руки здесь, на Востоке. Надо помочь каганату оружием и опытными военачальниками. Отправьте корабли в Пантикапей и Фанагорию».

Через несколько дней во главе огромного войска Уйзен выступил из Итиля.

Утренняя мгла смешалась с жёлтой пылью, поднятой тьмами боевых коней. Топот и гул заполнили городские улицы, сплетаясь с командами военачальников, возгласами всадников, криками и рыданиями провожающих.

Великий каган, стоя в одной из высоких башен своего дворца на острове, наблюдал, как войско покидает город, раскинувшийся на другой стороне. В сердце ехали лучшие итильские батыры, которые вместе с основательными и отчаянно храбрыми кумыками составят главную ударную силу хазарской дружины. За городом уже свернули свой лагерь отборные Хорезмийские полки, которые станут Правым Крылом, а ещё дальше к войску присоединится Левое Крыло, набранное из маджар, болгар и многих русских полукровок.

Всё рассчитал Великий каган: дружина урусов сильно поредела, в северных землях они не найдут достаточно сил и припасов, а гордость и дерзость юного князя урусов не позволят ему ускользнуть от последней в его жизни схватки...

Владыка с горечью вспомнил, что раньше, до прихода к власти рода Буланидов, всё решал в Хазарии только Великий каган, власть которого начинается, а часто и заканчивается петлёй. По древним поверьям хазар околосмертное состояние позволяет правителю переродиться в богоподобное существо. Потому при возведении на вершину власти кагана душили накинутой на шею шёлковой петлёй, и в полузадушенном состоянии он должен был прохрипеть количество лет своего правления. Каган означал Божественную силу всей Хазарии, и если эта сила в нём иссякала, на шею повелителя вновь набрасывали петлю. Задушенного кагана хоронили с великими почестями, и избирали нового. Так было долгое время. Но потом случились два больших поражения от армии Арабского халифата под предводительством сначала Масламы, а потом Мервана. Последний разорил древнюю столицу Семендер, и тогдашнему кагану пришлось бежать. Арабский победитель явил милость, возвратив его к власти в обмен на принятие ислама. Так впервые зашаталась древняя вера в божественную силу кагана, а вместе с ней и непререкаемая власть её носителя.

Но это был не самый страшный удар. Через три года один из сильнейших хазарских тарханов Булан тайно принял иудейскую веру и обрёл поддержку влиятельной и богатой иудейской общины. Деньги – великая сила, особенно там, где успех и уважение, благодетель и счастье измеряются числом военной добычи, количеством золота и рабов. Именно деньги и хитрость – главное оружие иудеев – помогло Буланидам взять крепкую власть над самим Великим каганом, обязав его также принять иудейскую веру. Потомок Булана бек Обадия совершил государственный переворот и лишил кагана всей действительной власти. Провёл ряд «преобразований»: построил синагоги и школы, собрал множество иудейских мудрецов, дал им много серебра и золота, и они стали объяснять двадцать четыре книги Священного Писания, Мишну, Талмуд, весь порядок молитв и обрядов. Постепенно все богатые и знатные хазары стали иудеями, переженились на дочерях влиятельных жидовинов, укрепив свою силу и богатство и тем ещё более упрочив власть иудеев в Хазарии.

Ослабла старая вера в Великого Тенгри и иных языческих богов, всё больше хазар переходило в христианство и ислам, потому что принадлежность к ним давала власть и дополнительные возможности. Исламским хазарам помогали арабы, христианским Византия. И только простые воины и скотоводы оставались верными древним богам и наивно считали, что власть принадлежит Великому кагану, который является хранителем Божественной силы хазарского народа. Владыка горько усмехнулся – власть, какая власть у пленника, заточённого во дворце? Никто не смеет войти к нему, и он не может никого видеть, кроме жён и детей. Лицеизреть Великого могут только бек и ещё двое чиновников, подручные этого самого бека. Когда трижды в год, как требуют древние традиции, Каган предстаёт перед народом, то все падают ниц

и он видит только согбенные спины. А тот, кто диктует ему свою волю, кто держит в золотой клетке и может в любой момент оборвать его жизнь, тот униженно ползает на коленях, показывая, как велик владыка и как верноподданно он, бек, ему служит.

Иудейская ложь и коварство, обман и поклонение деньгам уже давно отравили знатную верхушку Хазарии настолько сильно, что от древней веры и устоев осталась только тонкая внешняя оболочка, но почти не осталось мышц. А раз нет мышц, значит, нечем поддерживать скелет и скоро, может быть даже очень скоро, Хазария рухнет. Она похожа на некогда сочную сливу, которую изнутри уже почти всю выели осы...

Тяжкие мысли терзали сердце кагана, он с тоской думал о том, что ему и его сыновьям, несмотря на знатность рода и принятую иудейскую веру, в конце концов уготована такая же участь, как бедным скотоводам и воинам, – умереть ради богатства иудеев. И от таких мыслей всё чаще тайно, в самой глубине души, обращался старый каган к древним богам и духам своего народа, как простой пастух, и просил их о том же, что и эти несчастные, – о защите близких и сохранении жизни детей.

Уста владыки, глядящего вслед уходящему войску, беззвучно шевелились. Кто знает, молился ли он Великому Яхве или старым хазарским богам, а может, твердил про себя древнее заклинание, которое когда-то произносила его мать, надевая на шею сына, тогда ещё мальчика, талисман своей прабабки – костяную фигурку какого-то древнего божества.

Теперь этот талисман он надел на шею Уйзена.

Долго не оседала над городом пыль, поднятая копытами коней, и долго стоял в своей башне старый каган, глядя за Итиль-реку, в сторону полуночного заката, куда ушло войско, возглавляемое его сыном.

Борзо скачет Уйзен, в ушах привычно свистит степной ветер, впереди рыщут остроглазые разьезды, а сзади неодолимым потоком стремятся сильные, умелые, послушные его воле всадники, готовые по первому знаку ринуться в схватку и умереть, сжав челюсти на горле врага.

Торопит хазарский воевода коня, и тот летит над землёй, подобно Чернобожьему вихрю, бьёт степную траву крепкими копытами, и вскоре уже объявился у северян, разметая испуганных землепашцев по степям и лесам, и горе было тем, кто не успел уйти.

Утром поднявшееся солнце осветило странный серый туман, ползущий над далёкими взгорьями.

Прискакавшие дозорные, осадив взмысленных коней, доложили Святославу:

– Идёт сила великая на нас, княже! С курганов зрели перед собой войско несметное, не меньше тьмы тем!

– Трубить построение к бою! – велел Святослав.

Через миг запели туры рога, дружина задвигалась, будто огромное живое существо, перестраиваясь в привычный боевой порядок.

Святослав со Свенельдом поднялись на курган.

С полуденного восхода надвигалась чёрная туча пыли и всадников, которые множеством полчищ растеклись по степной равнине.

– Отправь, княже, гонцов в Киев, пусть Старая дружина идёт на подмогу, – произнёс Свенельд хриплым, каким-то чужим голосом.

– Они всё равно не успеют, – пожал князь плечами, – разве только заслоном стать в случае, если хазары прорвутся к Киеву... – Святослав махнул одному из стоявших неподалёку посыльных, всегда готовых мчаться куда угодно по первому слову князя. – Передай Горицвету и Притыке, пусть каждый отошлёт по три самых борзых гонца на хорезмских конях с посланием: Святослав велит старшему Притыке с дружиной выйти навстречу, хазары могут прорваться к Киеву!

Прошло совсем немного времени, и к заходу понеслись шестеро всадников. С кургана хорошо было видно, как они держались сначала вместе, затем облачко вздымаемой пыли разделилось надвое, и каждая троица поскакала к стольному граду своим путём. Но Святослав не глядел в их сторону – он охватывал умом предстоящее сражение и уже велел кликнуть темников, чтоб передать им первые распоряжения.

– Хазар слишком много, княже, похоже, выступил весь каганат... – Свенельд сжал челюсти так, что желваки нервно заходили под кожей.

Святослав и сам видел, а ещё больше – даже на значительном расстоянии – чувствовал исходящую от приближающегося противника такую решимость и силу, что внутри на миг стало холодно, будто сама Мара, пролетая мимо, вдруг печальным взглядом бездонных очей коснулась его души.

– Нашим ли воинам их страшиться, – обронил князь. – Мы уже доказали, что умеем сражаться и стоять до конца на поле брани.

– Знаю, княже, что ты храбр еси, и темники наши, и воины. Но ты должен помнить и о Киеве, что за спиной остался, и обо всех Русских землях, что под рукой твоей. Вспомни о тех хазарских воеводах, что не уступают нашим в храбрости и умении биться отчаянно... – Свенельд помолчал, собирая всё оставшееся у него спокойствие. Потом заговорил почти таким же ровным голосом, только в каждом его слове чувствовалось напряжение, словно у туго натянутой тетивы лука. – В который раз прошу, Святослав, послушай старого опытного воина, который ходил в походы ещё с твоим отцом. Не всякая победа начинается с прямого наскока. Давай отходить к Киеву, а когда подмогу встретим, тогда разом и ударим по хазарам!

Святослав до боли сжал червлёный держак меча. Холод приближающейся опасности вдруг отступил, и другая мысль – о позоре отступления – горячей волной разлилась по жилам и разом ударила в голову, заставив замолчать трезвый ум.

– Как я могу отступать, дядя, если до сих пор только вперёд шёл и Перун даровал нам победу. Одолеем и в этот раз!

– Горячая кровь затмила твой разум! – воскликнул Свенельд, теряя остатки терпения. – Будет ли с того прок, ежели ты сам погибнешь, воев погубишь, а хазары пойдут напрямик на Русь? Ты ещё слишком молод, чтоб принимать на себя такое бремя и лучших дружинников, гордость Киева, положить под вражеские мечи. Поворачивай назад, реку тебе! – уже грозно вскричал Свенельд, как в былые времена, когда Святослав ещё был неразумным княжичем.

Но Святослав молчал. Он не мог вымолвить слова «назад», и только мышцы нервно играли под загорелой, обветренной и выдубленной на степном солнце коже да синие очи блистали молниями.

Свенельд тронул коня и сам поехал навстречу поднимающимся на курган темникам.

– Князь велит поворачивать тьмы и отходить к Киеву! – махнул он рукой.

Темники вопросительно переглянулись.

– Ставьте впереди и на задах дозоры и двигайтесь прямо на заход, слышали наказ? – сердито рыкнул на них Свенельд.

Темники поспешили назад, на ходу раздавая наказы о перестроении.

Святослав, набычившись, подчёркнуто неспешно съехал с кургана и молча занял место в общем строю. Свенельд повёл конницу, встав во главе повернувшего вспять войска. Всё произошло само собой, и дружина так же молча повиновалась прежнему воеводе.

Полдня оба войска шли, будто связанные незримыми вервями, – не приближаясь и не отставая. Потом дозоры доложили Свенельду, что вздымаемая хазарским воинством туча пыли сместилась влево, к полудню, а потом и вовсе пропала.

– Ушли, что ли? – терялись в догадках дружинники. – Может, поняли, что мы сражаться не будем, и вернулись в свою Хазарию?

Многие облегчённо вздохнули. Неужто поход закончен и они, наконец, возвращаются домой? Воины повеселели, в рядах пошли оживлённые разговоры, шутки, то тут, то там слышались раскаты молодого смеха.

К ночи дружина достигла берёзового леса. Темники подъехали к Свенельду.

– Дозволь расположиться на ночлег, воевода? Место подходящее!

– Нет, – отвечал Свенельд, – останавливаться не будем. Коней пустить шагом и так идти всю ночь. Подремать можете в сёдлах, но за дозоры не забывать!

Дружина шагом потекла мимо леса, и вскоре его белые приветливые стволы скрылись в наступивших сумерках. Воины недоумевали, отчего воевода не позволил сделать привал, ведь врага нет и в помине, а лошади не поены, не кормлены, спины и ноги от долгого сидения в седле затекли, и такой заманчивой кажется твёрдая земля, на которой можно вытянуться во весь рост и уснуть сладким сном. Однако подобные мысли так и оставались в головах – в спянной железным повиновением дружине Святослава выказывать недовольство было недопустимым, а признаться в усталости – и вовсе постыдным делом. Потому каждый одолевал ночной переход как мог – кто под мерное качание в седле вспоминал что-то приятное, кто спрыгивал с коня на ходу, некоторое время бежал рядом, а потом вновь взлетал в седло, а многие просто дремали, умудряясь по-прежнему удерживаться на коне.

Когда над землёй засияла серебряная ладья Макоши, идти стало легче. Время от времени из травы и кустов выскакивали потревоженные степные обитатели да со свистом взмывали ночные птицы. Будто вторя им, между собой перекликались дозорные. А дружина всё текла к заходу, сверяя свой путь по ярким звёздам.

– А помнишь, брат Притыка, – окликнул друга Горицвет, – как мы измотались в своём первом походе, сколько помесили дорог в седмицу дождливых дней, а потом так мертвецки засыпали на ходу, что вываливались из сёдел и плюхались прямо в грязь?

– Теперь не попадаем, – засмеялся розовощёкий крепыш Притыка, – в седле дремать – привычное дело!

Они вновь помолчали. Обычно неунывающему Горицвету сегодня грустилось – он вспоминал друзей, которых потерял за время походов, из темноты сами собой выплывали их лица, слышались голоса. Потом возникли образы жены и детей. Как ты там без меня, милая Болесюшка? Как дочка наша Славуня и меньшой Воислав?

Мерно идёт верный конь, покачивая на спине уставшего всадника, образы становятся всё причудливее, и навеивается, будто лёгкий туман, чуткий сон.

А когда рассвело, русы опять увидели у себя на задах тучу пыли.

– Как? Неужто хазары? Откуда они взялись? – недоумевали дружинники.

Дозорные подтвердили, что хазары пришли с полудня и хотели перерезать путь русскому войску, да, малость опоздали.

Только теперь все поняли, какой опасности они избежали благодаря воинской далекоглядности старого воеводы, и, буквально как в игольное ушко, проскочили мимо уготованной им западни.

Раздосадованные хазары повернули, на сей раз к полуночи.

– Видно, опять хотят обойти нас, уже с другой стороны, – догадался Путята.

И вновь русская дружина шла без отдыха. Только когда на пути встретилась малая речка, воевода позволил остановиться на час, напоить-накормить лошадей и вздремнуть всадникам.

Ровно через час они опять взметнулись в сёдла и шли до вечера. На закате новая река преградила им путь. Свенельд кликнул Притыку.

– Войдёшь со своей тьмой в воду, – велел он, – и два часа будешь идти по дну на полночь. Потом выйдешь, оставишь на берегу много следов, затем незаметно сделаешь крюк перелесками и воротишься назад. Знаешь Чёрный ельник? Встретимся там!

Когда Притыкина тьма ушла, Свенельд распорядился основной коннице также войти в воду и два часа вёл её к полудню, пока река, сделав изгиб, не ушла в сторону, неся на своих тёмных волнах потревоженные звёзды дальше по течению.

Выйдя на берег, в свете луны дружинники увидели широкую серую полосу, уходящую на заход.

– Киевский шлях! – догадался кто-то. – Прямая дорога домой!

Но Свенельд велел идти дальше к полудню, и дружина поскакала, куда он указал, потом перешла на шаг и шла так до середины ночи, пока не достигла Чёрного ельника – условленного места встречи. Свенельд разрешил укрыться в нём и спать до утра.

Утром вернулся Притыка со своей тьмой и сказал, что хазар нигде не встретил, хотя ночью не больно-то далеко видно.

Из Чёрного ельника воевода велел идти к полуночному восходу. Ещё день и ночь шли русы, а на следующий день поутру увидели, как вдалеке растекаются сизые дымы.

– Никак, пожар где? – встревожился Путята.

– Нет, – успокоил его Свенельд, – дымы густые, сигнальные, верный знак, что враг близко. Укроемся пока вон в том лесу да поглядим, что и как. В лесу не шуметь, огня не зажигать, потихоньку поить-кормить коней, отдыхать самим и ждать наказа!

Так дружина простояла день и впервые спокойно проспала ночь.

Когда там, у курганов, дозорные донесли, что видят войско урусов, Уйзен ничего не ответил, только сердце его забилося чаще, и он крепче огрел коня узорчатой дорогой камчой.

Через некоторое время зоркими очами степняка он и сам уже различил стоящую вдали дружину урусов. Расстояние между ними быстро сокращалось – значит, скоро начнётся смертельная схватка и, возможно, к вечеру всё решится. До сих пор в ушах звучали слова отца – мудрого Великого кагана – «мне не нужна ни твоя смерть, ни даже твоя победа, мне нужна голова Сффентослафа!»

Уйзен даже различил две крохотные фигурки на самом высоком кургане, одна, кажется, на белом коне. «Это он! – догадался Уйзен. – Единственный из всех, кто мне нужен!»

Ещё немного – и пора выстраиваться в боевой порядок: разводить Крылья, выдвигать Сердце... Урусы, похоже, уже делают это – над их конницей поднялась туча пыли, а фигурки с кургана исчезли.

Уйзен поднял руку, призывая старшего темника, но тот подскочил к нему с неожиданным сообщением:

– Великий шад, они уходят!

Уйзен опустил руку, злорадно ухмыльнулся:

– Значит, и ты можешь быть трусливым шакалом, урусский князь!

Но иная, пришедшая в голову мысль, сразу изменила настроение: вдруг это коварная уловка и противник хочет заманить его в западню?

– Прикажешь догнать их, Уйзен-бей? – склоняя в знак почтения голову и прижимая к груди камчу, спросил Ходжар-тархан, который был назначен в этом походе старшим темником, и потому всю старался доказать сыну Великого кагана свою верность и преданность, к тому же у него были личные счёты к Святославу. Когда Ходжар-тархан поднял глаза, Уйзен увидел в них горячий блеск охотничьего возбуждения, с каким пускаются в погоню за сильным и опасным зверем, и оттого преследование становится ещё заманчивее.

– Нет! – оборвал его Уйзен. – Пока идти прежним ходом, не настигая, но и не упуская из виду!

Сын кагана уже решил, что действовать нужно только с холодным расчётом и наверняка.

– Усилить дозоры! Проверять каждый лес, овраги и рощи, прежде чем пройдем мимо! – велел он.

Так двигались полдня. Урусская конница шла мерно, крупной рысью, ни в одном из лесков засад не было. «Значит, не заманивают, а на самом деле уходят, – решил Уйзен. – Но даже если мы сейчас настигнем урусов и начнётся сеча, в бой вступят их замыкающие полки, а Святослав с основным войском уйдёт восвояси. Нет, я не должен, подобно псу, хватать за пятки уходящего Святослава, а обойти его, перенять и отрезать путь к Киеву. И только тогда напасть и отгрызть голову. Пришёл черёд моим воинам доказать степную выносливость и преимущество хазарских коней над греческими!» – решил воевода.

Кликнув темников, Уйзен коротко изложил им в свой план.

Ходжар-тархан восхищённо цокнул языком:

– Не беспокойся, великий шад, наши воины рождаются в сёдлах, ни в каких других землях нет лучших наездников! Мы перехватим урусов, и ни один не уйдёт сквозь наши заслоны! Хоп! – огрел он камчой своего скакуна.

Короткий приказ – и конная лавина, повинувшись ему, ускоренным шагом пошла на полдень и вскоре скрылась из глаз урусов. Затем повернула и во весь опор понеслась к заходу солнца. Птицами полетели, распластавшись над степными ковылями, крепконогие и выносливые хазарские кони, густая пыль за клубилась им вослед – то сама Святослава смерть полетела наперегонки с его жизнью, и кто кого обскочит – неведомо...

Когда начали сгущаться сумерки, Ходжар-тархан заметил:

– Урусы сейчас, наверное, обрадованные, что мы ушли, устроились на хороший ночлег в каком-нибудь лесу, они любят лес. А мы остановимся всего на пару часов, а когда взойдёт луна, шагом будем идти всю ночь...

Уйзен согласно кивнул.

Лишь только неполная луна, похожая на серебряную серьгу, взошла на небо, хазарское войско продолжило путь. Пред рассветом свернули к полуночи и утром вышли наперерез тому пути, по которому должен пройти Святослав.

Однако подъехавший Ходжар-тархан имел такой растерянный и убитый вид, что Уйзен сразу понял: случилось что-то плохое.

– Ну! – грозно сдвинул брови владыка.

– Дозоры сообщили... великий шад... урусы совсем недавно прошли на заход...

– Прошли на заход? Я не ослышался?

– Да, светлейший... С курганов даже видны их замыкающие полки...

Лицо Уйзена налилось кровью.

– Степные батыры, говоришь? Рождённые в седле? – зло зашипел он и вдруг стеганул своей камчой со всего маху раз и другой съёжившегося старшего темника, который не посмел даже поднять руку, чтобы защититься от ударов. – Свора степных шакалов! – кричал в приступе ярости Уйзен, потом в сердцах сломал и швырнул в сторону свою узорчатую камчу.

– Мы ещё можем их настигнуть... – начал тархан.

– Нет! Всё сначала! Теперь обходим урусов с полуночи, и если они опять окажутся расторопнее нас, то... – Глаза князя сузились до щёлок, на широких скулах обозначились жилы, а голос прозвучал столь грозно, что даже у бесстрашного Ходжар-тархана, не раз глядевшего смерти в очи, по вспотевшей спине забегали холодные мурашки.

– Мы перехватим их, великий шад! – произнёс старший темник и поспешил отдавать наказы.

«Сегодня твоя жизнь, Сфентослафф, на краткий миг обогнала смерть, – подумал Уйзен, – но скачка ещё не закончена...»

К вечеру достигли реки и переправились на другой берег. Тархан выслал разъезды вверх и вниз по течению. Не прошло и получаса, как вернулся разъезд с полуночи и сообщил, что на берегу много следов урусской конницы, уходящих прямо на заход.

– Эти урусы не люди, а сущие дэвы, – пробормотал Ходжар, не смея поднять глаз перед воеводой, – ума не приложу, как они оказались правее нас...

– Значит, нам нужно взять ещё дальше к полуночи и перехватить, покуда не достигли русских границ. И если на сей раз урусы окажутся впереди, то первой падёт твоя голова, Ходжар! – почти печально промолвил Уйзен.

Тархан тут же передал наказ темникам, пообещав то же проделать с их головами, те повторили тысяцким, сотникам, и так до самого последнего воина.

Хазарская конница, забыв об усталости и вполглаза дремля в сёдлах, ещё быстрее потекла к полуночи, а потом взяла неизменный путь на закат солнца. Всю ночь хазары шли шагом, утром не стали пересекать путь русам, а, прибавив ходу, двинулись ещё дальше, проводя в непрерывном движении почти весь день. Новой неприятной неожиданностью стали неведомо откуда возникающие на холмах столбы густого и видного далеко окрест дыма. Очевидно, они были замечены сторожевыми Киевского княжества, которые сигнальными дымами предупреждали о вторжении. Уйзен всё больше нервничал: теперь о его продвижении скоро узнают в Киеве. Долго находиться в этих землях становилось опасно, но где-то совсем рядом шёл Святослав, измотанный и обессиленный, и надо совсем немного времени, чтобы покончить с ним.

Чтобы действовать наверняка, Уйзен ещё одну ночь заставил своё войско идти шагом, а на рассвете выйти наперерез урусам.

Перед самым рассветом измученные непрерывной гонкой кони и всадники вышли к тому месту, где должен пройти Святослав. К счастью Ходжар-тархана и прочих темников, на этот раз следов урусской конницы не было. «Значит, выдохлись-таки и остановились на ночёвку», – подумал Уйзен. Он велел остановиться, выслать дозоры подальше окрест, а войску позволил покормить лошадей и немного передохнуть. Воины попадали с лошадей на землю и тут же уснули. Стражникам же было велено усилить бдительность, так как урусы могли появиться в любое мгновение.

Час проходил за часом, но Святослав не показывался.

«Крепко, видно, устали его аскеры, отсыпаются где-нибудь в столь любимом ими лесу. Полагают, что ушли от погони, и чувствуют себя в безопасности», – решил Уйзен. Он едва держался на ногах от усталости, поэтому, сделав необходимые распоряжения, тут же уснул в раскинутом воинами лёгком шатре.

Сына кагана разбудили возбуждённые голоса. Когда он открыл глаза, вокруг была непроглядная темень. Неужели ночь? Сколько же он проспал? И где войско Святослава?

Он выскочил из шатра.

– Что, урусы тут?

– Великий шад, там, – указал в непроглядную темень Ходжар, – наши дозорные наскоки на разъезд урусов, была короткая схватка, уцелевший дозорный ранен, но доскакал и рассказал об этом...

– Где они столкнулись с разъездом урусов?

– Впереди, шад... – Тархан вяло махнул рукой в сторону заката.

– Как? Урусы впереди? Ты опять проспал, пёс, и они ночью проскользнули мимо!

– Нет, владыка! – испуганно затряс головой Ходжар. – Я сам всю ночь проверял дозоры, мимо нас не прошёл ни единый человек. Не знаю, как это могло случиться...

Уйзен уже не кричал и никому не угрожал. Он знал, что его воины сделали всё, что было в их силах, и даже больше. Это какое-то колдовство – человек даже на самой лучшей лошади не может скакать так быстро и долго...

– Они уходят? – только спросил Уйзен.

– Нет, Уйзен-бей, на этот раз они не собираются уходить – раскинули неподалёку стан, выслали многочисленные дозоры и дожидаются утра.

– Что ж, значит, завтра быть решающей битве!

Едва забрезжил рассвет, как обе дружины уже стояли друг против друга в чистом поле за перелесками. Уйзену вдруг показалось, что урусов стало больше, или это в утреннем мареве клубы тумана напоминают полки людей?

Разорвав тишину, громко и призывно затрубили рога урусов, и их конница первой ринулась на хазарскую. Завязалась сеча, среди кипения которой Уйзен безуспешно пытался разглядеть Святослава.

Урусы дрались так, словно не было многодневных погонь и ночных скачек, – их всадники железной стеной напирали на хазар, удары были быстры и точны, конные маневры резки и стремительны. Левое маджарское Крыло уже наполовину очутилось в русском Коле, и такая же угроза нависла над правым Крылом. Уйзен со своим лучшим полком находился в центре Сердца, готовый немедля со всей силой ударить туда, где окажется Святослав, окружить его и не дать уйти. Но натиск урусов был так силен, что поселил суеверный страх в сердцах закалённых хазарских воинов.

– Это не урусы, а Дэвы напали на нас! – вскричал кто-то из темников.

– Дэвы... Дэвы! – разнеслось по рядам. – Урусская конница заколдована!

Сам Уйзен, наблюдая за ходом битвы, впадал во всё большую растерянность. Он не понимал, что происходит, пока не подскочил возбуждённый Ходжар-тархан.

– Великий бей, это не те урусы, не Святославовы! – кричал он, дико вращая очами. – Мы дерёмся совсем с другими, у многих – седые усы и волосы, это свежая киевская дружина!

– Трубить отход! – велел Уйзен. – Уходить к полуденному восходу!

Ходжар-тархан сразу понял, почему Уйзен дал такой приказ, – со стороны восхода, где-то совсем близко, идёт Святослав, а оказаться между двух русских дружин измотанному войску равносильно гибели.

Когда дозорные сообщили начальнику Старой киевской дружины темнику Притыке, что впереди хазарские разъезды, он нахмурился, но не проронил ни слова. Когда же доложили, что идёт много вражеских тем, он помрачнел ещё более и приказал готовиться к битве. Тревога не покидала старого темника с самого начала, когда Издеба, ведавший Киевским Ратным станом, сообщил, что примчались гонцы с вестью – много тем хазарских выступило против Святослава и князь просит подмоги. И велел Притыке немедля выступить со Старой дружиной. «Неужто опоздала наша помощь и хазары уничтожили Молодую дружину, если тьмы вражеские уже здесь оказались?» – думал Притыка, тревожась за Святослава. Одна надежда на то, что опытный и осторожный Свенельд рядом с молодым князем. «Хм, – тут же возражал себе с горечью темник, – в полюдьё на Древлянской земле князя Игоря тот же Свен сопровождал, да только воевода живой и здоровый вернулся, а Игоря-то убили... – Притыка в задумчивости поскрёб загорелую лысую макушку с жидким пучком светлых волос. – Эх, беда, да и только», – вздохнул старый темник в ответ на невесёлые думы.

Старые вои только крепче сжимали рукояти мечей и с особым тщанием выполняли приказы и перестроения; мысли, подобные темницким, отягощали и их головы, потому они готовились поквитаться за своих младших – у многих дети, племянники и прочие родичи ушли с Молодой дружиной Святослава.

Звенислав, прознав про хазар, хотел поспешить к темнику Притыке с просьбой дозволить ему вступить в сечу, оставив запасных коней на попечение молодых подручных. Сердце старшего Лемеша тревожно ныло и усиленно билось в груди, будто спрашивало, как же так, как же так? И в самом деле, как так вышло, что шли на подмогу Малой дружине, а оказались лицом к лицу с хазарами? Неужто... нет, о таком лучше пока не мыслить. А что, думал конюшенный, так и скажу: дозвожь, Притыка, в сражении участвовать, два сына моих в дружине Святославовой... И тут же представил ответ угрюмого темника, да так ярко, будто и в самом деле стоит рядом с ним Притыка и речёт: «Как же кони, что тебе доверены? Сам разумеешь,

что такое добрый конь, а как темник или тысяцкий без коня в бою останется?» Нахмурится Притыка, осерчает. Нет, не дело это, – решил конюшенный, – битва вот-вот начнётся, и каждый должен на своём месте быть. Не имею я права Притыку отвлекать. – Звенислав огляделся, кликнул юных своих помощников и повелел собрать и оседлать коней, чтоб ни мига задержки не было в случае надобности.

Утренний туман ещё не успел растаять под лучами восходящего светила, как туры рога русов протрубили сигнал нападения. Конница киян возникла из тумана и понеслась на врага без молодецкого гиканья и удалого посвиста, молча. Только гул многих тысяч конских копыт да дрожание сотрясаемой ими земли грозно катились в сторону выстроенных к бою хазарских полков. Необычное поведение урусов да и само их появление с неожиданной стороны вселили в хазарских воинов некоторое смтение. Только когда между противниками осталось не более сотни шагов, вдруг взревели ряды урусов грозным рыком. Воздев к небесной Сварге свои обоюдоострые мечи и секиры, схлестнулись они с врагом, горя праведным огнём жестокой мсты.

Звенислав, находясь позади войска и слушая ухом битву, неотрывно следил за лошадьми. Как только подскакивал на разгорячённом коне посыльный и сообщал, у кого из начальников пал или ранен боевой конь, конюшенный тут же отсылал к нему подручного с запасным конём.

Когда, не выдержав страшного натиска русов, хазары начали отходить, а затем и бежать, Звенислав с помощниками повёл запасной табун вослед наступающей дружине. Вот снова показался всадник, летевший во весь опор, – этот уже в пятый раз за сегодня, – отметил конюшенный. Посыльный был всего в нескольких шагах, когда вдруг уронил голову на шею забрызганного кровью коня и начал боком съезжать с седла. «Ранен», – сообразил Лемеш, его молодые быстроногие помощники успели подхватить падающее тело посыльного, а тот тихо прошептал:

– Темнику... конь нужен...

– Кому, имя реки, – тормошил его Звенислав.

– Притыке... – ещё тише прошептал посыльный и, видимо, лишившись сознания, забормотал что-то невнятное.

– Рану перевяжите да кудесника к нему кликните. Сережень, остаёшься за главного, – распорядился Звенислав, – каждый за коней порученных головой отвечает. Подай копьё и щит! – закончил конюшенный, уже сидя в седле своего гнедого и прихватывая к луке повод широкогрудого коня темника Притыки. Он тронул с места, быстро набирая ход в ту сторону, где гремело железо смерти, где кияне, настигнув уходящих кочевников, отсекали часть из них и заключили в крепкое русское коло.

Чем ближе к сече, тем больше изрубленных тел под копытами коней, тем явственнее дикая ярость горячки боя, и тем холоднее и ощутимее дыхание смерти, что царит безраздельно над полем битвы. Звенислав торопился – он ведь не просто огнищанин, а один из лучших конюшенных Киевской дружины, кому, как не ему, ведомо, сколь важно темнику, руководящему всей битвой, иметь в сражении не просто доброго, а именно своего коня. Свой конь не только носит седока, он чувствует и понимает каждое движение и каждую мысль хозяина, потому в бою они – единое целое.

Всё ближе шум сражения, уже явственно доносятся команды и скрежет железа, боевые возгласы, конское ржание, стенания умирающих. Где же искать темника Притыку? Ага, вон там, на взгорбке, кажется, в окружении посыльных и личных охоронцев.

– Р-раступись, конь для темника Притыки! – покрикивал Звенислав, пробираясь сквозь живой частокол, и всадники, понимая важность задачи, уступали дорогу. Едва достиг огнищанин холма, едва крикнул: «Конь для темника!» – как тот мигом слетел с холма на хазарском тонконогом скакуне. Оставив седло доброго, но не подходящего под его могучую стать и уже порядком уставшего жеребца, он бросился к сменному коню.

– Дякую, конюшенный, вовремя подоспел! Хазары коло прорывают ошую, немедля закрыть, иначе уйдут! – уже кричал Притыка посыльным и летел в новом седле в сторону прорыва, а за ним все, кто был подле темника. Туда же помчался и Звенислав.

Вместе с Притыкиными дружинниками, с ходу врезавшись в хазарские ряды, он сначала разил копьём, а потом ожесточённо заработал своим боевым мечом, доставшимся от отца, старого Лемеша. Поразив очередного хазарского воя, Звенислав тут же набрасывался на нового. Ярость не утихала, огнищанин был готов сам погибнуть в сече, но только не принести домой возможную страшную весть о гибели сыновей. С такой же яростью и отвагой дрались и прочие киевские вои. Прорыв был закрыт, коло стянуто ту же, а потом разделено надвое, а ещё через полчаса хазары, попавшие в эти коло, уничтожены, и Притыкина тьма не менее яростно принялись преследовать отступающее на восток хазарское воинство. Когда же киян облетела весть, что путь к отступлению врага преградила Молодая дружина, то возгласы радости старых воинов были ответом на это известие. Ещё яростнее заработали они мечами. Значит, живы молодые вои и жива надежда на скорую встречу!

В сердце Звенислава запела она степным жаворонком, засияла лучом солнца весеннего. Стал прорубаться он через хазарские ряды, что дровосек через лесную чащу. Никогда, кажется, прежде не работали так споро и ладно его меч и щит. Даже в молодые годы, когда отчаянный и полный молодецких сил летел он, подхваченный общим порывом, навстречу вражеской коннице, даже тогда не мог он свершить того, что совершал сегодня.

Нынче он дрался за троих. Пока не увидит он своих сыновей, пока не узнает, живы ли они, силы в нём не убудут. Рубился Звенислав и усталости не ведал, будто черпал живую воду из волшебного колодца.

Хазары стали отступать к полуденному восходу, а за ними по пятам следовала Старая Киевская дружина, догоняла, отбивала полки, уничтожала последних и ослабевших.

«Мы не выдержим долгой скачки, урусы разорвут всё войско на куски, прежде чем мы покинем их землю... – лихорадочно размышлял Уйзен. – Всем не уйти, поэтому нужно спасти лучших...»

Справа впереди замаячил лес. Теперь Уйзен знал, что делать.

Призвав Ходжар-тархана, он велел:

– Левому Крылу развернуться полумесяцем, встретить урусов и стоять насмерть! А Итильским и Хорезмским тьмам уходить к лесу, а там повернуть на восход, домой! Помни, маджары и полукровки должны стоять до последнего, иначе никому не вырваться! – повторил, как заклинание, Уйзен.

Тархан полетел исполнять приказ.

Левое Крыло развернулось и встало сзади живым заслоном. Снова загремели мечи, высекая искры, видные даже днём. Противники сшиблись в яростной схватке, и на землю полилась человеческая и конская кровь. Русы сразу же начали теснить заслон, рассекать его на части и заключать в малые кола.

Пора! – понял Уйзен. Он дал знак старшему темнику, и Итильско-Хорезмские тьмы, отделившись от остальных, во весь опор понеслись к лесу.

То, что случилось потом, было похоже на дурной сон. Из леса вдруг выскочила урусская дружина, впереди которой, несомненно, летел сам Святослав. Это было настолько неожиданно, что ошарашенный Уйзен на миг забыл, что именно за головой урусского князя он охотится столько дней и ночей, и несколько мгновений смотрел на него, непроизвольно сжимая горячей дланью отцовский амулет на груди. Чуткий конь невольно замедлил бег и тем самым спас своего хозяина: верные итильцы обтекли сына кагана и схлестнулись со Святославовым воинством. Пошла рубка не на жизнь, а на смерть.

Несколько раз урусы пытались окружить хазар, и к полудню им удалось свести Крылья. Но итильские батыры, рубясь, как одержимые, прорвали коло и стали уходить из него. В этот самый миг подоспела Старая дружина во главе с Притыкой, покончившая с маджарским Крылом. Она стянула края прорыва, как концы развязавшегося меха, и опять замкнула Перуново коло.

Только близость смерти может так приумножить силу человека, что он обретает способность совершать невозможное. Хазарские воины, сплотившись вокруг Уйзена, вновь встали в Лодию, вклинились в самое узкое место, напрягли мышцы и волю и, теряя людей сотнями, вырвались-таки из кола и потекли прочь – кто в лес, кто рассыпался по степным просторам. Урусы кинулись в погоню, и скачка продолжалась до самого вечера. И только благословенная ночь, опустив на землю свои чёрные покровы, на сей раз спасла хазар от полного уничтожения.

К рассвету остатки хазарских тем собрались далеко за лесом.

– Домой! – тусклым голосом приказал Уйзен.

Конница усталым шагом направилась к восходу.

Но не успело ещё взойти солнце нового дня, как сзади заklubилась, быстро приближаясь, степная пыль. Может, это остатки какой-нибудь тьмы? Но дозорные известили: погоня!

Уйзен придержал коня.

– Сколько их?

– Совсем немного, шад, одна-две тысячи!

Среди скачущих киян Уйзен скоро различил знакомую фигуру Святослава. Ты не угомонился, дерзкий урус? – Уйзен коснулся рукой заветного талисмана. Древний амулет не только спас ему жизнь, но и посылает напоследок урусского князя прямо в руки. Как безрассудный охотник, потерявший голову, он задумал с двумя-тремя тысячами воинов догнать раненного, но ещё полного сил зверя. Наконец-то боги дают возможность выполнить волю отца, хвала им!

– Окружить и уничтожить! – простёр руку Уйзен.

Подчиняясь приказу, остатки хорезмских тем разошлись в стороны и стали описывать полукруги, сближаясь за спиной Святослава и отрезая ему путь к отступлению. Сам Уйзен во главе итильских тем, выстроив Сердце Стрелой, направил её острие туда, где мелькали блестящий шлем и белый конь Святослава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.